

литература • культура • молодёжь • время/май 2019

ИДЕЛЬ

16+

**БУИНСК:
ТЕАТР,
ИСТОРИЯ,
ЛИТЕРАТУРА**

Александр Ананьев

БУИНСК

Люблю я лето, солнце и Буинск,
Железную дорогу, мост через реку,
И на реке стоящие буи,
Как памятники человеку,

И это не отпустит никуда,
Ты навсегда останешься в Буинске,
Где детства беззаботного года,
Застыли в памяти какobelisks.

ИДЕЛЬ

Редаксовет:

Ирада АЮПОВА
Разиль ВАЛЕЕВ
Римзиль ВАЛЕЕВ
Айгуль АБДРАХМАНОВА
Ркаиль ЗАЙДУЛЛА
Халиса КУЗЬМИНА
Фарид МИФТАХОВ
Рузаль МУХАМЕТШИН
Газинур МУРАТ
Данил САЛИХОВ
Сюмбель ТАИШЕВА
Дамир ФАТТАХОВ
Данис ШАКИРОВ

Руководитель филиала

Радик Рашидович САБИРОВ

Главный редактор

Айсылу Айдаровна ХАФИЗОВА

Заместитель главного редактора

Ирина ЕРМАКОВА

Редакторы:

Галина БУЛАТОВА
Зулейха КАМАЛОВА

Корректор:

Ильсия ШАГАПОВА

Макет, верстка

Равиль ШАРАФУТДИНОВ

Главный бухгалтер

Лилия БИКБАЕВА
Тел. +7(843) 222-09-84, доб. 1270

Офис-менеджер

Гульнара ЧЕРЕПНЕВА

Учредитель: АО «ТАТМЕДИА»

420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Издатель: АО «ТАТМЕДИА»

420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Создано при поддержке Республиканского
Агентства по печати и массовым
коммуникациям «ТАТМЕДИА»

Адрес для писем:

420066, г. Казань, а/я-52. «Идель».

Адрес редакции:

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2, 7 этаж.

e-mail: idel-kazan@mail.ru

Адрес сайта: www.idel-rus.ru

Тел +7(843) 222-05-45

За достоверность рекламных объявлений
ответственность несет рекламодатель

Подписной индекс – П2361

Свободная цена

При перепечатке ссылка на
«Идел - Идель» обязательна. Рукописи
не возвращаются и не рецензируются.
Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов.
Редакция не располагает возможностью
выступать ходатаем в
официальных организациях.

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
под номером
ПИ №ФС 77-54276 от 24 мая 2013 г.

Тираж – 2009

Тираж сертифицирован

Отпечатано в типографии

АО «Татмедиа» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

Подписано в печать 06.05.2019

Дата выхода в свет: 13.05.2019

Заказ О-1165

Формат 84x108, 1/16. Усл.-печ. л. 6,72

Уч.-изд. л. 8,5

16+

Фото 1 обложки – Рамила Гали

СОДЕРЖАНИЕ

9

- 2** МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА
Рузиля МУХАМЕТОВА
Повороты Буинского театра
- 7** РЕПЛИКА СВЕРХУ
Марат ЗЯББАРОВ
Театральный фестиваль в Буинске – отличный повод для привлечения туристов
- 9** ОКНА РОСТА
Айсылу ХАФИЗОВА
От Гоголя до Курочкина один шаг
- 13** ПОРТРЕТ
Ландыш АБУДАРОВА
Ильфир Султанов: «Наше рабочее место – весь мир»
- 18** ГЕРОЙ НОМЕРА
Рашит АХМЕТОВ
Сердце зрителя не обманешь
- 23** ЮБИЛЕЙ
Равиль РАХМАНИ
Наша любовь. Стихотворения
- 24** ДЕБЮТ
Тимур ШИГАПОВ
«Мы разучились, возможно, мечтать...». Стихотворения
- 26** РЕЛЬЕФ МЕСТНОСТИ
Рифат КАЮМОВ
Адав-Тулумбаево. Очерк по истории села

- 31** ИСТОРИЯ В ДЕТАЛЯХ
Рифат КАЮМОВ
Гумер Тулумбайский. Неизвестные страницы
- 35** ТАТАРСКИЕ СКАЗКИ
Гумер ТУЛУМБАЙ
Бедняк и Юха-оборотень
- 38** ПРОЗА
Ахат ГАФФАР
На саван карманов не шьют
- 48** В ПЕРЕВОДЕ
Ахмет РАШИТ
«Отстроить руины на целой планете...». Стихотворения
- 50** В ПЕРЕВОДЕ
Рифат САЛАХ
«Я знаю, всё было другим до меня...». Стихотворения
- 52** ПОЭМА
Ренат ХАРИС
Победитель
- 55** ДЕБЮТ
Юрий СМIRНОВ
«Осенний парк – иное существо...». Стихотворения
- 56** В ПЕРЕВОДЕ
Шараф МУДАРРИС
«Лишь стоит об этом подумать...». Стихотворения
- 57** НОВАЯ КНИГА
Артём СКВОРЦОВ
«Жизнь удалась, а мы, похоже, нет». Стихотворения

- 58** ПО СЛЕДАМ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
Рустам НАБИЕВ, Ильдар МИФТАХОВ
Борьба идеологий в Сталинградской битве
- 60** ПОЭЗИЯ
Миясат МУСЛИМОВА
Это твой Макондо. Стихотворения
- 63** КИНОСЦЕНАРИЙ
Мансур ГИЛЯЗОВ
Белый-белый голубь
- 69** ПРОЗА
Илгиз АХМЕТОВ
Путь к истине
- 80** НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ
В чем сила коллектива?

7

24

► Рузиля Мухаметова

ПОВОРОТЫ БУИНСКОГО ТЕАТРА

Электронная версия журнала «Идеальное» предназначена исключительно для индивидуального пользования. Любое тиражирование, копирование, передача третьим лицам электронной версии «Идеальное» без согласия редакции «Идеальное» запрещено. О нарушениях авторских прав (раздел VII ГК РФ) и Пользовательского соглашения сообщайте в редакцию.

Выпустивший на татарскую сцену первую фигуру новой татарской эстрады Фирзара Муртазина, а также Латыповых и Рината Рахматуллина, популяризовавших исполнение без вокала, Буинский край подарил татарскому миру и новый театр. Уникальное явление под названием «Буинский драматический театр» получил статус государственного в 2007 году решением Президента Татарстана Минтимера Шаймиева. Буинский театр – «личный проект» Раиля Садриева. Именно он породил этот театр, именно он поставил его на надежный исторический фундамент. И опираясь на эту историю, объявил о 100-летию Буинского театра.

Из интервью Раиля Садриева: «Один креативный человек – учитель Акрам Мифтахетдинов организовывает в Буинске театральный кружок в 1913 году, а в 1915 году пишет прошение царю с просьбой предоставить цензора. В те времена татарам цензоров не давали. После свержения царя и смены власти Мифтахетдинов, как очень умный человек (вероятно, мишарин), пишет новое прошение. А поскольку мы были Симбирской губернией, Буинским уездом, и возможно потому, что Керенский был из Симбирска, прошение подписали и дали разрешение в 1917 году».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА:

- **4 мая 1917 года** татарскими преподавателями под руководством Акрама Мифтахетдинова ставится спектакль по пьесе Исхака Казакова «Путешествие в Казань».
- **В начале 1918 года** в Буинске открываются курсы учителей. Курсанты после дневных занятий вечерами играют спектакли в деревнях уезда. Среди артистов был и молодой писатель Гумер Тулумбай.
- **В 1918 году** драматический кружок становится труппой из 20 человек, открывается пансион для артистов. Предоставляется здание для представлений. Оно получает название Буинский городской театр.
- **В 1918–1926 годы** в Буинске начинают работать Салих Сайдашев, Файзи Биккинин, Камал I и Камал II, Гульсум Болгарская, Зулейха Богданова, Ситдик Айдаров, Мухтар Мутин, Гульсум Камская, Газиз Айдарский, Барый Тарханов, Захида Тинчурина и другие.
- **Сезон 1924–1925 годов** стал для Буинского театра временным подъемом. Этот подъем связан с именами четырех артистов: Барый Тарханов, Барый Болгарский, Гульсум Болгарская, Зулейха Богданова. Они приезжают в Буинск в 1924 году. Публика приезжала специально, чтобы увидеть этих артистов на сцене. В спектаклях, которые показывают раз в неделю, наряду с профессионалами играют и самодеятельные артисты.
- **В январе 1927 года** на очередном съезде Союза деятелей искусств Татарстана принимается решение организовать самостоятельную татарскую театральную труппу. Статус и имя театра затем меняется часто.
- **В 1942–1944 годы** в Буинске поработал Татарский государственный театр драмы и комедии имени Тинчурина, он тогда носил имя Буинского городского драматического театра.
- **В 1946–1947 годы** в Буинске работает театр под руководством Зулейхи Богдановой.
- **С 1947 года в Буинск** приезжает Саэт Кальметов и получает признание как режиссер Буинского колхозно-совхозного театра.
- **В 1949 году** профессиональный театр закрывается.
- **Видный драматург** Шариф Хусаинов, литературовед Равиль Рахмани, писатель Барлас Камалов – личности, выросшие из литературно-драматических кружков Буинска. Актер Салим Мифтахов, певцы Фирзар Муртазин, Дина и Рафаэль Латыповы – артисты, игравшие на сцене Буинска.
- **2002 год.** Раиль Садриев с группой самодеятельных артистов ставит спектакль «Зятья Григория» по пьесе Туфана Миннуллина. После одного успешного спектакля ставится второй – комедия «Артисты из Алепле» Амануллы. Затем пошли комедии Ильфака Шигапова, Данила Салихова. Сначала театр получает статус народного, а затем довольно скоро становится государственным.

Широкой общественности буинский театр сначала был представлен как Театр сатиры. Сейчас в названии государственного театра нет слова «сатирический», но официально – это одно, а на деле – совсем другое. Не только же на эстраде можно зарабатывать анекдотическим фольклором.

Таким образом, вновь образованный государственный театр потихоньку начинает собирать в своем поле эстрадного зрителя. Конечно, поначалу искушенная публика смотрела на новый театр с пренебрежением. Но уже в те годы буинский театр имел крепкую концепцию и свою стратегию.

СВОЕГО ЗРИТЕЛЯ БУИНСКИЙ ТЕАТР ПЕРЕМАНИЛ ОТ ЭСТРАДЫ

Получение официального статуса – это одно. Другое – найти своего зрителя и обрести свое место в театральном мире. Это может оказаться сложнее, чем официальный статус.

Мы знаем, в театры ходит лишь 3–5, максимум 7 процентов населения. Радует, что культурных мероприятий и их видов становится все больше, но их зрители – одни и те же люди. В их семейном бюджете предусмотрена определенная сумма, и они не начнут тратить больше только потому, что появился новый театр.

И раз уж ты создал театр, у тебя должен быть крепкий менеджмент! Первый пункт в менеджменте Раиля Садриева – харизма и обаяние.

Из интервью Раиля Садриева: *«Бывает, в юморе проскальзывают и шутки ниже пояса. И поначалу мои шутки этим страдали. А когда получаешь государственный статус, начинаешь смотреть по-другому! Предъявляются другие требования. Есть план. Я не думал, что театр сам по себе – большой мир. В этом мире все на своих местах. И в то же время театры должны как-то жить, зарабатывать! Я уже не могу запросто уехать на гастроли. А люди приходили на меня посмотреть. И когда я перестал ездить, зритель начал гаснуть. Теперь я начал участвовать во всем сам, мы начали по новой поднимать театр. Мы с самого начала взяли сатирическое направление. Сегодня зрителю хочется отдохнуть, посмеяться, забыться, он хочет услышать со сцены то, что сам не может сказать. Мое направление должно быть таким: доводить до слез от смеха!»*

И как уже говорилось выше, было решено перетянуть эстрадного зрителя. И поклонники эстрадного театра «Мунча ташы» и звезд шоу-бизнеса начали смотреть спектакли буинского театра. Труппа активно гастролирует, выступает в залах Казани. Репертуар состоит в основном из комедий. А чтобы окончательно привязать зрителя, театр берет в труппу Ильсура Муртазина и выдвигает его на премию «Триумф» – «Тантана» в номинации «Дебют». Разумеется, сегодня активный участник эстрады в театре долго работать не может, поэтому идет своей дорогой.

Еще один артист, получивший известность в буинском театре – Рамиль Шарапов – также не смог вписаться в рамки театра, ушел на поприще попсы.

Я связываю уход таких артистов из мира театра с возросшими требованиями к театральным актерам. То

есть театр уже не устраивает только амплу комика. Театру становятся нужны думающие актеры. Какие-то актеры растут вместе с этими требованиями, какие-то не хотят или не могут, поэтому выбирают другие пути.

ДОРОГА НА МЕЖДУНАРОДНУЮ АРЕНУ ЧЕРЕЗ ЛАБОРАТОРИИ И ФЕСТИВАЛИ

Театр, живший выполнением государственного репертуарного плана, начинает стремиться к новым высотам. То есть буинский театр пытается выйти на театральную арену России как серьезный театр, ставящий серьезные проблемы. Конечно, не отказываясь от сатиры.

Сегодня в театрах России есть направление, которое показывает кипение жизни, – это театральные лаборатории и фестивали. Художественный руководитель и директор буинского театра Раиль Садриев не стал выбирать, с чего начать, начал проводить и то, и другое. Под кураторством завлита театра Камала Нияза Игламова здесь появились театральная лаборатория «Буинская Талия» и международный фестиваль «Буа: пространство диалога».

Театральная лаборатория проходит летом. Она призвана встряхнуть не только режиссеров и актеров, а также сам театр и его зрителей. Но татары – народ бережливый, поэтому некоторые лабораторные эксперименты потом обогащают репертуар театра Буинска. Эскиз лаборатории 2017 года был представлен на фестивале «Ремесло» уже в качестве полноценного спектакля. Речь идет о «Концлагеристах» Валерия Шергина. Его режиссер Тимур Кулов был приглашен в буинский театр для постановки. Но сам спектакль получился неудачным. Автор идеи театральной лаборатории Олег

Лоевский после спектакля выступает со словами: «из успешного эскиза редко получается удачный спектакль». Одним словом, эксперты в один голос хвалили эскиз и ругали спектакль.

Главную роль в спектакле сыграл директор и основной актер театра Буинска Раиль Садриев. Но будет ошибкой думать, что коллектив, пораженный неудачей, уехал в свой Буинск несолоно хлебавши. Директор сообщает о том, что в спектакль будут внесены правки с учетом мнения критиков. Спектакль перестраивается по новой и... спектакль попадает в лонг-лист театральной премии «Золотая маска». «Даже если ты упал, надо найти в себе силы подняться, мы должны быть такой нацией», – говорит Раиль Садриев, показывая пластмассовую неваляшку в своем кабинете.

Таким образом, Раиль Садриев и буинский театр в российском театральном пространстве нашли свое место. Подтверждающий это факт: в этом году Раиль Садриев выступил на театральной конференции в рамках «Золотой маски» – представил свой театр и его проекты.

Второй большой проект буинского театра – это международный фестиваль «Буа: пространство диалога».

Из интервью Раиля Садриева: «Фестиваль – моя давняя мечта. Буинский театр – единственный государственный театр в закамском регионе. Когда мы открывали театр, мы продвигали эту идею – два миллиона татар живут в Закамье: Самара, Мордовия, Пенза, Ульяновск, Чувашия, Саратов... Что мы можем представить гостям? Вкусные татарские блюда и гостеприимство. Мы же раньше не проводили фестивалей. Мы и театр так начинали. Как говорят? Если ты к Богу сделаешь один шаг, он сделает к тебе десять. Самое главное – сделать первый шаг. Почему Татарстан первым берется за все пилотные проекты? Это страшно, это авантюра. Но здоровая авантюра, и если получится – хорошо. Поэтому нам завидуют. Я пригласил всех: “Приезжайте! Место найдем для всех!”».

Фестиваль находится в процессе поиска – и в названии, и в содержании. В 2017 году он начинался как театральный фестиваль «Идель – Буа – Урал», а позже он переименовал название на «Идель – Буа – Урал. Пространство диалога». Численность коллективов-участников растет год от года, расширяется география. И если в 2018 году были приглашены все театры Татарстана, в нынешнем году заявок было столько, что наши стали включать участников в программу выборочно. Думаю, тенденция продолжится.

Но театр Буинска не ограничивается проведением своего фестиваля, он и сам разъезжает по фестивалям. Что любопытно – там же и гастролы проводит.

ЧТО ЖДЕТ БУИНСКИЙ ТЕАТР В ДАЛЬНЕЙШЕМ?

Возможно ли, что в будущем буинский театр станет драматическим, как заявлено официально?

Из интервью Раиля Садриева: «Нет, театр сатиры! У татар еще не было театра сатиры. Наш театр пока решили назвать драматическим на типовой основе. Туфан Миннуллин там присутствовал. “Если сможете выдавать полноценную сатиру, изменить название ничего не стоит”, – сказали нам тогда. И я согласился. В центре Казани стоит прославленный театр Камала. Эталон! Есть молодежный театр. Тинчуринский театр, возможно, в будущем возьмет музыкальное направление. Чем больше цветов, тем красивее жить, не так ли?»

Театр, где бы он ни был, – место встречи интеллектуалов. Поэтому, если взять те же театры в Альметьевске, Мензелинске, Набережных Челнах, Нижнекамске, они стали не только местом встречи и общения думающих татар, а точками роста городской культуры. Вероятно, буинский театр выполняет ту же миссию. Но и не только.

Во-первых, буинский театр стремится быть достоинством всех народов, населяющих Закамье, – татар, чувшей, русских. Он достигает этой цели, показывая свои

спектакли в Апастовском, Кайбицком, Тетюшском, Дрожжановском районах Татарстана.

Во-вторых, театр Буинска и Раиль Садриев стремятся взять на себя все направления в культуре своего города. Скажем, те же выставки картин. По правде говоря, изобразительное искусство не получило у татарского народа такой же популярности, как пение и театр. К слову, как утверждает ученый, знаток татарской литературы Милеуша Хабутдинова, изобразительное искусство в татарской среде не получило своего развития по известным причинам, татарская культура больше опиралась на слово.

Но это к Буинску, похоже, не относится. Вспомним о том, что основатель татарского изобразительного искусства, его аксакал, видный художник Баки Урманче – выходец из Буинского края. А сейчас Раиль Садриев носит с идеей создания галереи изобразительного искусства в Буинске и своей родной деревне Тулумбаево. Впрочем, идея даже находит свое воплощение. Пленэр, организованный Союзом художников Татарстана, уже два сезона проходит в Тулумбаево. Авторы, жившие и творившие в Тулумбаево, по соглашению с Союзом, подарили по одной картине местной галерее.

Из интервью Раиля Садриева: *«Картины – они как аккумулятор, источник сохранения энергии. В наши дни появилась такая дурная болезнь, как депрессия. А картинная галерея может спасти от этой болезни. Она и развивает человека, и обогащает. Я иду к своей цели. Лучшие художники собрались в моей родной деревне и в течение двух недель увековечили красоты Тулумбаево.»*

Таким образом, с одной стороны буинский театр по географической горизонтали разнесся по всему закамскому региону, с другой – растет по вертикали, к нему один за другим присоединяются картинная галерея, фестивали и другие современные мероприятия в сфере культуры. И растущий по горизонтали и вертикали буинский театр, без сомнения, займет свое место как большой бренд в масштабах России и мира.

Но нельзя не упомянуть об одной самой большой проблеме театра – здание. Несмотря на то, что помещение смотрится со стороны как симпатичный кукольный домик, ему нужен ремонт и реставрация, а возможно, даже

требуется новое большое здание. В этот «кукольный домик» буинский театр уже не вмещается.

Еще одна тема, о которой Раиль Садриев поначалу говорил активно, а теперь все реже, – это туризм.

Из интервью Раиля Садриева: *«Есть одна тема, которую даже сами буинцы не до конца знают и которая существует лишь на просторах интернета и в каталоге – Карлинский метеоритный кратер. Река Карла делит Буинск на две части – мишарскую и татарскую. Граница мишарского поселения начинается от реки Карла. Буинские мишаре, дрожжановские, ульяновские, мордовские, самарские, чувашские, нижегородские... Почему мы не знали об этом раньше?! Даже узнав о них сейчас, мы не торопимся что-либо делать. Когда я начал этим интересоваться, я разговаривал с историками в Чувашии, они очень заинтересовались метеоритом. Нефти у них нет, так хотя бы метеорит. А эпицентр метеорита приходится на буинскую территорию. Не так уж и много – всего около километра. Это зафиксировали в 1958 году профессора МГУ. Это 25-метровый слой диаметром в 10 километров. Там сейчас – поле, нет никакой инфраструктуры. А ведь все делается руками человека, глаза боятся, руки делают. Надо начать! Попробовать! Проверить радиационный фон. Возможно, когда раскопаем, найдем лечебные свойства, а вдруг выйдет какой-то полезный слой. Этот метеорит же там есть! И он в России самый крупный! Это же могло проложить к нам туристический маршрут... Я советую односельчанам не продавать свои дома. Эта земля в будущем станет очень дорогой.»* ■

МАРАТ ЗЯББАРОВ: Театральный фестиваль в Буинске – отличный повод для привлечения туристов.

Марат Азатович Зяббаров – глава Буинского муниципального района Республики Татарстан. Родился 3 июля 1983 года в городе Чистополь. Окончил Казанский государственный финансово-экономический институт по специальности бухгалтерский учет, анализ и аудит в 2005 году. Получил специальность агрохимика и агропочвовед в Казанском государственном аграрном университете в 2008 году. А в 2013-м получил диплом юриста К(П)ФУ. С 2000 года – программист, с 2002 года – заместитель генерального директора ЗАО «Бирюли» Высокогорского района. В 2003 году стал гендиректором ОАО Племзавода «Бирюлинский». В 2013 году назначен заместителем министра сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан. С июля 2017 года – руководитель Исполнительного комитета, а с 15 сентября того же года глава Буинского муниципального района Республики Татарстан. Заслуженный работник сельского хозяйства Республики Татарстан.

2019-й год объявлен Годом театра в России. Мы вместе с творческим коллективом Буинского государственного театра готовимся к грандиозному событию не только для нашего района, но и для всей республики. В мае у нас пройдет III Международный фестиваль национальных театров «Буа: пространство диалога», в котором планируют принять участие театры Ирана, Турции, Сербии, Молдовы, Украины, Казахстана, Эстонии и Узбекистана. А в августе планируем провести III Театральную лабораторию «Буинская Талия». К участию приглашаются опытные режиссеры со всей России, ведущие режиссеры национальных театров.

Кроме того, при районном доме культуры Буинска с 2012 года вновь заработал народный театр «Яктылык» («Свет»), где ежегодно артисты показывают зрителям свои постановки. В этом году артисты приняли участие в V Международном фестивале «Дни театра тюркского мира», который прошел в городе Мерсин (Турция). Там они представили зрителям спектакль по пьесе Зифы

Кадыровой и Ркайля Зайдуллы «Язмыш сынавы» («Испытание судьбы»). Буинцы также удостоились награды «За сохранение театральных традиций» и на межрегиональном фестивале Бари Тарханова. Вместе с этим Буинский народный театр готовит себе смену, будущих артистов.

2018 год в Буинском районе также отметился масштабным событием – здесь прошел Международный театральный фестиваль «Буа: пространство диалога». Буинск принимал около двух десятков российских коллективов, а также три труппы из стран ближнего зарубежья – Казахстана и Азербайджана. 600 человек – общее число участников и организаторов фестиваля. Зрители, а их было более семи тысяч, увидели около сорока постановок. Радует и вселяет надежду, что две тысячи фестивальных зрителей – дети.

Кульминацией прошлогоднего театрального фестиваля стал спектакль «Маленький принц» с участием народного артиста России Сергея Безрукова.

Я считаю, Буинский драмтеатр всем доказал, что даже небольшой город может провести на высшем

Электронная версия журнала «Идель» предназначена исключительно для индивидуального пользования. Любое издание без согласия редакции «Идель» запрещено. О нарушениях авторских прав (раздел VII ГК РФ) и Пользова

уровне такое масштабное событие как международный фестиваль, целью которого является популяризация театрального искусства в нашем регионе и развитие театральной аудитории. А еще, это отличный повод для привлечения туристов.

Руководитель театра Раиль Садриев – человек, влюбленный в свою работу, а тот, кто верен своему делу, достоин восхищения. Благодаря своей целеустремленности и преданности творчеству, он достиг небывалых высот в своей профессии, благодаря ему наш Буинск маленькими шагами идет к тому, что когда-нибудь будет признан театральной столицей Татарстана. Хочется на это надеяться.

Главой Буинского района я стал два года назад. Я рад, что с новыми для меня людьми удалось быстро найти общий язык – в коллективе царит командный дух, когда возникают трудности, мы преодолеваем их

вместе. Для главы района важен опыт управленца. И я вижу свою деятельность, в первую очередь, во взаимодействии с общественностью, производителями и предпринимателями. Только совместная работа и активное участие каждого в жизни района даст результат.

Буинский район по сельскохозяйственному производству входит в четверку лучших аграрных районов Республики Татарстан и выступает одним из значительных производителей мяса, молока, зерна, сахарной свеклы. Валовый объем сельскохозяйственной продукции Буинского района составляет 4 миллиарда 448 миллионов рублей. В структуре отгруженных товаров промышленного производства по-прежнему, более 90 процентов, приходится на переработку сельхозпродукции. Эта сфера представлена сахароперерабатывающим предприятием, филиалом российского спиртзавода, собственным спиртзаводом, а также филиалом татарстанского молочноперерабатывающего комбината.

Уверенно набирает темпы буинское предприятие по производству мяса – в этом году объемы выросли на 7 процентов. Одним из успешных предпринимателей района является Марат Фасхиев, занимающийся производством полбы. Сегодня его предприятие специализируется на выпуске различных изделий из полбы: цельнозерновой и дробленой крупы, муки и макарон. Всего в 2018 году компанией было реализовано более 620 тонн продукции. Основные покупатели – Нижний Новгород, Новосибирск и Москва, продукция реализуется от Хабаровска до Калининграда. Успешно ведет свой бизнес житель деревни Большие Бюрганы Раиль Хисамов. Он держит в своем хозяйстве около 70 лошадей пород «Русский тяжеловес», «Русский рысистый», «Литовский тяжеловес».

Каждое принимаемое нашей командой решение – выверенное и необходимое для района и его отдельно взятого жителя. Для этого мы стараемся делать все от нас зависящее, участвовать во всех федеральных и республиканских программах. Думая об этом, ежедневно работая в этом направлении, нельзя остаться в стороне и не чувствовать себя частью этого района.

Люди – главное богатство. Буинск славится трудолюбивыми людьми, неповторимой историей, традициями края, давшего немало великих просветителей, писателей, поэтов. Поставленные задачи и намеченные планы мы всегда реализуем совместно с нашими земляками. ■

► Айсылу Хафизова

ОТ ГОГОЛЯ ДО КУРОЧКИНА ОДИН ШАГ

I Театральная лаборатория «Буинская Талия» прошла в августе 2017 года. Ее организаторы – директор Буинского театра Раиль Садриев и завлит театра Камала Нияз Игламов. Она была посвящена современной комедии, ее формату и возможностям.

ПО СЛЕДАМ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЛАБОРАТОРИИ «БУИНСКАЯ ТАЛИЯ»

Перед участниками стояла задача перезагрузки провинциального театра через работу с новыми режиссерами в новом формате и с новым материалом. Для живого общения были приглашены театральные критики из Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы и Казани.

На I Театральной лаборатории «Буинская Талия» представили свои эскизы к будущим спектаклям режиссеры Елена Кудряшова, Тимур Кулов и Дамир Салимзянов – выпускники Щукинского училища разных лет. Зрители лаборатории – жители Буинска и журналисты из Казани – увидели эскизы: «Первое представление» компиляция пьес Галиасгара Камала «Первый спектакль» и «Ради подарка»; первый акт комедии

удмуртского автора Валерия Шергина «Концлагеристы» и первый акт комедии «Дуры мы, дуры...» по пьесе Дамира Салимзянова.

Несколько месяцев спустя этюды «Буинской Талии» превратились в полноценные спектакли. Состоялись премьеры «Концлагеристов» и «Погони за дураком», а также искромётного спектакля «Дуры мы, дуры...» на буинской сцене.

4 августа 2018 года стартовала II Театральная лаборатория «Буинская Талия». С буинскими актёрами на четырёх площадках работали режиссеры Антон Безязыков (Санкт-Петербург), Егор Чернышов (Санкт-Петербург), Алсу Галина (Уфа) и Степан Пектеев (Йошкар-Ола). В работе лаборатории приняли участие театральные критики Нияз Игламов (Казань) и Александр Вислов (Москва). В процессе обсуждались тенденции и приемы современного театра, спикеры собрались из Москвы, Казани, Кирова и Ульяновска. По словам экспертов, цель встреч – показать, что такие спектакли – не просто развлекательное зрелище. Это возможность шутя поговорить со зрителем на злободневные темы.

Разумеется, все произведения подобраны в духе музыки комедии Талии. Итогом работы «лаборантов» нынешнего года стали четыре разноплановых эскиза: «Мишарские рассказы, Ружье» по текстам Ркаила Зайдуллы, «Водка, е#ля, телевизор» по пьесе Максима Курочкина, «Централ-парк Вест» по произведению Вуди Аллена и «Женитьба» по пьесе Николая Гоголя.

Они были представлены 9 августа 2018 года журналистам, критикам и гостям, среди которых были тогда первый заместитель министра культуры РТ Эльвира Камалова, директор Казанского ТЮЗа Айгуль Горнышева, доцент КФУ Милеуша Хабутдинова, профессор КФУ и заместитель директора НОЦ «Международный координационный центр “Islamica”» (пер. – исламский) Айдар Хабутдинов, зав. отделом литературоведения ИЯЛИ Альфат Закирзянов.

Показы начались с эскиза по рассказу «Мылтык» («Ружье») Ркаила Зайдуллы – автор наблюдал за сценическим воплощением в зрительном зале Буинского РДК, где для зрителей на сцене в два ряда были поставлены стулья. Свойственная эскизам лаконичность сценографии воплотилась в бельевых веревках, прочертивших «задник» сцены, за которым зиял пустой зрительный зал РДК, а также перетянутых через пространство сцены; белых пододеяльниках, отягощенных символикой не востребованности белья супружеского ложа, давящей белизны больничной койки и саваны.

Монологи передавали любовный треугольник: умирающая от болезни Жена, уставший ее любить и спасти Муж и сестра Жены, приехавшая помочь по хозяйству (Алмакай).

Действие сразу пошло с вербального меседжа, героиня начинает говорить еще до того, как зритель осмотрелся. Режиссер Егор Чернышов из Санкт-Петербурга татарского языка, на котором игрался эскиз, разумеется, не знал. Работа постановщика шла на основе перевода, который потом буинские артисты Ирек Гайнетдинов (Муж), Гульназ Гизатуллина (Жена) и Дилляра Садриева (Алмакай) исполнили на языке оригинала. Возможно, поэтому непроработанность подачи текста так бросалась в глаза – кто-то из актеров чрезмерно артикулировал в ущерб органике, кто-то забывал о речевой нагрузке. Но замысел автора довольно известного текста творческой команде передать, все же, удалось. Постановка получилась цельной, ее герои вызывали сопереживание зала.

Предвосхищая вопросы зрителей, Нияз Игламов на обсуждении постановки после показа пояснил, что, несмотря на то, что в основе лежит печальная история, в ней присутствует некоторая доля комизма.

Как отметила в своем выступлении Милеуша Хабутдинова, заявленный в названии эскиза многообещающий «мишарский» компонент не реализован и обманул ее ожидания. Ркаил Зайдулла признался, что этим он хотел отдать дань региону, в котором проходит лаборатория.

Показ эскиза по пьесе украинского драматурга, актера и сценариста, участника оргкомитета Фестиваля молодой драматургии «Любимовка», а также «Документальный театр» Максима Курочкина состоялся в доме культуры села Адав-Тулумбаево. «Водка, е#ля, телевизор» – это комичная и порой трагичная борьба с бытовыми пороками и соблазнами творческого человека. Как отметил перед показом Александр Вислов,

Курочкин – один из самых интересных современных драматургов, который пока не нашел своего режиссера, и выразил надежду, что сегодня, возможно, постановка окажется удачной. Постановщик эскиза – молодой, но уже успешный режиссер из Уфы Алсу Галина – неоднократный участник и гость фестиваля «Науруз», окончила театральный факультет УГАИ им. Исмагилова, создала с однокурсниками проект «The театр» (пер. – театр) в 2013 году, где представлены произведения молодых драматургов и режиссеров.

Реквизитом и декорацией к спектаклю послужили автомобильные покрышки, которые работали и как мебель, и как автомобиль. Милеуша Хабутдинова увидела в них символ развалившейся арбы потомка кочевника – татарского народа (вероятно, на удивление самого режиссера этюда). Как отметил Айдар Хабутдинов, для тюркских народов дорога всегда была главной. Постановка была адекватно насыщена музыкально-хореографическими аттракционами – Алсу Галина мастерски работает со зрительским вниманием и не пренебрегает им. Удачно подобраны типажи: щедушный заумный очкарик Телевизор (Тимур Шигапов), демонически красивая и стройная Водка (Ильяс Юнусов), развязная Е#ля (Рамиль Шайхутдинов) и харизматичный Герой (Раил Садриев).

Нецензурная лексика и шутки «ниже пояса» стали поводом для острой полемики, развернувшейся в зрительном зале после показа эскиза. Мнения зрителей разделились на восторг и резкое неприятие. Сотрудник ИЯЛИ Альфат Закирзянов деликатно отметил, что постмодернистская пьеса Курочкина слишком сложна для восприятия татарского и башкирского зрителя и усомнился в востребованности постановки. Один из приглашенных экспертов «Буинской Талии» Айсылу Кадырова высказалась более резко: актерское исполнение и сама постановка хорошего текста Максима Курочкина рассчитаны на аудиторию программы «Ан-шлаг» и далеки от высокого театрального искусства. Мысль подхватила и первый заместитель министра культуры Татарстана Эльвира Камалова: «Моей дочери двадцать один год, но я бы не хотела, чтобы она такое смотрела».

Эксперты, в том числе и сам Александр Вислов,

мягко оппонировали критикам постановки: в искусстве немало примеров успешного использования простонародного юмора. По мнению Айдара Хабутдинова, театральное искусство татар заморожено на критическом реализме XIX века, но на самом деле и казанский, и уфимский зритель к такой постановке готов. «Мы живем в городах постиндустриального общества, где дорога и движение очень важны, поэтому очень хорошо, когда уфимцы приезжают в Казань и возвращают нас к понятию “кайнар казан” – “кипящий котел”. Это необходимо, чтобы нас отморозить», – сказал он.

«Этот спектакль про меня, я себя в герое узнаю», – сказал напоследок веское слово драматург и писатель Ркаил Зайдулла.

Третий эскиз буинской лаборатории «Централ-парк Вест» использовал прием иммерсивного театра – он проходил на территории городского парка. У входа в парк зрителей встретили юные актеры со внешностью школьников. Хайп начался сразу: маленькая девочка кричала во весь голос: «Здесь мне сорок семь лет, мне изменяет муж, и я мучаюсь депрессией, а там я – семнадцатилетняя девушка и я живу в маленьком провинциальном татарском городе Буинск!» Дальше – больше. Актеры перемещались и бегали по парку, отрабатывая тему измены мужа, соперниц и хорошего парня, а зрители, хохоча и недоумевая, ходили за ними. В действие были вовлечены и обычные посетители парка, они с любопытством присоединялись к спектаклю.

Драка соперниц Филлис (Камила Шарифзянова) и Кэрол (Айсылу Забарова)

развернулась прямо в фонтане парка (погода к купанию не располагала), все вместе повергло зрителей в шок. Когда актрисы отыграли сцену и внимание зрителя переместилось к Сэму (Валера Тарасов), промокшие насквозь девушки отправились на другую локацию парка, но кто-то из зрителей озабоченно крикнул: «Куда они идут?! Театр же там!», полагая, что им надо переодеться и согреться.

После этой сцены спектакль можно было завершать, потому что дальнейшее действие на стадионе не получило такого накала и выпало из зоны зрительского интереса.

Постановщик эскиза – режиссер из Йошкар-Олы Степан Пектеев проработал спектакль и музыкально, и ритмически, и вербально. Постановка шла на русском языке, а молодые актеры выложились на все сто, подарив слегка утомленным зрителям заряд хорошего настроения.

Увенчал показы «Буинской Талии» эскиз к спектаклю «Женитьба» по пьесе Николая Гоголя. Залогом успеха постановки стал виртуозный перевод классика

татарского театра Габдуллы Шамукова 1954 года, который и по сей день звучит актуально и довольно четко адаптирован под татарский менталитет без нарушения стилистики замысла оригинала. Это еще в начале дня подчеркнул завлит камаловского театра Нияз Игламов.

Кемеровский режиссер Антон Безъязыков предложил неожиданное

визуальное решение постановки: декорацией стали офисные стулья на колесах – атрибут современного обывателя, «офисного планктона». Они поочередно выезжали на авансцену, массовка крутилась на них, когда необходимо было подчеркнуть реплики. Рассказ невесте о кандидатах-женихах постановщик иллюстрировал пантомимой, а «вишенкой на торте» для присутствующих стали Нияз Игламов в роли Яичницы и Александр Вислов в роли Старикова. Виртуозной актерской работы от них и не ждали, но каждый их выход сопровождался смехом и аплодисментами.

Стилистически многообразные эскизы «Буинской Талии» пообещали обогатить репертуар буинского театра четырьмя постановками. ■

► Ландыш Абударова

ИЛЬФИР СУЛТАНОВ: «Наше рабочее место — весь мир»

Ильфир Султанов живет в деревне. Именно оттуда увозит его автобус Буинского драматического театра на гастроли. Театр ждут не только в других городах, но и в других странах. В своем багаже Ильфир везет роли персонажей, отражающих национальные характеры.

Ильфир родом из деревни Байталлы Кушнаренковского района Республики Башкортостан. После школы окончил класс по вокалу Уфимского училища искусств, начал работать в Стерлитамакской филармонии. И уже в 2012 году художественный руководитель Буинского театра Раиль Садриев пригласил его к себе на работу. Парень, у которого до этого было в планах стать певцом, неожиданно для себя поднялся на театральные подмостки.

Электронная версия журнала «Идель» предназначена исключительно для индивидуального пользования. Любое тиражирование, копирование, передача третьим лицам электронной версии издания без согласия редакции «Идель» запрещено. О нарушениях авторских прав (раздел VII ГК РФ) и Пользовательского соглашения сообщайте в редакцию.

– Ильфир, обычно люди из Уфы в Казань уезжают, а ты из Стерлитамака поехал в Буинск. И как тебе «Мишарстан»?

– В нашей деревне говор такой же, как и в Буинске. Разница в языке есть не только в разных республиках и районах, бывает, и в соседних деревнях говор различается. А здесь вышло так, что они «по-нашенски» говорят. Что касается привычек-традиций, тут я тоже себя чувствовал, как дома, и с коллективом я был уже знаком до этого. Одним словом, хорошо, что приехал! *(Смеется.)*

Я еще год сомневался, ехать мне в Буинск или нет. В Стерлитамаке жить негде, да и не похоже было, что есть вообще какие-то возможности для карьерного роста... Тогда я еще холостым был. А уехать хотелось! Еще в детстве я говорил себе: «Буду жить в Казани!» И однажды во время концерта в Уфе Раиль абый (Садриев – прим.ред.) начал меня зазывать к себе, дескать, ему в театр нужен поющий артист. С одной стороны, лучше уж ехать туда, куда зовут, чем туда, куда не зовут вообще, правда? А с другой стороны, уехать за 600-700 километров... для этого тоже смелость нужна. Тогда Раиль абый уговорил меня хотя бы съездить с ними на гастроли. Две недели гастролей по районам Альметьевска и Челнов все решили.

– Ты учился на вокалиста, а в театре роли разные бывают...

– Больше скажу, я раньше всячески избегал театральных сцен. В училище на курсах актерского мастерства с большой неохотой играл в этюдах. Однажды на гастролях у нас один актер приболел, и Раиль абый попросил меня заменить его. Мне пришлось играть роль Хамиса в спектакле «Полено». У меня нет театрального образования, и я боялся, что ничего не получится. Я переживал, потому что понимал, что для игры на сцене надо знать какие-то сложные правила, а я-то их не знаю. Сейчас уже по-другому думаю. Тот, у кого есть теоретические знания, но кто ни разу не использовал их на практике, похож на человека, просто говорящего умные слова, совершенно не понимая их смысла. Понятно, если учился этому – хорошо, но невозможно играть, не прожив образ.

Во время учебы в академии я пел в хоре Уфимского оперного театра. Еще тогда один артист преклонного возраста как-то напутствовал: «Беги ты из театра, засосет, как болото, не выберешься». А я в то время определенно хотел стать певцом, поэтому до конца и не понял того, что он хотел мне этим сказать. Только после семи лет работы в театре до меня дошел смысл его слов.

– То есть ты влюбился в театр?

– Да! К тому же мы будто изучаем несколько театральных школ. Спросишь, почему? В наш театр

приезжают режиссеры, имеющие разные школы. Из Санкт-Петербурга, Уфы, Глазова, к примеру. Вот, ждем режиссера из Кемеровского областного театра. Он еще летом приезжал в Буинск на театральную лабораторию – мы ставили первую часть «Женитьбы» – сейчас будем доводить спектакль до конца. По мне, работа с разными режиссерами – это большой опыт. Они не только ставят с нами спектакль, но и учат многому. Когда ездим на гастроли, особенно в большие города, по возможности стараемся посещать местные театры.

Сейчас я уже не представляю себя без театра. Не только за свою роль, но и за весь спектакль в целом переживаю. Спектакль – это результат работы не одного человека, а всей команды. Поэтому раз за разом, играя в спектакле, начинаешь переживать и за сценографию, и за музыку, и за все остальное.

– У каждого артиста есть свое амплуа. Как сложилось у тебя?

– Во-первых, может быть, оно и появляется, если ты работаешь с одним режиссером. Во-вторых, наш театр ориентирован на зрителя, мы сами готовим его, определяем вкус. У меня есть роли, начиная от Зайца и Петуха, заканчивая придурком из новой драмы. Что касается традиционных спектаклей, там у меня есть характерные роли, например, в

спектакле «Сваты» я играю одного из сватов, а Раиль абый – второго. В спектакле «Концлагеристы» у меня роль мужа, а роль так называемой жены – у другого мужчины. Странно звучит, да? А это вот такой сложный спектакль. О свободе. Вернее, о том, что мы, так или иначе, попадаем в клетку – спектакль об этом.

– В жизни ты чувствуешь себя свободным?

– На самом деле, человеку не нужна полная свобода. Если мы живем в социуме и у нас есть свои социальные роли, значит, ты вынужден держать себя в определенных рамках. Иногда свобода нужна только в той мере, чтобы играть, оставаясь собой, чтобы ты мог упорядочивать свои мысли. Это только от тебя зависит, можешь ли ты обеспечить себя этой самой свободой или нет. Я думаю, что семья не ограничивает твою свободу. В детстве семья твоих родителей, после рождения своих детей твоя собственная семья становится частью твоей души. Ну, конечно, разные бывают семьи. Из какой-то так и хочется бежать, а в другую радостно возвращаться. В спектаклях мы как раз об этом и говорим.

– Буинский театр известен своей мобильностью. Не устаешь от бесконечных гастролей?

– Когда гастроли продолжительные, да, устаю. Мы уже два года подряд выезжаем в Казахстан на

Я ЕЩЕ ГОД СОМНЕВАЛСЯ, ЕХАТЬ МНЕ В БУИНСК ИЛИ НЕТ. В СТЕРЛИТАМАКЕ ЖИТЬ НЕГДЕ, ДА И НЕ ПОХОЖЕ БЫЛО, ЧТО ЕСТЬ ВОООБЩЕ КАКИЕ-ТО ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ КАРЬЕРНОГО РОСТА... ЕЩЕ В ДЕТСТВЕ Я ГОВОРИЛ СЕБЕ: «БУДУ ЖИТЬ В КАЗАНИ!» И ВОТ ОДНАЖДЫ ВО ВРЕМЯ КОНЦЕРТА В УФЕ РАИЛЬ АБЫЙ НАЧАЛ МЕНЯ ЗАЗЫВАТЬ К СЕБЕ, ДЕСКАТЬ, ЕМУ В ТЕАТР НУЖЕН ПОЮЩИЙ АРТИСТ. С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ЛУЧШЕ УЖ ЕХАТЬ ТУДА, КУДА ЗОВУТ, ЧЕМ ТУДА, КУДА НЕ ЗОВУТ ВОООБЩЕ, ПРАВДА? А С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, УЕХАТЬ ЗА 600–700 КИЛОМЕТРОВ... ДЛЯ ЭТОГО ТОЖЕ СМЕЛОСТЬ НУЖНА.

гастроли на целый месяц. Это утомляет. Расстояние между городами доходит до шестисот-семисот километров, много времени проводим в автобусе. Но когда нас встречают с распростертыми объятиями, все эти неудобства забываются. Наше рабочее место – это весь мир (*смеется*). Коллектив театра – как большая семья. В повседневной жизни мужья-жены целый день работают и только вечером возвращаются с работы, а на гастролях мы сутками все вместе. Самое сложное в этих поездках – это быть вдали от семьи, скучаю. Дочке Диляре третий годик пошел, сыну Кариму – пятый. Уезжаешь на гастроли на неделю всего, приезжаешь, а они уже подросли и измениться успели...

– Нет желания исполнить свою детскую мечту? В Казань же хотел уехать, сейчас в столицу не стремишься?

– Не-е-ет! Буинск, хотя и маленький, но все же – город. Во-вторых, я же в деревне живу – в Тулумбае.

В детстве, когда я жил в деревне, несмотря на то, что был самый младший в семье, и разница со старшими братьями была большая, работы хватало всем с лихвой. В деревне не бывает свободного времени, ты всегда чем-то занят, работа не заканчивается... Тогда я и придумал себе, что «в городе хорошо, там делать ничего не надо, быстрее бы уехать из деревни». Когда учился, жил в общежитии. Но городская жизнь мне быстро наскучила, хорошо еще нэнэй (в

Башкортостане так называют бабушек) жила своим домом в Затоне около Уфы – туда я и переехал. Зимой стоит просто снег расчистить и уже хорошо становится. Сегодня для того, чтобы заниматься любимым делом, не обязательно жить в тесной городской квартире.

– Сегодня ты работаешь под руководством «бренда» Раиля Садриева. Это, наверное, отдельная история?

– Да, на самом деле, у него свои требования к новичкам. Были и недопонимания. И это, я считаю, нормально. Он мне говорил: «Люди из Башкортостана медлительные». И действительно, в Башкортостане жизнь размеренная. Я уже привык к здешнему темпу, и приезжая в родные места, замечаю, насколько более медленно протекает там жизнь.

Раиль абый умеет достигать поставленной цели. В этом он – для нас всех пример. Сегодня он продвигает и Буинский театр, и сам Буинск. После того как у нас стали проходить международные фестивали, о нас узнали и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Столичные видят, какая у нас жизнь кипит. А это, на мой взгляд, отличный показатель, не каждый провинциальный город может похвастаться своей бурной театральной жизнью.

– Над каким образом ты работаешь сейчас?

– Ильшат Мухутдинов только что выпустил спектакль «Благодать» по пьесе Артура Соломонова. Премьера в марте была. Мы его играем на русском. Вот там я в роли одного придурковатого. Именно с этим спектаклем мы планируем ездить на фестивали.

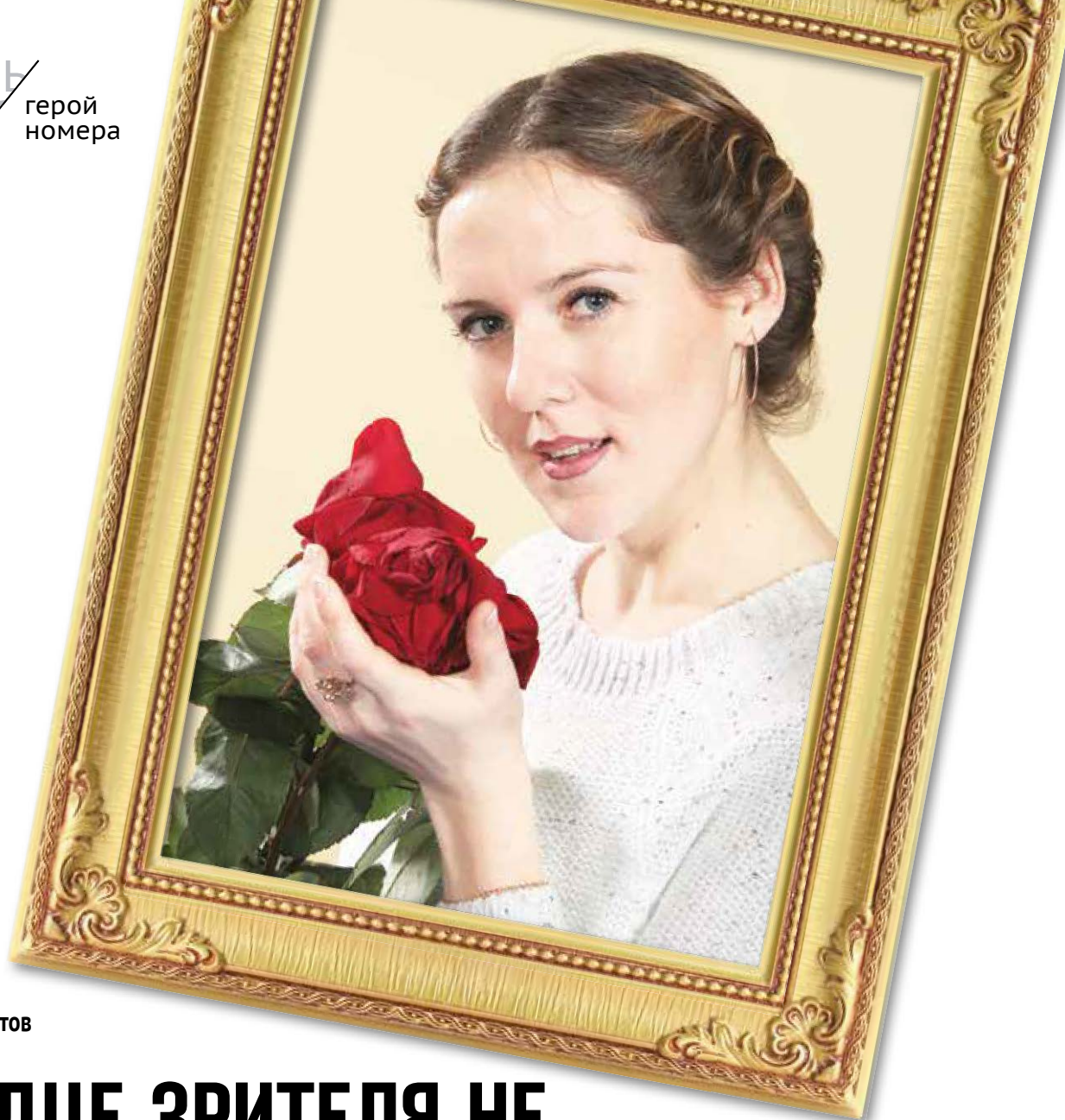
– А ты доволен своими ролями?

– По-моему, даже великие актеры не бывают до конца довольны своими ролями. После каждого спектакля анализируешь – «а до конца ли я сегодня выложился?» К примеру, в спектакле по пьесе Ркаила Зайдуллы «Мишарские рассказы» в постановке Егора Чернышева мы и играем, и текст проговариваем. Там я чувствую, что что-то не докручиваю до конца.

– Может, это потому, что ты – не мишарин на самом деле?

– (Смеется.) А может и поэтому, да... ■

► Рашит Ахметов

СЕРДЦЕ ЗРИТЕЛЯ НЕ ОБМАНЕШЬ

Гульназ Гизатуллина – одна из самых интересных актрис Татарстана. Играет в Буинском татарском драматическом театре. В этом году была выдвинута на театральную премию «Тантана» за женскую роль второго плана в спектакле «Абага» («Папоротник») по рассказам Ркайля Зайдуллы.

Актриса тонкая. Играла в «Абаге» несколько ролей и особенно ей удалась роль Лошади. Поразительно астральная актриса. Обычно актеры формируют вокруг себя поле страстей, стремятся вжиться в роль «по Станиславскому», но система Станиславского все-таки, по моему мнению, основана на позитивизме начала XX века, на вульгарном, поверхностном психологизме. А здесь, тихо, негромко, скупое, но чрезвычайно точно по жесту, общему телодвижению, по ауре (в ауре сфальшивить невозможно) передана высшая

правда, то, что «за сценой» и «между сценами». Огромный объем внутренних смыслов. Человек и зритель в XXI веке за сто лет существенно метафизически выросли. То, что она астральная актриса, этим формирует мощный энергетический центр спектакля. Сама по себе органически цельная актриса, и играет огромную роль в метафизике спектакля и сцены. Из нее льется тихая светлая мелодия, моцартовская гармония высшего мира.

Люди делятся на сердечных и бессердечных, театры делятся на сердечные и бессердечные (или соответственно на «живые» и «мертвые», есть даже, по моему мнению, театры-вампиры). Позитивистские, материалистические театры постепенно уходят, это прошлое. Будущее – за религиозным театром. Религиозным не в смысле схоластическим или мракобесным, ханжеским или изуверским, а в смысле тончайшего понимания глубинных основ человеческого существования, основанном на тезисе «Бог есть любовь» и в связи с этим пропитанном любовью к человеку, природе, космосу и Аллаху. Достоевский провозглашал смысл «здесь-существования» в страдании и очищении страданием, но это православное понимание человеческого существования (поэтому русская культура депрессивна и разорвана), кораническое понимание бытия есть – торжество здесь радости, добра, света, цельности, такова суфийская доктрина. С этой точки зрения Гульназ Гизатуллина именно суфийская актриса.

Если всмотреться глубже в современный русский театр и в нарождающийся татарский театр, ясно осознаешь, что в татарском театре выше степень сердечности, оптимизма. Это и понятно, духовные силы русского народа, как писал Валерий Соловей, надорваны имперскостью, бесом материального великодержавия. А нужно духовное великодержавие. Потенциал у русской культуры был большой (иное дело, что он был большой, потому что базировался на сердечности татарской культуры), но этот потенциал был растрочен на империю.

У Гульназ Гизатуллиной поразительная способность транслировать любовь в материальный мир из астрального и духовного мира. Всепобеждающая сила любви, если есть в человеке искра любви, он может двигать горами. Искра любви – это и есть талант, в том числе и актерский, и режиссерский. И вот этой искрой

любви, талантом, Аллах наградил Гульназ Гизатуллину достаточно. Пусть сегодня «Тантану» ей не дали, но зато таланта Аллах ей дал. Обычно так бывает, если в предыдущих жизнях она уже приобрела огромный жизненный опыт. Актер имеет дар убедительного перевоплощения, если за ним есть опыт прожитых жизней, реинкарнаций.

В метафизическом резонансе корень актерского дарования, а не в системе Станиславского. Актер должен создать запас энергии «кци», жизненной энергии, она растет, если у актера есть сердечность, и вспомнить прожитое в других телах. Актер есть шаман, как и режиссер. Но создать запас жизненной энергии можно только нравственным поведением. С этой точки зрения актерское пьянство есть деградация искры божественной энергии в актере. Еще одна аксиома профессии – если актер чувствует, замечает метафизику своей профессии, тогда жизненная энергия «кци» просыпается и начинает свое необратимое самодвижение. Она любит, чтобы ее замечали, иначе она спит. Гульназ Гизатуллина – заметила, поэтому раз от раза

...ТЕАТР – ЭТО МОЕ
ДЕТСТВО, МОЯ МОЛОДОСТЬ.

Электронная версия журнала «Идель» предназначена исключительно для индивидуального пользования. Любое издание без согласия редакции «Идель» запрещено. О нарушениях авторских прав (раздел VII ГК РФ) и Пользователю

она будет неудержимо расти, если актриса не будет обращать внимание на внешние обстоятельства. Потому что рост таланта, силы «ци», всегда усиливает столкновение света и тьмы. Внутреннее – главное в актере. Актер, естественно, должен быть религиозен. Это дает ему защиту от астральных сущностей, которые пытаются взломать его нравственную защиту. Поэтому больше таланта – больше ответственность.

Сердце зрителя не обманешь. Родилась Гульназ 1 марта 1991 года, в один день с президентом Миннихановым. Отец тракторист. Мама – животновод. Есть старшая сестра. Как говорит Гульназ, они с сестрой никогда не слышали, как ругались родители. «Папа – пример для подражания, если бы все мужчины были, как наш папа, все женщины были бы счастливы. Мама – очень мудрая женщина, не пропускает ни один намаз».

Знак Зодиака – Рыбы. Кто еще родился в этот день? Художник Сандро Боттичелли, композитор Фредерик Шопен, поэт Федор Сологуб, актер Хавьер Бардем и т.д. Родившиеся в этот день – одни из наиболее артистичных и творческих представителей. Это не пассивные мечтатели, к тому же их дальновидность выходит далеко за рамки обычной интуиции. Трудности их не отпугивают, наоборот, подстегивают. Руководствуясь интуицией, они способны действовать в нужный момент и избегать провалов и неудач. Они стараются выполнять намеченное скрупулезно и тщательно. Невероятно высокоорганизованные люди, имеют немалые

дипломатические способности, для них огромную роль играет эстетическое начало. Успех – это эстетика. Так что что-то шопеновское есть в характере Рустама Минниханова и Гульназ Гизатуллиной.

ВЕРИТ В БОГА И С ДЕТСТВА ДЕРЖИТ УРАЗУ.

Из интервью:

«РОДИЛАСЬ В ДЕРЕВНЕ БОЛЬШАЯ ТУРМА Тетюшского района РТ. Когда училась в школе, очень любила петь и танцевать, с 5 класса посещала театральные кружки. Принимала активное участие в школьных и районных самодеятельных театральных постановках, выступала на районных сабантуях, на праздниках села, в отчетных концертах школы, в клубах. Занималась спортом, вольной борьбой. Участвовала во многих соревнованиях, занимала призовые места. Также любила легкую атлетику, занималась бегом. Но любовь к театральному искусству привела меня в театр. После окончания 10 класса в газете увидела объявление о наборе артистов в труппу Буинского театра. Это был 2008 год. Посоветовавшись с родителями, решила попытать свое счастье. В театре нас встретила зав. труппой Айгуль Шакирова. Она меня с родителями

НЕ ЛЮБЛЮ ХВАСТАТЬСЯ. ЛЮБИМЫЕ ПРЕДМЕТЫ В ШКОЛЕ – ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК И ТАТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, КОНЕЧНО.

проводила в кабинет Раиль абый Садриева. Он устроил мне маленький экзамен. Я помню, что рассказывала стихи. Меня взяли на работу с испытательным сроком на 3 месяца. Мне тогда еще и 18 лет на было.

Я ОЧЕНЬ СТЕСНИТЕЛЬНАЯ, скромная. Не знаю, положительные ли эти качества, но, по-моему, если женщина скромная, стеснительная, то это хорошо. Только вот для артиста это качество не очень нужное. Мои коллеги говорят, понаблюдав за мной в течение 10 лет, что я на сцене забываю про стеснительность и скромность, но вот за кулисами вновь возвращается стеснительная Гульназ (*смеется*). Значит, настоящий профессионал (*смеется*).

КОГДА ПРИНИМАЮ КАКИЕ-ЛИБО РЕШЕНИЯ, то руководствуюсь сердцем. А потом жалею. Думаю, где интересно был мой рассудок (*смеется*). Многие вещи, наверное, женщина делает по велению сердца (*смеется*). Сны не вижу, хорошо сплю (*смеется*). Любимое блюдо – приготовленная мамой домашняя лапша (суп). У деревенского ребенка что еще может быть (*смеется*). Любимый напиток – чай. Любимый цвет – розовый. Любимые цветы – лилии. Их неповторимый запах не сравнится ни с чем!

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ НЕДОСТАТОК, который больше всего не нравится, – двуличие, лицемерие.

ЛОШАДЬ – ЭТО, по-моему, самое красивое животное, гордое и, самое главное, преданное.

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ ДЛЯ АКТРИСЫ? Не все артисты, играющие на сцене, могут найти счастье в семье. Обязанность жены – ждать с работы мужа. Но муж, в свою очередь, будет ли ждать жену, которая уехала на гастроли? (*Смеется*.) Поэтому пусть те люди, которые не мыслят жизнь без сцены, без театра, ищут свою вторую половину из той же сферы. Я думаю, нашла свое женское счастье. Хотя мы с мужем не вместе работаем, он уважает мою работу, понимает. Я очень благодарна своим родителям за помощь мне с ребенком. Когда уезжаю на гастроли, они остаются с моим малышом. Что еще нужно для женщины? Если есть муж, ребенок, любимая работа, где можно подняться по карьерной лестнице, то женщина может считать себя вполне счастливой.

КАКУЮ СТРАНУ ХОТЕЛИ БЫ ПОСЕТИТЬ? Мечта – выехать в Европу. И вообще, хочу путешествовать по миру, знакомиться с традициями разных народов, увидеть их национальные особенности и т. д.

ЛЮБИМЫЕ КНИГИ? Наверное, прозвучит странно, но классика всегда остается классикой. “Без – кырык

беренче ел балалары” (“Мы дети сорок первого года”) М. Магдиева – это то произведение, которое всегда в моем сердце.

ЛЮБИМЫЕ ФИЛЬМЫ. Самый любимый фильм – “Невидимая”, фильм о театральной жизни. Режиссер Кристиан Швохов (драма; Германия, Франция). Фильм о том, как мы должны работать, чтобы стать «великими» артистами (я это пишу с улыбкой). А также мне нравятся все фильмы с Вивьен Ли.

ЛЮБИМЫЕ СПЕКТАКЛИ? Так как я родилась и росла в деревне, то ходить в театры не было возможностей (их просто не было в нашей местности). А по телевизору еженедельно по субботам показывали спектакли Татарского государственного академического театра имени Г. Камала. Каждую субботу!!! Я с нетерпением ждала этого дня! Поэтому я и влюблена в их спектакли и игру.

ЛЮБИМЫЕ РОЛИ В ТЕАТРЕ – люблю все свои роли. Все пропускаю через себя. Самая запомнившаяся роль – роль доярки Нафисы в комедии “Көтү” (“Ожидание”) Булата Саяхова. Я в жизни стеснительная и скромная. А роль Нафисы помогла мне раскрыться, раскрепоститься. По крайней мере, так считаю.

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ МОМЕНТ В ЖИЗНИ? Я бы эти моменты поделила на 3: 1 – мой день рождения (*смеется*); 2 – становление на сцене хоть и маленькой, но “звездочкой”; 3 – день рождения моего сына.

КУМИР? Мой кумир – Нажиба апа Ихсанова. Я с детства преклоняюсь перед ее талантом.

ЛЮБИМЫЕ ПЕСНИ, певцы – я в деревне росла, среди татарских сказок, стихов и песен. Любимой певицей у всех дома была Альфия апа Афзалова. Я не исключение. Слушали ее пластинки, кассеты.

СЕЙЧАС ВЕДЬ ВРЕМЯ ИНТЕРНЕТА. Я тоже ребенок своего времени (*смеется*). Хотя и не выкладываю свои фотографии (хочу остаться загадкой для всех), но наблюдать за историей других люблю. Любопытно же. Очень люблю читать стихи. Я восхищаюсь поэтами. В детстве у меня был такой период, писала стихи. Приходила из школы, пряталась и писала стих за стихом. В одно время несколько блокнотов таких накопилось, но, к сожалению, они не сохранились. А из современных поэтов мне нравится творчество Ленара Шаеха.

ВОЛЬНОЙ БОРЬБОЙ ЗАНИМАЛАСЬ 5 ЛЕТ. За чем это надо девушке? Хотела научиться постоять за себя, быть сильной. Братьев нет, надо ведь еще и старшую сестру защитить (*смеется*). Наша деревня и школа были на передовых по спорту. Спорт был на

первом месте. Сначала начала посещать секцию, потому что велели со школы, а потом и сама не поняла, когда этот вид спорта начал мне нравиться. Но женщина должна быть изящной, вольная борьба не для нас. Радуюсь, что вовремя остановилась. Но когда занимала призовые места, я очень радовалась, гордилась этим.

МОЙ ЖИЗНЕННЫЙ ДЕВИЗ: “Весной сколько посадишь деревьев, столько осенью соберешь плодов” (“Язларда никадәр күбрәк агач утыртсаң, кәзләрен шул кадәр күбрәк җимеш татырсың”). Не люблю хвастаться. Любимые предметы в школе – татарский язык и татарская литература, конечно.

ТО, ЧТО НЕ СМОГУ ЖИТЬ БЕЗ СЦЕНЫ, театра, поняла во время декрета. Это все мое. То, что после 10 класса устроилась на работу в театр ни капли не жалею. Наша работа трудная, но все равно иду сюда как на праздник. Потому что театр – это мое детство, моя молодость. Сколько периодов моей жизни прошли здесь. Я просто обожаю театр! Из цитат Раиля Ильдаровича Садриева самое подходящее для нас, артистов, это: “Если утром вы опоздали на работу, это не значит, что вы проспали, это значит, что вы выспались!” (*Смеется.*) Но эта цитата меня не касается. Люблю поспать, но я научилась быть пунктуальной. На работу прихожу на полчаса раньше.

СПИРТНОЕ – ЭТО НЕ ПРО МЕНЯ. С детства я не помню, чтобы у нас дома кто-то употреблял спиртное, даже праздники у нас проходили без этого. И в свои 28 лет я с гордостью могу сказать, что я ни разу даже не пригубила спиртное.

К сожалению, очень плохо знаю английский язык, но я думаю, в будущем разговорный выучу. По мелодии мне нравится, конечно же, татарский язык».

Сила актера проистекает от внутренней радости, благоговения перед жизнью, как писал Тейяр де Шарден. Гульназ говорит, что она оптимистка и это благоговение перед жизнью у нее присутствует. Достоевский писал, что красота спасет мир. Красота основывается на любви. Для любящего человека

любимый бесконечно красив. Из любви идет актерское вдохновение.

Когда ее героиня-лошадь движется по сцене, она «приподнимается» на сцене, и все зрители, весь зал «взлетает» вместе с ней из обыденности, из материального пространства вверх, в астральное. Мне кажется, это кульминационный, центральный момент спектакля. Актриса своим сердцем захватывает зал и придает зрителю крылья именно этой астральной возвышающей красотой.

Есть возвышающая любовь и разрушающая. Достоевский много писал и о разрушающей любви. Он так и не смог выпутаться из тенет разрушающей любви. Но, думаю, если бы сумел познакомиться с деревенской татарской девушкой Гульназ, сумел бы «взлететь» над духовным разрушением. Много поэтических произведений посвящено бескровным ранам людей. И эти раны актриса врачует поэзией своей игры. Гульназ открывает то, о чем говорят – третий глаз. «Через сеть печали люди слепнут и теряют силы», человек отворачивается от радости жизни, а чтобы ощутить ее полностью нужно лишь призвать Музу радости и красоты, что и дает своим творчеством действительно народная артистка Гульназ Гизатуллина. Так же, как в суфизме существует момент озарения, такой же момент озарения дает своим искренним творчеством и Гульназ. ■

Равиль Рахмани

Поэт и литературовед Равиль Рахмани (Равил Файзрахманович Рахман (Кукушкин) родился 8 мая 1949 года в деревне Адав-Тулумбаево Буинского района Республики Татарстан в семье механика МТС. Окончил историко-филологический факультет Казанского государственного университета (1971) и аспирантуру при кафедре татарской литературы (1974). Кандидат филологических наук. Работал редактором художественной литературы и заведующим редакции «Культурное наследие» в Татарском книжном издательстве (1974–2002), первым заместителем редактора журнала «Идель» (1992), заведующим отделом журнала «Татарстан» (1993), в разные годы (около десяти лет) читал лекции по теории литературы и по истории татарской литературы в КГУ, КГПИ, ТГГПУ, в Московском педагогическом университете. Много сил отдал подготовке к печати духовного наследия татарского народа, вернув читателю сотни литературных источников, материалов фольклора, культурных и религиозных памятников, произведений классиков. Им отредактировано и составлено больше 300 книг. Составитель первой «Антологии татарской детской поэзии» (1980). Участвовал в подготовке «Татарского энциклопедического словаря» и двухтомного библиографического справочника «Эдипларебез» («Наши литераторы»), который включает информацию о 700 писателях. Автор поэтического сборника «Вёрсты» (2006) и многочисленных статей о творчестве современников и классиков татарской литературы. Заслуженный работник культуры Республики Татарстан (1999), лауреат премии Союза писателей Татарстана им. А. Алиша (2006).

НАША ЛЮБОВЬ

Стихи из одноимённого вокально-симфонического цикла
(композитор Ильгам Байтиряк)

I. ЖИЗНЬ СУРОВА

С тобой вдвоём кипели, словно реки,
Мы потеряли и надеждам счёт.
Судьба-насмешница нас бросила навеки
На жёсткий берег... Ну а жизнь идёт...

II. БЕЗ ТЕБЯ

Сейчас во мне так много слов,
Умею ловко ладить с ложью.
И жить-то без тебя я вновь
Учусь день ото дня, похоже.

III. С ТОБОЙ

Как чернолесье, помню жизнь вдвоём,
Где тайной чаша тёмная была,
Но ветви опускались шалашом,
И жизнь была прекрасна и светла.

IV. БЕРЕГУ ЛЮБОВЬ СВОЮ

Каждый час, прошедший без тебя,
До чего же долог, тяжек он.
Радуюсь и мучаясь, любя,
Я давно забыл покой и сон.

Но забыть ни мига не хочу
Дней, когда сбылась моя мечта.
Счастьем окрылённый, я лечу,
Ты – мой сон на миг и навсегда.

V. ЕДИНСТВЕННАЯ МОЯ

Завоёванная мною любовь –
В непомерном страданье и боли.
И теперь, когда счастлив с тобой,
Нет на свете прекраснее доли.

Родился 4 апреля 2001 года в деревне Старостуденецкие Выселки Буинского района Республики Татарстан. Окончил Буинский ветеринарный техникум (2019). Артист Буинского государственного драматического театра. Пробует себя в стихах, играет на гитаре.

Тимур Шиганов

«МЫ РАЗУЧИЛИСЬ, ВОЗМОЖНО, МЕЧТАТЬ...»

Мы разучились, наверное, жить
И удивляться росе на травинках,
Палкой крапиву сбивать на тропинках,
Мы разучились, наверное, жить.

Мы позабыли, как плакали мы,
Если нам мама не купит конфеты,
Или же дома её долго нету,
Мы позабыли, как плакали мы.

Мы разучились, возможно, мечтать
О космонавтах и звёздных полётах,
О серебристых путях самолётов,
Мы разучились, возможно, мечтать.

Мы улыбаться боимся теперь –
Искренне чтобы, а не напоказ,
Раньше смеялись – аж слёзы из глаз,
Мы улыбаться боимся теперь.

В комнате я неподвижно стоял,
А за окошком сияли зарницы.
Книгой, забывшись, лицо прикрывал,
Были в слезах моей книги страницы.

Я нашёл на твоём лице
Свет сияющих дальних звёзд.
Я украл этот яркий свет,
В своё сердце его принёс.

Отыскал я в твоих глазах
Мой любимый весенний дождь.
Я забрал его у тебя –
В моём сердце его найдёшь.

Я увидел в твоих руках
Ручейков озорную синь.
В волосах полыхал закат,
О тебе говорили с ним.

Ты, наверное, целый мир,
Неизведанный и большой...
Я искал в этом мире себя –
Не нашёл.

Взгляни на солнце, что ярче всех,
Попробуй светить, как оно.
А если не можешь, прощай навек,
Быть вместе нам не дано.

Ты слышишь, в саду поют соловьи,
Попробуй спеть, как они.
Безжизненным небом очей своих
Иначе меня не мани.

Попробуй, как ветер, достигь синевы
И листья поднять над землёй.
А если не можешь – прощай, увы,
И дверь за собой закрой.

Я буду сидеть на пороге в слезах,
Не смея окликнуть тебя.
И ты исчезнешь, о том не узнав,
Что можно любить, не любя.

Останусь один в полумраке грёз
И, путая полночь с днём,
Увижу, выплавав море слёз,
Твоё отраженье в нём...

Гори, гори,
моя звезда!
Когда мне больно,
свет дари.
И не угасни
никогда,
Гори, моя звезда,
гори!

Когда над сердцем –
туч гряда
И льётся с неба
серый дождь,
Когда сгорело всё
дотла,
Гори, ведь пепла
не сожжёшь.

Гори без дыма
и огня,
Гори без страха
от разлук,
Окутай радостью
меня,
Пусть даже
через горечь мук.

Не прячь свой свет
за облака,
Они –
лишь мутное стекло.
Свети же мне
издалека,
И в чёрный день
гори светло!

Гори.
Гори моя звезда.
И плавь снега,
и в дождь пылай.
Однажды
я уйду за край,
Но ты гори,
гори всегда.

Всё обязательно случится,
Ведь все случается всегда.
Корабль в море наш помчится
В закат, в другие города.

Там будут сильно нас любить,
Так сильно – как мы друг друга,
Там сможем грусть мы позабыть.
Любовь сожжет метель и вьюгу.

Там будет так тепло и нежно,
Как представляли мы в мечтах.
Все слезы пропадут бесследно,
Дождя не будет на щеках.

Не будет серых облаков,
Касаний серых и во снах.
Там будет только про любовь
И счастье, все будет про нас.

Там искаженный грустный мир
Вдруг обретёт дыхание светом.
Все, что погубит нас двоих,
Погубит только в мире этом.

И пусть спадают крылья наши
Не в дождь и не в метель ночную,
А там, где мир намного краше,
И там, где лишь тебя люблю я.

Остаться там, где слышен только ветер,
Увидеть то, чего другие – в снах.
Коснуться той, кого не каждый встретит,
Летя вдвоём на белых облаках.

Считая звёзды в одеянье ночи,
Услышать ангелов глухие голоса,
Прочесть луну, что пишет между строчек,
И ощутить, как дышат небеса.

Поймать рассвета красные слезинки,
Пока зевают в спячке города,
Собрать в одну весеннюю корзинку
И подарить тебе их навсегда.

Мы рождены, чтобы встречать рассветы,
Чтоб чувствовать в ладонях снегопад,
Чтоб на песке писать стихи о лете,
Чтобы не видеть никаких преград.

Мы уходили, чтобы возвращаться,
Чтобы внезапно возвращаться в жизнь,
Того, кто ждал и не хотел сдаваться,
Того, кто верил нам и дорожил.

Мы проживали каждое мгновение,
Мы ничего не смели упускать,
Отбрасывая напрочь все сомнения,
Мы умирали, чтобы вновь восстать.

► Рифат Каюмов

АДАВ-ТУЛУМБАЕВО. Очерк по истории села

Село Адав-Тулумбаево разительно отличается от других деревень. Не только природой. Сосновый бор с одной стороны, смешанный дремучий лес – с другой, вдобавок – извилистое широкое озеро в центре села – Иркуль, да и река Свяга рядом. Многие хотели бы жить в ладу с таким сочетанием земной красоты.

ИСТОРИЯ ОДНОГО СЕЛА

Адав-Тулумбаево отличается не только чудесной природой, но и тем, что у здешних людей быть лидерами – в крови. Кто и где еще может похвастаться более, чем двумя десятками мастерами спорта СССР, России?! Кому удавалось выступать на «Ура!» перед руководителем страны – незабвенным Никитой Сергеевичем Хрущевым, полным составом Политбюро ЦК ВКП(б), всем дипломатическим корпусом иностранных государств?! А вот Марьям Алимова – дочь Валиуллы бабая – с танцевальной композицией (с самоваром на голове) покорила, кажется, не только лидера страны, но и всех дипломатов Европы.

Талантливый писатель Гумер Тулумбай (Тулумбайский), профессор музыкальной академии Испании Дана Муравьева (Дания Сагдиева), видный авиаконструктор Эдуард Сагдиев, известный на Горной стороне Поволжья ишан Ахмер хазрат, всемирно

известный ученый Роальд Сагдиев, Герой социалистического труда Александра Николаева, даже дореволюционный фальшивомонетчик Сагди, а также наш современник – народный артист Республики Татарстан Раиль Садриев – все они выходцы из Адав-Тулумбаево.

Обычно, когда знакомишься с неизвестным человеком, спрашивают: «Вы из каких краев?» Услышав в ответ: «Из Тулумбаево», с радостью, цокая языком, произносят: «О-о! Как же, знаем, бывали».

Адав-Тулумбаево имеет более, чем 350-летнюю историю. Об этом имеются статьи наших односельчан – кандидата филологических наук Шарафа Ахмадуллина (1918–2011), Энже Зяббаровой, педагога Юсуфа Рыбакова, ветерана-журналиста Мунира Бурганова и других.

Итак, кто такой первопоселенец Тулумбай? Что означает Адав? Откуда пожаловали наши предки?

Более-менее серьезно историей сел и деревень начали заниматься в период перестройки – с конца 80-х годов прошлого столетия. Как правило, история началась так: «Наши предки на Горную сторону Волги пришли из Великих Булгар...». В то время по-другому и не могло быть. «Руководящая и направляющая сила КПСС» приказала искать истоки предков татар в Булгарах, а не копаться в ханских историях Золотой Орды.

Между тем история сел и деревень правобережья Волги, как показывают исследования, в том числе и по Адав-Тулумбаево, тесно связана с историей Золотой Орды и, в особенности, с ее осколками – Ногайской Орды и Казанским ханством.

Еще в XIII-XIX веках на Горной стороне кочевали племена кыяты, асы, найманы, мангыты, кипчаки, алаты, кунграты и другие. Известно, что ногайские племена доходили до нынешних Буинска (Татарстан), Яльчика (Чувашия), даже до Алатов (Заказанье). Городище Таяба (Чувашия), говорят, построили золотоордынские умельцы. Далеко ходить не надо. Даже в пределах Буинского, Дрожжановского, Апастовского районов немало топонимов времен Ногайской Орды. Большое ныне русское село Киять носит название племени золотоордынского периода. Кстати, соседние с Адав-Тулумбаево деревни Яшевка, Красное Поле, речка, еще несколько

топонимов носят названия Киять. Населенных пунктов Киять, точнее Кыят, немало и в Крыму, и в Средней Азии.

В самой деревне Адав-Тулумбаево немало ногайских следов. Поле, что начинается сразу за кладбищем, называется «Олы чирэм» – «Большая целина», что созвучно с определениями в российских архивных документах – «Степь», «Дикая степь», «Ногайская сторона», «Крымская сторона»... Возле Ивашевки и Мещеряков, что по соседству с Адав-Тулумбаево, проходила засечная черта Тетюши–Алатырь–Темников – земляные валы, построенные в целях защиты Московского государства от набегов кочевых племен и казачьих разбойников. На берегу Свяги, от деревни Бикмуразово, включая детский лагерь «Бор» и исчезнувшие полвека тому назад селения Ракировка, Никольские Выселки – до околлиц Адав-Тулумбаево, в первой половине XVII века были землями служилого татарина Сабая Крымова.

Все эти и немало других фактов толкают нас на поиски первопоселенцев Адав-Тулумбаево из истории племен и народов побережья Волги.

После падения Золотой Орды, в начале XV века на историческую арену выходит Ногайская Орда под руководством Идегея. Западная часть Орды приходится на Горную сторону Волги. В силу междоусобиц, военных конфликтов и других причин, часть мурз Ногайской Орды вынуждена искать прибежища на «сильной стороне», каковым в то время становится Московское государство. Российские цари, князья даруют

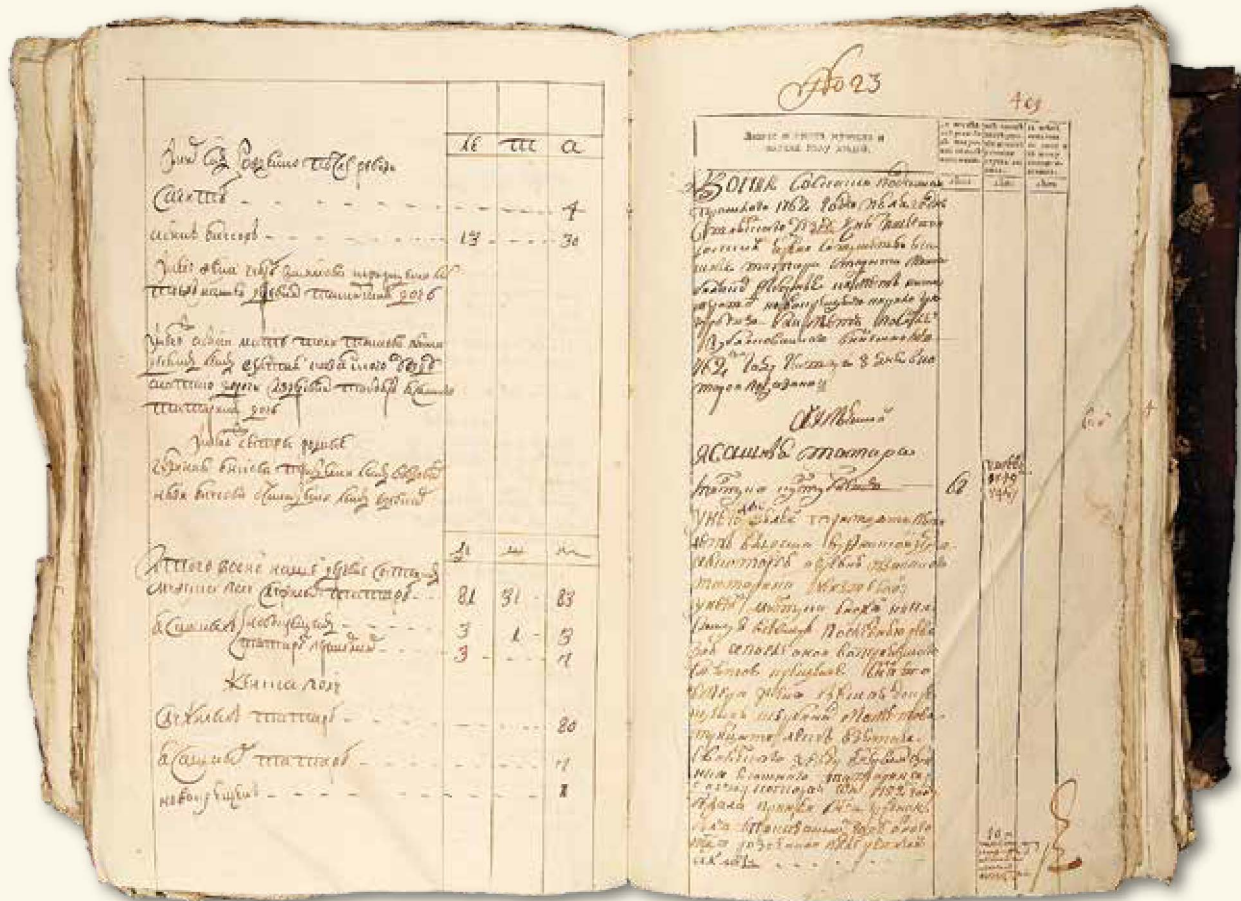
ногайским татарам земли и города близ Москвы. Таким образом, вырастают тюрко-татарские анклавы – Романов городок, Темниковское княжество, Касимовское ханство... На Горной стороне в XVI – начале XVII веков хозяевами были Ишей князь, Акклыч князь и некоторые другие.

В первой ревизской сказке, т.е. в документе о переписи населения 1719–1723 годов, о деревне написано так: «Свияжского уезду князь Ишеевой сотни деревни починка Адав-Тулумбаевы». «Починок» означает, что селение в начале было в другом месте, затем перенесено в нынешнее. Да, это согласуется с преданиями старожилов о том, что деревня располагалась в местечке «Чиялек» («Вишневка»), где в свое время находилась колхозная пасека. Действительно, когда начали копать землю под омшаник колхозной пасеки, наткнулись на человеческие кости.

Значит, деревня была в составе сотни служилых людей под руководством князя Ишея и его детей. Кто такой князь Ишей?

Ишей князь Кудабердеев (от слов «Ходай бирде» – «Аллах дал») был хозяином более сорока сел и деревень нынешних Буинского, Тетюшского, Апастовского, Верхнеуслонского, Кайбицкого, Камско-Устьинского и других районов. Еще в 1613 году земли селения Барышево, близ райцентра Камского Устья, принадлежали Ишею, а в 1623-м – переходят к его детям. В 1613 году сыну Ишея – Богдану мурзе для сенокосов выделяются земли вдоль речки Киятка. Ближайшие родственники князя переселяются вдоль Кияты и села Кырланга. Им же принадлежали кабак и переправа возле нынешнего русского села Степановка, некогда бывшего татарской и мордовской деревней одновременно. Все упомянутые селения расположены по соседству с Адав-Тулумбаево.

Доктор филологических наук Марсель Ахметзянов составил родословную именем деда Ишея князя – Сюндук мирзы. Его родословная восходит к эмиру Золотой Орды Идегею и царице-регентше Казанского ханства Сююмбике.

В этой же ревизской сказке указаны имена 109 мужчин, в том числе и 91-летнего старца Туйтиряк Ахбердина. У Туйтиряка феноменальный возраст, если учесть, что даже в середине XIX века средняя продолжительность жизни по России была 26–27 лет. Среди прочих выделяется житель Адав-Тулумбаево Алмакай Тенишев, 1655 года рождения. Это представитель знатного в Российской империи рода Тенишевых, так или иначе связанных с родом князя Ишея.

Таким образом, мы выяснили, что Адав-Тулумбаево заселили служилые татары князя Ишея. Да, это так, но не совсем однозначно. Эта группа – волна служилых татар, которая пришла в обжитую, заселенную деревню. Тогда кто же основал деревню? Кто такой Тулумбай? Что означает Адав?

Существует несколько версий относительно Тулумбая. Наши односельчане Юсуф Рыбаков и Зяудат Рахматуллин пишут, что акакал Тулумбай в составе шести семей пришел из Бурганово (село в Буинском районе) и основал Тулумбаево. Действительно, Рахматулла Муксинов (1755–1816) и несколько его родственников в пределах 1782–1811 годов прибывают в нашу деревню. Но их к основателям села причислять не приходится, так как Тулумбаево к этому времени было уже солидным населенным пунктом.

По второй версии, описанной нашим земляком Шарафом Ахмадуллиным, выходит, что Тулумбай со своим другом Илбаем, избегая насильственного крещения, со стороны Кырлангов приходят в местечко, которое ныне называется Чиялек (Вишневка) или же Атау-юрт (поселение Атау).

Доктор филологических наук Ф. Г. Гарипова, опираясь на сведения старожилов, пишет, что чуваш Адав и татарин Тулумбай являются первопоселенцами на этой земле.

Мне пришлось в течение многих лет изучать эти непростые вопросы происхождения села Тулумбаево. Пришел к выводу: у всех этих авторов есть один существенный недостаток – они опираются лишь на воспоминания жителей, не привлекая при этом существенные первоисточники. Ведь одних воспоминаний и легенд не достаточно для уяснения такого сложного вопроса, как происхождение населенного пункта – прошло свыше трех веков.

Изучение первоисточников в архивах Ульяновска, Казани и Москвы не заставили себя долго ждать. Постепенно неизвестные страницы истории Адав-Тулумбаево начали открываться.

В «Симбирском сборнике», вышедшем в 1870 году, в статье «Буртасы» читаем: «В Алаторском уезде в Верхосурском стану: д. Ногаева, Чюлпаново тож... а в ней буртасы посопные татаровя: во дворе Тулумбузамко Еустужин... во дворе Сюндюшко Утямишин, двор Тинкашка Янышева... – сошли безвестно во 127 г.» (1619 г. – Р. Каюмов).

Отметим, что в Карсунском районе Ульяновской области до сих пор есть село Ногаево, которое раньше называлось Чулпаново. Что касается «Буртасы посопные татаровя», то это отатарившиеся племена буртасов, платившие налог хлебом – посопом. Не лишним будет упомянуть о наличии до сих пор нескольких селений в правобережье Волги с этим названием – Буртасы (в Апастовском, Камско-Устьинском районах РТ, Степные Буртасы – в Чувашии).

Что касается имени Тулумбузамко, то оно состоит из Тулумбуза и ласкательно-уменьшительного окончания «мко». Тулумбуза образовалась от собственного имени Тулум, в основе которого лежит понятие «тул», «тулун» – цельная шкура, снятая с домашнего животного. А «буза» – легкоалкогольный молочнокислый напиток. Кочевые племена хранили молоко внутри этих тулун-мешков и клали под седло, где оно доходило до кондиции.

В «Сборнике историко-статистических материалов по Симбирской губернии» написано: «Приводим из выписки несколько буртасских имен: Тулумбайко Еустужин, Балтайко Тетюшев, Сюндюшко Утемешин... имена, не похожие на нынешние татарские (магометанские), напоминающие названия некоторых нынешних татарских, мордовских, даже русских селений» (подчеркнуто нами – Р. Каюмов).

Итак, автор середины XIX века указывает, что нынешние селения Тулумбаево, Сюндюково, Утямышево, Тингашево и другие, возможно, были основаны буртасами. Эти селения находятся на стыке запада Татарстана и востока Чувашии недалеко друг от друга, в междуречье рек Булы и Малой Булы.

Версия основания нынешнего Адав-Тулумбаево буртасами из Алатырского уезда, у которых начался процесс отатаривания, подкрепляется еще несколькими фактами.

Рассмотрим точку зрения Ш. Ахмадуллина о связке Тулумбая и Илбая, обосновавшихся на берегу Свяги около Вишневки. Автор, видимо, узнал эту легенду от старожилов села, а не из архивных источников, иначе он бы привел цитаты из документов. Мы нашли документ, прямо указывающий на эту связку. В 1608

году жителей села Таяба (в Чувашии, возле районцентра Яльчики) вызывают по спорному, в связи с пропажей лошади, вопросу в суд в Свияжский уезд Тумея (Тэмэй) Тулумбая и Илбая Надырова. Не приходится сомневаться, что речь идет именно о «наших» Тулумбае и Илбае, ибо имена идут именно в этой связке и о других персонажах в документе речь не идет. Здесь мы видим не самого Тулумбая, а его сына и, очень важно, не указаны ни национальная принадлежность, ни социальный статус. Между тем в документах того времени, как правило, указывали – «ясашный татарин», «ясашный мордва» или «ясашный чуваша» и др. Значит, Тулумбай примерно 1560–1580-х годов рождения и, возможно, не татарин.

Кстати, заметим попутно, с подачи Ш. Ахмадуллина утвердилась дата основания села Адав-Тулумбаево – 1655 год. Эта дата вошла и в Татарскую энциклопедию, и в новый труд Института энциклопедии и регионоведения АН РТ, посвященных истории населенных пунктов Татарстана. Данная дата не соответствует действительности.

Еще одно белое пятно требует ответа: что означает «Адав»? Ю. Рыбаков, Ш. Ахмадуллин считают, что это слово означает «Атау» – мыс, сухое место. Ф. Гарипова выдвигает версию в духе дружбы народов: Тулумбай – татарин, Атав – чуваш.

На этот вопрос нам удалось найти ответ в Ульяновском архиве. Мы говорили, что рядом с Адав-Тулумбаево, по левому берегу Свияги, еще с 1613 года, были земли служилого татарина Сабая Крымова. В связи с тем, что сам он долгие годы был на многочисленных войнах и конфликтах России, земли были заброшены, затем использовались ясашными людьми из соседних селений. Его сын Атабай в 1655 году пишет письмо царю с просьбой вернуть отцовские земли ему. Служилые люди из Свияжского уезда в 1666 году учиняют допрос: эти земли действительно принадлежали Сабаяу Крымову? Среди 53-х свидетелей значатся имена старосты Паркама Пранскина и выборного Кярцема Кудашева из – заметьте! – «ясашных мордва деревни Толубаевы Атав». Вначале удивился – мордовская деревня?! Вспомним, что буртасов в XVII–XIX веках отождествляли с мордвой и чувашами,

лишь с середины XX века стала преобладать гипотеза тюркского происхождения буртасов.

Нашли объяснение и слову «Адав». Мои предшественники это слово переводили на татарский лад. И никто не пробовал перевести «Атав» с мордовского. Ученый В. Майнов (1845–1888) в книге «Очерки юридического быта мордвы» пишет, что «Атевь» означает «собственность деда». Значит, «Толубаево Атав» означает собственность деда, деревня деда Толубаева. Превращение названий Атев и Толубаева в Адав-Тулумбаево легко объяснимо с точки зрения татарского языка и звучания.

Итак, подведем итоги. Изучение моими предшественниками истории села Адав-Тулумбаево лишь на основе воспоминаний старожиллов привело к искажению объективной истории. Были искажены дата основания села, затем имя первопоселенца Тулумбая и названия «Адав» были истолкованы неправильно. Опираясь, главным образом, на архивные документы и труды ученых XIX века, не претендуя на окончательные выводы, можем сказать, что село основано в пределах 1620–1646 годов отатарившимися буртасами, которых ученые того времени отождествляли с мордвой, выходцами из деревни Ногаево нынешнего Карсунского района Ульяновской области. В то же время следует сказать, что самые ранние документы относительно села датируются 1666-м годом. ■

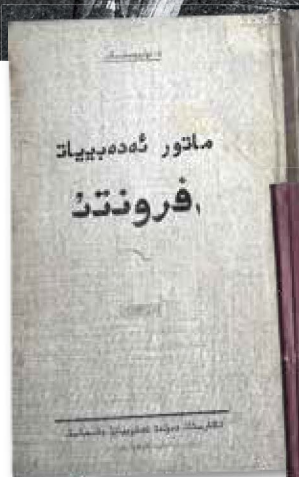

► Рифат Каюмов

ГУМЕР ТУЛУМБАЙСКИЙ.

Неизвестные страницы

Поэт, драматург, мастер великолепных рассказов и повестей, фольклорист, ученый-профессор относится к когорте талантливых писателей, получивших большое признание при жизни, но до конца не оцененных до сих пор. Мы решили восполнить этот пробел в татарской истории.

Есть писатели, безусловный талант которых, несмотря на изменения политических ситуаций, не вызывает сомнения. Ни в первые послереволюционные десятилетия (1920–1930), ни в годы репрессий (1930–1956). Но, несмотря на прекрасные произведения, вышедшие из-под пера писателей, они, все же, остаются в тени, за задворками литературной жизни.

Татарская литература, имеющая многовековые корни, развивалась естественно, без видимого давления со стороны власть предержащих. Как писать, какого стиля придерживаться – это решал сам мастер слова. После революции 1917 года все изменилось до наоборот. Все произведения рассматривались с точки зрения классово-борьбы большевиков против «осколков» старого строя. Только такие произведения поощрялись властью. И писатели вынуждены были ринуться в бой со старым прошлым. Досталось даже дореволюционным признанным писателям и поэтам – Гаязу Исхаки, Габдулле Тукаю... Пример «революционности» показал Галимджан Ибрагимов, восхищавшийся творчеством Исхаки до революции, а после – стоявший во главе знамени против «буржуазного писателя». От «хамелеонского» подхода в стороне остались, порою ценою жизни, пожалуй, Фатих Амирхан и Джамал Валиди. Валиди призвал Г. Ибрагимова «не заниматься литературным извращением» (Г. Исхаки. Зиндан. К., 1991).

Повторяю, почти все писатели ринулись в революционный пафос. Как правильно подметил поэт Ренат Харис, это был период «массового психоза». Гумер Тулумбайский никак не мог остаться в стороне. Он, как «один из мыслящих молодых людей» (выражение Афзала Шамова), рьяно взялся за перо, как и многие молодые «петухи»-писатели, начал рубить направо и налево. Так

поступили почти все. А власть в 1930–1937 годах поступает почти со всеми писателями жестоко: дав возможность восхваления революционного трона, затем лишает их самого ценного – жизни.

Гумера Тулумбайского лишают жизни в подвалах НКВД 9 мая 1938 года. Так, трагически, в 38 лет, обрывается жизнь одного из талантливых татарских писателей 1920-1930 годов. В 1927 году ученый-литератор Галимджан Нимати Гумера Тулумбайского наряду с Кави Наджами, Хадиташем, Хасаном Туфаном и Аделем Кутуем называл одним из пяти звезд «на небосклоне татарской революционной литературы».

Взгляните еще раз на эти имена. В наши дни их именами названы улицы Казани, других городов, некоторым поставлены памятники, учреждены премии, посвящены книги... Безусловно, они достойны этих почестей. А где Тулумбайский, где улица его имени? Хотя бы в его родной деревне Адав-Тулумбаево, вместо «бесцветных – ни уму, ни сердцу – улиц Средняя, Зеленая, Озерная, Интернациональная, Молодежная, Советская могли переименовать?! Даже дома, где родился писатель, архитектурного памятника района уже не существует. Ведь могли открыть музей имени известного писателя, как, например, в Новых Тингальях музей имени Гумера Гали, кстати, друга Тулумбайского. Школе могли дать имя выдающегося земляка, учредить премию, написать книгу о трагической судьбе писателя. Ничего этого нет. Даже год гибели пишут ошибочно – 1939-й.

Эта статья – попытка вернуть нашу память к одному из пяти звезд татарской литературы начала XX века.

Габделхак Залялетдинович Шагиахметов родился 14 апреля 1900 года в деревне Адав-Тулумбаево Буинского уезда Симбирской губернии. После окончания сельского медресе продолжает учебу в Буинске.

Их род был одним из трех семей – религиозных деятелей. В отличие от рода имама Ахмера хазрета Юнуса (1763–1819) и имама Низаметдина Фахреддина (1842–1910), десятки лет обслуживавших мусульман деревни Адав-Тулумбаево, муллы рода Шагиахмета были религиозными деятелями на стороне.

Один из предков Гумера Тулумбайского – Шарафеддин сын Сайфуллы (1825–1888) был даже удостоен похвалы самого Ризаэддина Фахреддина (1859–1936). Шарафеддин сын Сайфуллы приобретает знание в одном из знаменитых медресе Заказанья – в медресе деревни Ури, затем становится имамом в Атне (сейчас это

райцентр), что в Казанском уезде. «Родом из деревни Суиш (иногда неправомерно Адав-Тулумбаево называли так) Буинского уезда, учился в деревне Ури у Сибгатуллы бин Абдулкадира али-Шарифи. Говорят, он обладал основательными знаниями. Жена – Азиза бинт Сайфулла. Дети: Файзрахман, Мухаммадфатих, Абдулқуддус, Мухаммад, Давуд и другие».

Родной младший брат отца Шарафеддина Сайфуллы – Хабибулла исполнял обязанности муллы в деревне Чиру (ныне в Апастовском районе). Сын Хабибуллы – Шагиахмет, дед Гумера Тулумбайского, когда скончался отец, переезжает в Тулумбаево и становится муллой. У деда писателя – Шагиахмета было двое детей – Заляледдин и дочь Бибилайша (проживала в д. Кляшево Тетюшского района). У отца писателя – Залялятина от первой жены Бибиасмы (д. Кузби, ныне – Средние Лащи, Буинский район) рождаются дети Замаледдин и Джамия (проживала в д. Бикмуразово Буинского района). От второй жены Заляледдина – Гульямал (Мещеряково, Буинский район) – дети: Габдулхак (Тулумбайский), Амина, Марьям. Кстати, сын Амины и племянник писателя – Равил Кукушкин, больше известный как Равиль Рахмани, – известный литературовед, поэт, критик, кандидат филологических наук, много сделавший для возвращения доброго имени писателя.

Еще один родственник писателя – Галим – был муллой в деревне Бакырчы, что ныне в Тетюшском районе Татарстана. Словом, все предки, родственники были священнослужителями.

Как говорится, сам Аллах велел, чтобы молодой Габдулхак после Буинского медресе служил на ниве мусульманского просвещения. Но его тянуло к творчеству. Юноша по просьбе старших писал «любовные письма», в школе – сочинения, когда началась война – оттачивал свое мастерство «солдатскими письмами».

В этом месте в самый раз написать о немецком плене отца писателя Залялетдина Шагиахметова, воспоминания которого в 1974 году записал учитель Юсуф Рыбаков.

«Нас немцы возле города Люблино взяли в кольцо, – вспоминает Залялетдин ага. – После четырех дней голода, посмеявшись, сказали: “Вот сей-час не сможете убежать”. На пятый день дали тухлую соленую рыбу. Затем отправили в Венгрию. Венгры в течение девяти месяцев заставили нас чистить туалеты, канализацию и сортировать десятки тонн картофеля. Девять месяцев в лагере прокладывали дорогу – гать. В лагере

Шренталя год стирали обмундирование раненых; два с половиной года заставляли работать на Кожаном заводе. В 1919 году вернулся на Родину, домой».

В этот период, пока отец был в плену, у Габдулхака в жизни происходит много и интересных, и трагичных событий.

Отец на войне, в семье нехватка, что делать? 16-летний Габдулхак решается на отчаянный шаг – не спросив у деда разрешения, убегает в Питер на заработки. Работает извозчиком. Здесь он впервые сталкивается с противоречивой жизнью большого города: набирается опыта, приобщается к русскому языку. Заработав немного денег, летом 1917 года возвращается в родную деревню. В революционные октябрьские дни участвует в борьбе за землю, за хлеб с помещиком соседнего села Ивашевки Головинским.

В начале 1918 года в Буинске открываются курсы по переподготовке учителей. Габдулхак в это время преподавал в соседней деревне Бикмуразово, в русско-татарской школе, субсидируемой уездным земством. Заведующим новой школы был Самадахун Шагидуллин. Учащиеся этих курсов параллельно с дневной учебкой вечерами в составе Буинского театра ставили спектакли в деревнях уезда. Среди артистов был и Габдулхак Шагиахметов. Педагог Юсуф Рыбаков в своей рукописи отмечает, что зимой 1918 года артисты в деревне Адав-Тулумбаево поставили пьесу «Бэхет кошы» («Птица счастья», автор – Сарим Фахриев), где Габдулхак сыграл роль муллы.

В этот период в жизни 18-летнего парня происходят изменения и в личной жизни. Он женился, точнее, как было заведено в то время у татар, «украл» односельчанку Амину Хайруллину. У молодых с революционным пафосом иметь семью – значит вредить большевистскому делу: совместная жизнь у них была недолгой.

Продолжилась учеба и репетиции в театре. Известно, что в это время он сочинил пьесу для Буинского театра. Габдулхак в своей автобиографии пишет: «В 19-м году написал пьесу из 2-х отделений, взятую из того же времени. В Буинске сыграли, сказали, что интересная. Пьеса там и пропала».

В мае 1918 года в Адав-Тулумбаево происходят события, впоследствии названные «смоленщиной», «вилочным восстанием». Эти события впоследствии в 1937 году печально аукнутся. Дело было так. В деревенском кооперативе торговали спичками, солью, керосином, другой мелочевкой, необходимой для повседневного быта. Но товаров, привозимых из Симбирска, всем не

хватало. Активисты комитета бедноты требуют отчета с хозяев лавок. Назначается день собрания, но лавочники игнорируют, не приходят. Крестьяне, недовольные тем, что товары отпускаются по своим, родственникам, с одной стороны, лавочники – с другой, берутся за вилы и топоры. Активисты комитета бедноты скрываются. Лавочники набрасываются на их жен. Одна из них от побоев умирает. Услышав про «заварушку» в родной деревне, Габдулхак со своими друзьями прибегает из Бикмуразово, где он учительствовал. Расспросив, в чем сыр-бор, Габдулхак не участвует, уходит в сторону. Об этом пишет Юсуф Рыбаков. Но эти события в ходе собрания в 1937 году, где разбирали «контрреволюционную сущность» писателя, комиссией вновь будут рассмотрены и интерпретированы не в пользу писателя. Вот, что написано в архивной выписке:

«Учитывая заявление на собрании члена ВКП(б) т. Бадамшина (Гариф Сиразетдинович, 1865–1939, депутат госдумы – Р. Каюмов) о том, что при расследовании вопроса об участии Шагиахметова в кулацком восстании в его родной деревне в 1918 году выяснилось активное участие Шагиахметова и, очевидно, этот вопрос при передаче материалов в Бауманский РК ВКП(б) смазан. Бикташев (тогда секретарем Буинского РК был Бикташев, впоследствии снятый с работы за сокрытие своего социального происхождения) просит РК о дополнительном расследовании этого вопроса».

В 1919 году он становится кандидатом в члены партии большевиков. Добровольно уезжает на войну, участвуя в походе против белополяков. Вскоре после ранения приезжает в деревню. С этого времени у Габдулхака Шагиахметова начинается большая, насыщенная творческая жизнь.

Написанная Габдулхаком пьеса вдохновила молодого начинающего писателя. Он, вторично, почувствовал прилив творческой силы. А впервые эту радость он испытал, когда его стихи появились в симбирской газете «Тан» («Заря»), редактируемой также молодым писателем Фатхи Бурнашем. С этого времени он берет псевдоним Гумер Тулумбайский. Ведь негоже ему, строителю светлого будущего, носить имя Габдулхак – «истинный раб Аллаха».

Как у всех молодых начинающих писателей, у него все началось с поэзии. Первые пробы пера в симбирской газете вдохновили его, он и дальше экспериментирует в поэзии. В сборнике стихов 1923 года, выпущенном

Фатхи Бурнашем – «Корэш жырлары» («Песни борьбы»), опубликовано стихотворение Гумера Тулумбайского («Другого не жду»). «Устремглав в небо не бродил, не искал пустого, не горланил, пустопорожних слов не писал и не молвил; остаюсь на земле, в защите жизни умираю, похоронят...» – таков лейтмотив первых «взрослых» стихов. Стихи для детей ему удавались больше. «На коне» с цветной иллюстрацией не стыдно показать даже в наши дни: и содержание, и каллиграфия – что надо. А кто не помнит стишки «Буран», которые неоднократно печатались в «Элифе» («Азбуке»)!. Многие поколения наизусть знали эти напевные строчки. Это произведение является настолько ярким, что до сих пор многие считают, что «Буран» написал Габдулла Тукай. Такое замечательное стихотворение, как, видимо, считали, мог написать только классик татарской поэзии.

Гумер Тулумбайский, как было уже сказано, пробует себя и в драматургии. Интересна история создания писателем второго драматического произведения – пьесы «Бажайлар» («Свои»). Об этом красноречиво повествует в своих мемуарах «Гомер сукмаклары» («Тропы жизни») писатель Риза Ишмурат. Риза Ишмурат случайно на пароходе встречает Аделя Кутуя и Гумера Тулумбайского. Водный путь из Уфы в Казань длинен. Они втроем идут на авантюру: создать в Казани такой театр, чтобы все ахнули. Даже придумывают название театру – «Бомба». Гумеру поручается написание современной пьесы. Так возникла пьеса «Бажайлар», высмеивающая спекулянтов, нэпманов и бюрократов. Летом 1925 года в летнем саду «Эрмитаж» состоялась премьера. И на этом вся эта затея с «Бомбой» заглохла.

Тогда, попробовав свои силы в поэзии и драматургии и поняв, что это не его дело, он взялся за рассказы и повести. Вот тут проявился яркий талант Гумера Тулумбайского. Его сочный язык был близок к народному – этот стиль так и остался фирменным «тулумбаевским» стилем в прозе, за что и любят читатели его произведения даже по прошествии почти целого века.

Творческий путь писателя Гумера Тулумбайского продлился с 1924 года вплоть до ареста 8 июня 1937 года. За этот короткий период им при жизни написано 32 книги рассказов, повестей, произведений для детей, образцы татарского фольклора, впоследствии вошедшие в золотой фонд татарских народных сказок.

Творческий путь писателя шел параллельно с ростом его знаний. В 1923–1927 годах он учится в Татарском коммунистическом университете, вместе со своими земляками – писателем Гумером Гали и будущим председателем правительства автономной республики Кыргызом Абрамовым.

Затем работает заместителем редактора издательства «Гажур», редактором газеты «Крестьянка». В 1929–1931 годах занимается научной работой в пединституте. В 1931–1934 годах учится в Москве в Литературном институте. Защитив диссертацию, получает ученое звание «Красного профессора». Преподает в Казанском пединституте. В Татарском государственном издательстве заведует сектором художественной литературы.

10 апреля 1937 года на партсобрании Гумера Тулумбайского исключают из рядов партии. Это был звонок – петля на шее. Затем последовал арест 8 июня 1937 года. Родная сестра Амина, 1903 года рождения, посетившая в тюрьме писателя, оставила воспоминания о нем:

«С братом мы встретились в тюрьме. Он ходил по камере взад-вперед, видимо, разминал затекшие ноги. Он сказал мне: “Я жил, всю жизнь отдавая Советской власти. Я ни в чем не виноват, там разберутся. Советская власть – правильная власть, не даст мне пропасть”».

Власть не помогла. Ему в вину вменяют участие в контрреволюционной националистической группировке, за связь с ними и защиту их, за популяризацию врага народа Гаяза Исхаки, против введения Яналифа, за протаскивание в своих произведениях кулацкой идеологии... тут же приписали известные события 1918 года в родной деревне, где он, фактически, не принимал участия. В 1957 году писателя Гумера Тулумбайского реабилитировали, признав его невиновность. Но клеймо «представителя вульгарного социологизма» остается до наших дней. Впрочем, возвращение доброго имени писателя уже началось. Его племянник Равиль Рахмани дважды издал лучшие произведения автора отдельной книгой. Землячка писателя Энже Зяббарова защитила кандидатскую диссертацию по творчеству Гумера Тулумбайского. Хотя отчасти оценка творчеству писателя дана в трудах Р. Рахмани и Э. Зяббаровой, все же, еще предстоит много работы по выявлению трудов по публицистике, где он также блистал в 20–30-е годы, а также художественным произведениям, которые до сих пор остаются неопубликованными.

В завершение хочется подчеркнуть, что талант писателя Гумера Тулумбайского заслуживает того, чтобы его имя было увековечено, так же как и его соратников, близких друзей, в названиях улиц, родной школы в деревне Адав-Тулумбаево, премии для литературной молодежи Буинского района. Блестящий и разносторонний писатель Гумер Тулумбайский достоин этого. ■

Тумер Тулумбай

Настоящее имя Габдулхак Зялялетдинович Шагиахметов (14 апреля 1900 – 16 июня 1939) – татарский писатель, редактор, литературный критик, собиратель фольклора. Родился в Буинском уезде Симбирской губернии (ныне Буинский район Татарстана). Сказки, собранные Тулумбаем, впервые увидели свет 83 года назад (в 1936 году). Несколько сказок были опубликованы в журнале «Идель» (№4 за 2018 год). Сегодня мы предлагаем читателям сказку «Бедняк и Юха-оборотень», записанную Тулумбаем от Калимуллы Ахмадшина, 70 лет, в д. Танай-Турай (Танай-Туреево) Апастовского р-на.

БЕДНЯК И ЮХА-ОБОРОТЕНЬ

Было время, жил один бедняк на свете, давно было то время. Совсем бедно жил джигит, всего и добра, что ведро непарное. Одинок был опять-таки. Пошёл он как-то ночью к проруби за водою, пошёл да видит: стоит возле проруби девушка, да красивая такая. Глянула на него девица с улыбкой и говорит:

– Отчего ты, абый, с непарным ведром по воду ходишь?

Не захотелось джигиту в своей нищете признаваться. Говорит он ей:

– Торопился шибко, вот и взял одно ведро впопыхах.

Девица говорит:

– Дай ведро, абый, я сама тебе зачерпну.

Ладно. Хороша девка, и фигура у неё аккуратная. Очень понравилась она джигиту. Известное дело: коли сойдутся джигит с девушкой, всё одно, что огонь к вате поднести. Положил глаз джигит на эту девицу.

– Ты как это в нашем ауле оказалась? – спрашивает он.

А девица вопросом отвечает на вопрос:

– Ты женат, абый, или нет ещё?

Тот говорит:

– Нет, холостой пока. Жениться времени пока нету.

Опять он спрашивает:

– А ты здесь откуда взялась?

– Не следовало бы тебе рассказывать, да скажу: ни отца у меня, ни матери.

– Ты вроде меня, значит, сирота. У меня тоже родители померли.

Девица говорит:

– Тут меня один замуж звал, решила я, да заплутала здесь, дороги что-то не найду и куда идти не знаю.

– Брось ты эту затею, лучше выходи за меня, и дело с концом, – говорит джигит.

– Ладно, пойду, коли возьмёшь, только, чур, не попрекать потом, что безродная.

– Я и сам одинок.

Много они там слов сказали друг дружке. Пошла девица за джигитом и ведро с водою сама донесла до дому. Вот пришли они домой. Джигит и говорит:

– Надо муллу позвать, чтоб всё по закону было: никах и прочие штуки. Иначе интереса нет.

– Ладно, – отвечает девица.

Засучила она рукава и вмиг полы вымыла, печку побелила и самовар раздула. Когда уж она привела избу в порядок, джигит к мулле

отправился. Вошёл он, поздоровался, чин по чину. О здоровье учтиво справился.

Ухмыльнулся мулла, говорит:

— Как делишки?

— Потихоньку, мулла-абзый, — отвечает джигит. — Тут привёл я кой-кого в дом, пришёл бы, никах прочитал, чтоб всё по закону, а?

— Ладно, ладно, — соглашается мулла.

Обрадовался, конечно, думает — дадут ему чего за молитву, а как же, положено давать. Натянул мулла чапан, чалму парадную нацепил, громадную. На палку суковатую оперся, в коей длины два его роста с половинкой. Говорит он жене своей:

— Ты, старуха, самовар пока разогрей, там, чую, угощенья мне приготовили. Я мигом обернусь.

Жена говорит:

— Рубаху, может, сменишь?

— Там жирного не подадут, не накапаю.

Вот у джигита чай приготовили. Мулле теперь ждут. Идёт мулла крупными шагами в больших башмаках. Вышли встречать его. Зашёл мулла, всех поприветствовал. В красном углу для муллы подушка с соломой приготовлена: мягко будет ему, позаботились. Засиял мулла. Говорит хозяину:

— Ты, братец, я вижу, расстарался, похвально, похвально!

Тот говорит:

— Уж не обессудь, мулла-абзый, чем богаты, тем и рады, ты наше положение знаешь.

Двух соседей привёл: как свидетелей. Сели. Вынул мулла метрику из-за пазухи, всё как надо, по форме собирается.

— Отца как звали, не знаю, — отвечает невеста на вопрос муллы. — Ни отца у меня, ни матери, с детских лет сирота.

— Из какой деревни-то будешь? — продолжает мулла свой расспрос.

Не может сказать невеста и лягнула, что на ум пришло:

— Из деревни Темнота.

Остолбенел мулла: что за деревня такая?

Ладно, прочитал мулла никах, честь по чести, расписаться их попросил. Свидетели тоже к бу-

маге приложились. В этот миг у жениха зачесался живот, и он сунул руку за пазуху, почёсывает слегка. Мулла подумал: сейчас, мол, дадут ему, что причитается, глаз отвести не может. Вытащил джигит руку — пустая. А только видит он, что мулла заскучал, ждёт мулла.

— Мулла-абзый, в долгу не останусь, — утешает джигит.

Мулла говорит:

— Да уж надо бы чего-нито сыскать, а то как же...

Объясняет джигит:

— Вот, лаптей две пары имею. Как продам, занесу тотчас.

Мулла говорит:

— И лаптями годится, я их работнику своему отдам.

Забрал у джигита последние лапти.

Вот ушёл мулла. И свидетели вышли. Стали молодые чай пить с прибаутками. Теперь молодка — законная жена джигиту. День живут, два живут. Целую неделю прожили. Баба-то цветёт, за домом смотрит. У джигита плохи дела: день ото дня всё сохнет да желтеет, будто хворый смертельно. Не утерпел он, соседям пожаловался. Говорит:

— Что такое со мной содеялось? С каждым днём всё слабею, будто кровь из меня тянут.

Соседи ему говорят:

— Ты проверь-ка жену свою: уж не Юха ли оборотень? Ежели пупок у ней отсутствует, значит, точно Юха. Тогда, ежели она без пупка, ты на ночь всю воду из дому убери и двери запри. Притворись, будто спишь, а сам поглядывай за ней.

Пошёл джигит домой и углядел, что у жены за место пупка гладкое место. Тогда вылил он, перед тем как спать ложиться, всю воду, двери запер накрепко, сам захрапел понарошку. Полночь настала. Спрыгнула жена его с сэке, по дому пометалась и опять легла. Сама лежит, а языком стёкла оконные лижет: во каков язык у жены. Джигит, конечно, всё это ясно видел, однако смолчал.

На другую ночь опять он спящим притворился. Время за полночь — опять жена его принялась стёкла лизать.

Встали поутру, джигит ей говорит:

— Ты не пара мне вовсе, неподходящая.
— Как это так: неподходящая? Такая же, как ты: дочь бедного человека. Чего скажешь — выполняю, работы никакой не чураюсь, ты чего?

— Выполнять — то выполняешь, а чего сегодня ночью делала?

Жена говорит:

— Как чего? Спать легла, спала до утра.

— Нет, ты не спала, — попрекает джигит, — а стёкла оконные лизала. И меня потихоньку изводишь. А намедни то же самое проделывала, своими глазами видел.

Жена говорит:

— С этого дня чтоб не смел мне эдакое в глаза говорить.

Обхватила она его и сдавила так, что тот чуть из кожи не вылез.

Взмолился джигит, говорит ей:

— Ежели в живых оставишь, никогда больше и слова не скажу.

Спасся он от смерти, отпустила его жена.

Ладно. Жизнь идёт себе потихоньку. У джигита в городе родственник жил, дядя по матери. Пишет он дяде письмо: «В такой, мол, переплёт попал, подскажи, чего мне такое сделать, как быть?»

Дошло письмо куда следует. Вскрыл дядя письмо, читает: плохи дела племянничка. Направился дядя на завод, где котлы паровые делают, материалу набрал чугунного, велел баню выстроить. Вот баня готова, а дядя племянничку письмо отправляет: так, мол, и так, жду вас с молодой супружницей в гости. Получил джигит письмо. Отношения у них с женой теперь отменные. Доверяют друг другу. Письмо это жене прочёл, жена радуется: в город поедут, шутка ли! Дядя заботливый, даже денег на дорогу выслал. Купили они билеты и в город поехали.

Добрались до города. Дядя с женой встретили родственников хорошо, душевно встретили. Племянника — то едва узнали, так с лица изменился: пожелтел, высох. Заплакали дядя с женой, на племянника гляючи. Обновок надарили — и племяннику, и жене его — переоделись они в обновки. Теперь так дело пошло: поели все, попили, дядя и говорит племяннику:
— Ступайте — ка вы, милые, в баньку. Баня у нас своя, хорошая баня.

Пошли они в баню. Пришли, а баня — то не простая: вся как есть из металла железного. Стоит дверь закрыта, как захлопывается с треском, будто замочек секретный в портмоне. Джигит и говорит жене:

— Ступай вперёд, погляди там, воды хватит ли, веничек покамест попарь.

Та одна идти не решается. Муж опять ей говорит:

— Ступай, чего ты мнёшься, голову пока намочи. Я только бельишко скину и приду, ступай пока!

Пошла жена в баню, оглядывается. Только она порог переступила — трес! Парень дверью и захлопнул её в бане. Она всё же таки успела его околдовать: орёт джигит благим матом, жалеет её.

Тут и дядя подоспел. На раскалённый металл льют теперь сверху воду. Внутри, конечно, жар неизъяснимый. И воды там не приготовлено, конечно. Теперь туда, в баню — то раскалённую, жара ещё припустили. Визг оттуда несётся, вой да рёв — не приведи Аллах. Джигита увели оттуда, через три часа пошли, проверили. Язык у неё трижды вокруг дверной ручки обвился, а сама, говорят, в змею обратилась, да спеклась там дочиста.

Джигит с того дня на поправку пошёл и душой постепенно успокоился. И жил себе припеваючи до конца дней своих... ■

Ахат Гаффар

Габдулахат Габдрахманович Гаффаров (Ахат Гаффар) родился 1 января 1949 года (по другим данным – 23 декабря 1948 года) в деревне Большой Ошняк Рыбно-Слободского района Татарстана. Окончил факультет журналистики Казанского государственного университета (1971). Работал в газетах «Яшь ленинчы» (ныне «Сабантуй»), «Социалистик Татарстан» (ныне «Ватаным Татарстан»), в журнале «Казан утлары». Член Союза писателей Татарстана. Пишет на татарском языке. Автор повестей «Мелодии вёсен» (1973), «Просьба» (1975), «Песнь Кашана» (1977), «Колыбель» (1980), «Жизнь осталась впереди» (1987), романов «Зерно и жернова» (1983), «Пыль больших дорог» (1989), «Оковы» (1998), многих пьес, в том числе «Завтра буду твоим сыном», «Время ягод не вернуть», «Последний аист», пьес о Мусе Джалиле, Габдулле Тукае, Муллахуре Вахитове, с успехом шедших на сценах казанского, мензелинского, набережночелнинского, стерлитамакского, оренбургского театров. Автор публицистических и литературно-критических статей о татарской литературе и искусстве, очерков о видных деятелях татарской культуры. Произведения писателя переведены на русский, башкирский, эстонский, армянский, английский, испанский, французский, немецкий языки. Заслуженный деятель искусств ТАССР (1990). Лауреат конкурса газеты «Литературная Россия» (1977), Всесоюзного литературного конкурса имени М. Горького (1985), литературной премии Министерства культуры Республики Татарстан и Союза писателей Татарстана имени Ф. Хусни (2008).

НА САВАН КАРМАНОВ НЕ ШЬЮТ

Рассказ

...**С**лушай сюда, брадан: коли уж промеж нас возник разговор о большой войне, то знай, она совсем не то, что показывают нам в кино... вернее, не совсем то, хотя, на первый взгляд, тоже война. Но какая-то ненастоящая. Ты прекрасно знаешь, кого там не хватает: нас, татар. Словно нас и не было никогда, как отрезало, понимаешь? А вот ты, когда на кладбище шёл, разве не видел по пути, в самом центре села памятника, на котором сто восемьдесят девять фамилий выбито? Не мог не видеть... Помолчи, энем*!.. Да знаю я, знаю, что ты больше меня знаешь. И про то, что это мы, татары, отстояли Сталинград, тоже знаешь... Помолчи, говорю тебе. Плесни-ка лучше гостинчика. Во! Сам накати и мне подливать не забывай. Ага, спасибочки... Ты же сам понимаешь, энем, против этих сказочников-киношников не пойдёшь в атаку с вилами или, скажем, с косой напере-

вес. Так, как на фронте ходили, со всей ненавистью. Щас, разбежался, больно надо... Пусть эти киношники сами подтираются мильёнами, которые на сказках заработали. Дизентерия им в помощь. Потому-то они и возвысили до небес «мочить в сортире», оброненное однажды Президентом. Во-от...

А ведь мы, да взять хотя бы меня, не сочти за хвастовство, конечно, но я из тех, кто по первому призыву ушёл на фронт. И совсем не потому, что хотелось пороха нюхнуть да геройство проявить. С вечера услышал о войне, а наутро уже того... ушёл. Вернее, мы ушли. Могучие мужики, могучие с одного пинка лом перешибить. Ушли. Джигиты, под ногами которых земля горела. Сразу после медосмотра в военкомате. Мне пытались бронь сделать. Тракторист ведь. Мало того — бригадир. От годков своих не отстану, отрезал я. У меня свой порядок в голове — особый. Нас выстроили в три ряда и

оптом сфотографировали на память. Пятнадцать человек нас было односельчан. Начиная с тысяча девятьсот шестого года рождения. По двадцатый год включительно. Самых нужных, наверное, самых востребованных. Это потом стали брать без разбора, всех подряд...

В общем, развернули мы гармонию и, мешая слёзы с кровью, затаили печальную прощальную песню, с ней и покинули родные места. Словами не рассказать о том, какими были эти проводы... Помню только, как я несколько раз украдкой оборачивался, наклоняясь якобы смахнуть носовым платком пыль с чувяков. Не только я, все, наверное, так делали. На людях же, сам знаешь, и мыслить, и чувствовать начинают одинаково. Это потом, когда, сляпывая химический карандаш, пишешь, ковыряясь в потёмках души, письмо, вспоминаются твои личные слова... сказанные и те, которые не успел или не смог сказать. Самые дорогие именно они — несказанные.

В предыдущем, сороковом году хлеба уродились отменные. И с уборкой справились вовремя, и амбары наполнили по самые края. Если с мэтэеса подвозили ещё один куль, ты разворачивал машину от самых ворот. Запасы на каждую душу и без того предостаточные, до нового урожая доживём без проблем. И курам-гусям есть что в лоханку бросить, и домашний скот к осени на мясо откормить, и даже на продажу кое-что остаётся. Хотя не секрет, что у многих мужиков, особенно у таких, как я, трактористов, некоторые опасения всё же пробежали предрассветным холодком по сердцам. Когда, встав на колени и опершись на локти, жадно припадаешь к живительной родниковой воде опалёнными зноем губами, точно так же чувствуешь глубинный тревожный холод земли.

В ту пору наша деревня состояла из пятисот двадцати пяти дворов. Край, где нас отделяли от пуповины и отрывали от сытной материнской груди. В один из дней привычно сложишь губы в трубочку и потянешься к желанному сладкому соску... и окажется вдруг, что он перцем или солью густо посыпан, обильно намазан горчицей или сажеей из печной трубы. По носу не щёлкают, конечно, и протянутую руку в сторону не отбивают. Однако когда тебе вместо груди мама даёт нажёванный хлебный

мякиш, поневоле оторвёшься. А куда деваться-то. Волей-неволей — потихоньку начинаешь жить самостоятельно. Выбирать-то всё равно не из чего, обратно в пузо к маме не залезешь. Кстати, о материнском чреве: многие, к сожалению, забывают, откуда на свет народились, живых-то матерей не уважают. А про материнские могилы вообще речи нет... умерла — и шито-крыто, как будто не было её никогда...

На войну многое можно с собой из дома забрать. А вот железный крюк, вбитый в дубовую матицу, к которому люлька твоя когда-то подвешивалась, остался. Потому что для этой вещи не то что заплечного солдатского мешка, целого мира не хватит. Ни во что, выхваченное твоим последним предсмертным взглядом, этот крюк не вернёшь: ни в солнце, ни в луну, ни в одну из тысяч звёзд. Его место только здесь — в матице. Никто тебе об этом не скажет. Никто этому не научит. Ты сам должен до всего дойти-додуматься. В течение всей жизни и особенно тогда, когда почувешь приближение смерти. На войне не раз испытаешь подобное. На бессмысленной, никому не нужной войне...

Ну вот, пошли мы супротив ожидаемого, давно поджидаемого врага. А других врагов у нас нет и быть не может. Он постоянно зуб на наши земли точит, на богатства наши зарится. А мы, как всегда, голодны да босы. Нам не до врага, нам бы голод утолить да лаптей побольше наплести! Эх ты, любезнейший враг-вражина... Мать твоя родила тебя с благими помыслами, но что её помыслы перед твоей необузданной жадностью, перед твоей злобностью — милости просим, конечно, но прежде чем войти, подумай, как уходить будешь. Вот...

Но ещё более злобный враг остался в тылу. Я про коллективные хозяйства говорю — про колхозы, будь они неладны. Это же они всю нашу семью, не согласную с принудительным вступлением, выгнали из дома: дедушку с бабушкой, папу с мамой и нас, пятерых детей — двух сестёр и трёх братьев. Сволочи! Изверги! В один из тёплых весенних дней. Когда почти вся подготовка к посевной была завершена. Вот они и есть те самые — босые командиры, бывшие батраки, отбросы общества, чтоб им пусто было! Они ведь не то что парадных, даже грубых рабочих лаптей плести не научились.

Им ли в праздники щеголять в яловых сапогах с подбитыми медными гвоздиками блестящими голенищами, согнутыми гармошкой, на каблуках из настоящей кожи, какие носят зимогоры-шабашники, рубящие уголь в шахтах Донбасса и Кузбасса, ведущие путину на Азовском и Каспийском морях! Эти трудяги и за временем-то следят не по-нашему, примерно-приблизительно, а по серебряным часам на серебряной цепочке. Открыв крышку одним щелчком. Под музыку. Безо всякой гордыни и зазнайства. Понятное дело, что количество часов за сутки и у них, и у нас одинаковым получается. До минуты. А кому нужны эти минуты в деревне? Петух прокричит да съёдая яичко курица подскажет. До секунды... Сельский-то день начинается на заре и заканчивается на кладбище. А на войне, энем, если будешь проворнее, чем петух с курицей, враг — твой.

Вот нас выселили из дома в баню. Одну семью с того конца деревни вообще увезли, а нас оставили. Может, до поры до времени только. Белая баня, сруб, крыша дранкой подбита. Половые лаги — дубовые, потолочные доски на осиновые матицы прибиты. Век простоит — не сгниёт. Если у колодца сруб и жёлоб осиновые — долго простоит, не на одно поколение хватит. Полок есть, двое полатей сделали, троим на полу спальные места оборудовали, снаружи лачужку потихоньку обложили саманным кирпичом. По осени каждый листик с окрестных деревьев был уложен в фундамент, сплетённый из нарубленных и нарезанных вишнёвых веток. А горьковато-кисловатый запах бани я на пол-Европы распространил. Пригляделся, а у них бань-то вообще нету. У-у, позорники. Развитыми себя считают. А у самих даже запасного аэродрома нет, если их из дома попрут. Таких за врагов-то держать как-то несолидно даже. Вот у нас баня была — сухая, тёплая. Тесноватая, конечно, но никаких проблем из-за этого не возникало. До сих пор помню: под полком две жабы жили, каждая размером со взрослый кулак. За печкой всю ночь усатые сверчки концерты давали. Твои соловьи пусть в сторонке постоят. Словами не передать, как они пели. Клянусь! А мы их на мороз не выгоняли, с голоду помереть не дали. Мы комсюки-активисты, что ли, чтобы так поступать. И не из

жалости мы не трогали эту живность, а потому, что считали их равноправными жильцами. Не завшивели. Клопов своей кровью не кормили. Чесотку не принесли. Трахому не подцепили. Мы же не те оборванцы. В бане живём же. А мутьё наше — щелочное. Я золу имею в виду. Ежели ты знаешь, что это такое. Но это ещё не всё: после весенних паводков или летних ливней мы доставали со дна глубокой промоины в углу сада красноватые, голубоватые, зеленоватые камушки и использовали их для умывания. Прежде не переводившееся в нашем доме ароматное мыло «Гульджамал» пусть в сторонке постоит — пару раз помоешь руки-ноги в этой воде, цветными камушками потрёшь, чистота-красота. Для тела лучше всего — крапива, похлещешь ею по всем укромным уголкам, израненные за целый день работы руки камушками натрёшь, и никакого другого лекарства уже не понадобится...

Наши луга возле Именьково и Соловьёвки остались не кошены, трава в стрелку пошла, цветёт, вянет, сохнет. Всю скотину отобрали. Амбары пустые. Даже тараканы-жуки-пауки разбежались кто куда, у соседей подъедаются, наверное. Обобрали нас до последней нитки, оставили, в чём мать родила. Один позор чего стоит. Отец, понятное дело, в колхоз так и не записался. Не хотелось ему в одной упряжке с этими оборванцами быть, бестолковую нищету на себе вытягивать. До тридцать девятого года, до самой смерти как мог вёл личное хозяйство, кормил себя и нас, за что был лишён всех прав. В том числе избирать и быть избранным. Как раб, но непокорный. Как его? Ага, Спартак. Не покорился — значит, свободен. А свободному весь мир — тюрьма.

Отец меня в Ленинград отправил. От греха подальше. На сезон тридцать третьего — тридцать четвертого годов я нанялся в трест «Лендорхоз» землекопом. Если бухгалтерия денежки зажимает, то необходимую сумму нужно через суд выбивать. Но дело, нужно сказать, ни разу до такого не доходило. Копейка в копейку начисляли. Попробуй нарушь. Порядок чёткий был — как серебряная монета царской чеканки. Одними суточными выходило два сорок в день. Дорога туда-обратно — за счёт нанимателя. Кормили-поили досыта. В Ермитажу водили.

И не один раз. Домой я вернулся при серебряных часах фирмы «Буре», которые держал в специальном кармашке костюма-тройки бостон из чистой английской шерсти. В чемодане лежали ещё два швейцотовых костюма. А разным подаркам да гостинцам и вовсе счёту не было.

С прицелом на скорую женитьбу привёз я и швейную машинку «Зингер». А отца в это время энкеведэ гнобило, спокойно вздохнуть ему не давало. Ходить ему приходилось на допросы беспрестанно. Туды-сюды, туды-сюды. Прямо как челнок от машинки «Зингер». И всё пешком. Сорок вёрст на круг. Наших-то коней, которые не только в Казань и Москву, аж в самый Петербург добирались, всех поотнимали.

Ты только представь, энем: две наших родственницы, чтобы с голоду не помереть, продали на рынке в Рыбной Слободе тёлку, а на обратном пути их настигли два красногвардейца, говорят, с ними ещё кто-то третий был, застрелили и ограбили. С женщинами был ещё шестилетний сын одной из них (не помню, которой). Так вот, эти изверги разбили его голову об ось колеса телеги. Не дай бог, испытать подобное!

Думаешь, мы не знали, кто это сделал? Как бы не так... А отец не то что рукоприкладства, слова худого в свой адрес не допускал. И его не трогали, даже матом не ругались в его присутствии. А всё почему — золото у него было. И не всякое там нечистое золотишко — империялы! Их абы кому не дают, только проверенным людям, тем, кто может поручиться за каждую копейку, что она нажита праведным трудом. Империялы и украсть-то невозможно, потому что они хранятся в надёжном имперском банке. И если ты такая нечестная шухра-мухра, как Шакур-карак, знай, банку известна вся твоя подноготная, не видать тебе империялов, как своего затылка. Отец умел поставить дело, при нём пять-шесть русских сёл и деревень жили сыто, горя не знали. Русских сёл, брадан, намотай себе на ус. Знал отец, что нужно простому крестьянину. Здесь всю округу держал в кулаке один землевладелец по фамилии Макашин. Капитоньч. По прозвищу Алпут. В ваших-то учебниках по-другому это слово написано — алпаут, помещик. В те времена унижений и разорений не знали, даже самого захудалого бедняка, с которого и взять-то нечего, ни за что

не заставишь написать донос или жалобу, как это происходит сейчас. Почему так — не могу ответить. Каждому было растолковано: вот тебе столько-то десятин земли, вдобавок пай заливных лугов для покоса — бери, сколько осилишь. Возделывай, сей, жни — но десятую часть урожая вынь да положи. Унавоживай почву, пропалывай, в общем, работай как умеешь. Остальное — твоё. Однако один донос всё же написали. Казанскому генерал-губернатору. На отца. Дело дошло до самого царя. Хочешь, мне поверь, хочешь, спроси у любого: отцу депеша пришла от царя-батюшки. Мол, правильно мыслите, эфенди, господин, то бишь. Ага, так и было написано царской рукой — эфенди... Правда, в те времена и к дворникам так обращались... Да, говорит, очень правильно мыслите, разъединение на хутора губительно для Российской империи. Для нашей страны не свойственен такой разобщённый частнособственнический уклад, особенно для татарских общин, издревле ведущих коллективный образ жизни. При первом же удобном случае доведу ваши суждения до предсовмина Столыпина Петра Аркадьевича. Это его вотчина, ему её и возделывать. Остальное решите на мирской сходке — так будет правильнее всего. А пока перепоручаю Казанскому губернатору вручить вам, господин хороший, медаль «За усердие». Вдобавок жалую к вверенным вам двенадцати с половиной десятинам земли ещё три, а также покосов, сколько сами пожелаете, а ещё несколько делянок в лесах возле Корноухово и Туллинки... Я, энем, очень хорошо помню ту медаль «За усердие». Её букву «i». На лицевой стороне красовались лавровая и дубовая ветви. А на тыльной — портрет Николая II... «Я возвращаю ваш портрет» — усы-борода, уши, нос — всё на своих местах... только вот шея, будто слегка подрублена у основания, как-то тревожно скошена. Такие вот дела, энем. А позже я узнал, что царю голову прострелили, прямо в лоб. У той медали тоже дырка была аккурат в императорском лбу: её мама в накосник приделала. Вперемешку с талерами, империялами, серебряными червонцами.

А ты знаешь хоть, что такое талер? Снаружи — золотой, внутри — серебряный. Знатная денга, не зря о ней в татарских песнях поётся.

По нынешним временам — миллион рублей! Много лет радовавшие своим мелодичным перезвоном наконники на сабантуях, скажем, или на различных поминках, со временем пообтрепались, многие монеты нечистые на руку алчные люди втихаря срезали. Заметив пропажу, мама спрятала её, медаль «За усердие». Если бы кто-то из комсюков увидел, что изображено на медали, вместе с косой выдрал бы. А медаль из белого золота отлита. Бывает и такое, называется.

Короче, хочешь сохранить вещь — спрячь от греха подальше и никому о ней не рассказывай. Если кто пронюхает, беды не миновать. Про то письмо, которое пришло отцу от царя-батюшки, тоже кто-то доложил куда положено. Знаю: ту губернаторскую почту фельдьегерь доставил на почтовой карете-двойке точно в срок. Это письмо... нет, депешу помню отчётливо, словно вчера было.

Не удивляйся моему сбивчивому и, возможно, неожиданному для тебя рассказу. Хотя у меня за плечами всего четыре класса образования, но кое-какие «эскизы муа» я знаю не хуже твоего. Ни одного нашего барана ихним «хенде хохом» из сарая не выгнать. Упрутся возле двери, и не выгонишь, хоть ты тресни. Ферштейн? Помню, сургучом то письмо было запечатано. Коричневым, блестящим. А про водяной знак коршуна с крестом, которым сплошь «изрисован» был конверт, тебе неизвестно, наверное... Известно? Ну да, такого не знать. Этот знак только на бумажных деньгах печатался. На трёшках, пятёрках, червонцах. Сотенных я, правду сказать, не видел. Но знаю, что они — размером с полотенце — хранились в стеклянной банке, свёрнутые в рулончики...

Всё это — и деньги, и письмо — большая находка для НКВД. Чтобы было чем отца попрекать. Давить его волю. Душу ему терзать. Мол, он даже с самим царём на связи был. С тем самым, Николашкой Вторым, кровопийцей и душегубом. Император Всея Руси же, самодержец, едрит. На горизонте лишь ненависть и вражда маячат. Столыпина убили. Полагаю, не те, кому приписывают, совершили убийство — не эти, как их, не эсэры. Это сам царь убил его их руками. Какому начальнику, будь то хоть сам царь, захочется терпеть подле себя человека

более умного... или более сумасбродного, чем он сам?

Один сказал же: «Нет человека — нет проблемы». Да, всё делалось в угоду немцам. Им же спокойный сон неведом, пока мы живём и здравствуем. Так вот, брадан.

Им постоянно война нужна. Как и нам же. Та война, с одной стороны — ихняя придурь, с другой — наша. Одним словом — хрен редьки не слаще. Оба молодцы. Не смогли обойтись без драки одуревшие на январском морозе псы. Что собака в собаку, что лягушка в лягушку вцепится — палкой не разобьёшь. А палка-то аккуратно по нам врезала... По мне, например. Два шайтана в одну баню не поместятся, говорят. Эти поместились. А? Мильён народу... людей... а им всё с рук сходит, как с гуся вода. Они, брадан, только порадовались тому, что смогли мильён человек истребить. Им любовь, свадьба-женитьба, рождение детей... не нужны были. Эти, едва придя к власти, обрекли народ на голод, вынудили трупами питаться, во как!..

В баню трактор загнать можно. Но танк в ней не поместится. Не влезет — и всё тут! Ну как ты будешь сечь эту громадину берёзовым или, скажем, дубовым веником? Особенно с веточками духмяной матрёшки — иван-чая. Нет, его таким методом не изведёшь, до смерти не захлещешь. А вот людей можно изморить голодом, как делали в суслонгерах да освенцимах... продал хлеб и прочий провиант на сторону... и затаился в бункере... водку хлещешь, баб насилуешь. А наш отец был свободным человеком. Угрызения совести его не терзали, стороной обошли. Даже оса жалит лишь того, кто сам на неё нападает. Вот и мы так же вышли против напавших на нас. Против безбожной обнаглевшей немчурь. И не по договору с пунктуальным «Лендорхозом», и не по приказу райкомов и райвоенкоматов. Против немца мы вышли не ради сытой жизни, а за ради свободы своей и независимости. Как нам совесть подсказывала, как честь диктовала. Со жгучим, тысячелетиями зревшим в наших глотках комом ненависти. За то, что нескошенными остались наши луга и несжатыми хлебные нивы, под надрывный аккомпанемент тальянки во весь голос распевая воинственные песни «Германская», «Порт-Артур», ещё дедами наши-

ми сочинённые, ушли мы из дому. Поищи у кого-нибудь подобные песни, брадан, — ни за что не найдёшь: где Германия и где Порт-Артур? Эти песни там, где татары. И нигде больше. Разве что на луне мы не побывали. В чём я, однако, зная нашу пронырливость, сильно сомневаюсь. Не буду сейчас петь этих песен. Неуместны они тут. Да и не быстрое это дело. Есть ещё много песен потрагичнее этих.

Ушли мы на войну, чтобы крепко стояли колыбельные крюки в матицах наших домов. Незыблемо. На века. Чтобы с цветущей в палисадниках перед нашими домами сирени осыли, шмели ли, пчёлы ли собрали нектар, а мы бы вдыхали этот аромат и пьянели. Но в один из дней на буйно цветущую сирень нападает зелёная нечисть — вонючий клоп и начинает высасывать у растения живительный сок. И ничем тут не помочь, способов известить клопа нет. Коли уж попал под гнёт, приходится терпеть. Но тот крюк, за который цепляют сучёную из лыка верёвку, притягивающую жердину гнёта, был в наших руках. И покинули мы отчие дома ради самого сладкого запаха в мире — пота вернувшихся с полей матерей наших, ради того, чтобы убедиться — слёзы наши по-прежнему солонны, а сердца полны отваги.

А дальше всё намного проще было: как в летнюю жару на полном скаку войти вместе с конём в воду. В Коране сказано же: того, кто пришёл, чтобы унижить твою жену, поработить твоих детей, убить тебя самого, убивай, не задумываясь. А во мне других желаний и не было. Но... В конце я скажу тебе, погоди... Разве можно не искупнуться в теплокровном Днепре, в студёной апрельской Шпрее, форсируя их?! В Волге, опять же... Под Сталинградом, брадан, не святая вода зям-зям текла. Правда, я не помню такого, чтобы руки в речке мыть или лицо родниковой водой ополаскивать. Надо тебе руки помыть — в танке полно керосина. «Напоишь» танк водой во время переправы — и но-о, лошадка, неси, родимая! Вдоль и поперёк Европы ихней.

Стоп, не спеши: почему же ихней-то, с какого перепугу? А? Как бы не так. Нашей. Татарской. Если клубок-то размотать, мы лишь вернули то, что прежде принадлежало Атилле. Знаешь такого? Знаю, что знаешь. Далее здесь

хозяйничал Чингисхан. Потом мы пришли, татары, ни пяди этой земли никогда никому не отдавали и сейчас не отдадим. Вот такая Европа, брадан. Нашенская и больше ничья. Земли наши необъятные, глазом не охватить. Широка ты, Волга-матушка, поют русские, необъятна ты, Идель, подпевают им татары... Как небо.

Но не для всяких там временщиков и самозванцев эти просторы, нечего им тут делать, не дадим им вековой порядок ломать... Прежде чем соваться к нам, пусть подумают, как уходить будут. Наутёк, галопом, спотыкаясь и падая. Для незваных «гостей» другого не дано. Супротив татарской мощи выходить не след. Им здесь царской казны не уготовано. Отцовского золота до сих пор никак не найдём. А ведь где-то припрятано оно. Понимаешь?.. Плесни-ка чуть-чуть... на толщину ножа. Что-то горло пересохло. Вот, молодец — хорошо пошла, зар-р-раза...

В общем, не на праздник я попал, брадан. Война — это тебе не Сабантуй. Напрямки пёр. Как в пахоту, когда первую борозду клал. Мне ведь лишнего не надо, но требовать от жизни меньше минимального тоже не по мне. Чтобы таких, как я, побитых, опять не пустили на саманные кирпичи. Впрягся я вместо отнятого в колхоз карего жеребца и начал перепахивать всё, что мешало мне вернуться к жене своей, к двум дочкам и сыну, к цветущей вишне и начинающим петь в середине мая соловьям, к родному аулу. Пока я там на войне «пахотой» занимался, сынок наш умер. Нет, не умер — погиб. Пока папка его там-сям ордена-медали собирал. Я так разумею: сын наш — герой тыла. Кто-то должен умереть во имя жизни остальных. Прав я? Даже если и ошибаюсь, не беда... Ничего не говори, энем, постой немного вот так, как сейчас стоишь. Да не топчись без нужды-то, траву попортишь...

Вверенный мне танк «КВ» — Климент Ворошилов — от моего трактора «ХТЗ» мало чем отличался — в общем, уздечку на него накинул, в седло вскочил и... поскакал. Мстить за всю ихнюю дурь. Я про немцев говорю: ох и дураки они, оказывается. Хотя с виду вроде бы грамотные, танки умеют хорошо водить. Но мозгов у них нет. Супротив нас попёрли они, видите ли. Покорить они собрались нас, видите

ли, землю нашу, на которую много раз до них покушались, но так ни разу и не покорили. Село наше, которое никогда ни перед кем головы не склоняло, завоевать они удумали. Если мы и преклоним головы, то, вероятно, только перед могилами предков наших. Предупреждаю тебя, категорически, слышишь? Ве-ро-ят-но. Заруби себе на носу...

Браток, что-то уж больно гладкий у меня рассказ получается, да... Как будто на войне я лишь сбрую поправлял да за построючками приглядывал, чтобы не перепутывались. Не больше и не меньше. Но мы с самого начала и до конца войны только и делали, что вытаскивали дрыны, попавшие в колёса телеги во время какого-нибудь похода или переправы. Обода наших телег глубоко вязли в грунте. Не мытьём, так катаньем, как говорится. Дело совсем в другом. Не в словах. Представляешь, с восхода до заката гоня технику по полям Большого Ошняка, пока керосин в баке не кончится, я не раздавил гусеницами ни одного гнезда жаворонка. Про сусличьи норы и не говорю. Чёрные тучи ласточек, а чуть позже скворцов, собирающихся улетать за тридевять земель, всегда были мне родными, западали в душу. И техника обо всём этом помнит. Если, случаем, сам об этом не забудешь.

Твой танк — это всего лишь межа, некий рубеж: твоя колыбель и одновременно твоя погибель. Хочешь ты этого или нет — это твоя могила на колёсах. Сидя в танке, о трудоднях не думаешь. Что такое трудодень на фронте — нуль, вернее, никчёмная палочка. Там понимаешь, что в родной стране ты стал невольным рабом, и даже хуже раба. Тех-то хотя бы кормили и поили. А мы, победители большой войны, вернувшись домой, ели болтушку из гнилой картошки, суп из топора да оладьи из лебеды, так вот, брадан! В тюрьме и то щи с борщом чередуют да по паре ломтей хлеба дают в придачу. Нам и этого не досталось. Хоть наши лбы и не испоганили клеймом, но для врагов своих мы и без клейма были хуже рабов. Для нас главным было — души позором не запятнать...

Мы со всеми старались быть радушными. Не только с друзьями — с врагами. Об этом, понятное дело, не думаешь. Надеваешь глубокие краги, впиваешься в рычаги поворота и,

дёргая то за один, то за другой, едешь вперёд. Шлемофон наглухо отделяет тебя от внешних звуков. В ушах временами слышится потрескивание то ли кузнечиков, то ли сверчков в бане или за нагретой печкой родного дома. А порой будто соловьи на сорок голосов запоют в цветущем вишнёвом саду. Да. На все эти звуки — в шлемофоне они или в твоей душе рождаются — внимания не обращаешь. Главное — зорко смотреть и действовать по обстановке. Без паники и метаний. Строго прямо к цели. Невзирая на жгучий пот, застилающий глаза. Вытираешь его рукавом и стреляешь, вытираешь и стреляешь, нагоняя в глаза немцев пыль и страх, погружая врага в панический ужас. А они ведь через кукурузное поле лезут на тебя, сволочи. Не подзревая, сколько из кукурузы можно силоса заготовить, не беря этого в расчёт. Эти тараканы со шмайсерами особого вреда моему танку не успевают причинить. Я так разогнался, что кидаемые ими гранаты отскакивают от брони и взрываются прямо под ногами немцев. Потому что мне нужно вернуться домой живым и невредимым. И правда на моей стороне, энем. У кого правда, у того и право, браток. А этих загнали к нам безо всякой правды. Пришлось объяснять, что почём.

Скрывать не стану, попадали и в мой танк снаряды. Из-за бугра. У них ведь тоже наводчики есть. Жуткое дело, я тебе скажу. Если хочешь живым остаться, должен успевать отводить технику на пару саженей вправо или влево от передаваемых наводчиками координат. Вперёд их сообщений. Я обычно делал резкие остановки во время атаки. Те же, видя мою скорость, упреждающими палят. А попробуй-ка упреди, когда цель непредсказуемо и резко останавливается! Ага. Наезжаешь на них напрямки, давишь и дальше едешь. Ну и мне тоже достаётся на орехи, чёрт побери. Очухаешься, пыль да гарь с себя отряхнёшь, оживаешь потихоньку. Если не убили тебя, конечно. Взяв на руки, обняв или потянув за воротник, пытаешься вытянуть наружу первого попавшегося товарища-сослуживца. То ли жив он, то ли того-этого — убит... Вытягиваешь... половина туловища внутри остаётся, а то, что снаружи, дымится и тлеет, как и ты сам. Тянешь его наружу, дёргаешь, волочишь — а тело,

обмякшее, грузное, из рук выскальзывает. Спешешь к другому бойцу. Не к верхнему люку, а к нижнему. Ему же тоже нужно домой вернуться. Угарный газ и пепел набились в глотку аж до самого желудка, ни отплеяться от него, ни проглотить. Преодолевая удушье, вылезает наружу и волочишь товарища к нашим. А пулемёт — стрекочет, не смолкая. Наш пулемёт. Чтобы не вздумали отступить. От врага можно уберечься, от наших — ни за что! Саранча. Саранча духа...

Трель пулемёта подобна песне разом затрепавших кузнечиков, которых мы слышим во время сенокоса, утирая пот во время коротких передышек. Видимо, такое ощущение из-за гудящего шлемофона. Какого шлемофона? Он давно уже в клочья разодран. Это просто в ушах шумит. От контузии. Чёрт его знает. В такие минуты в голове полная каша, ничего не понятно. Командир молчит, значит — убит. Так же бывает под водой или, например, когда случилось заходить в турбинный зал работающей во всю мощь сельской гидроэлектростанции: ощущение, что ты один на всём белом свете. Ты помнишь, может: для этой станции дубовые сваи заколачивали шестиручным деревянным молотом, на всю деревню слышать было. Небеса дрожали от этого грохота. Словно ардивизион начал палить залпом из всех пушек. Два дивизиона: и наш, и ихний. В такие минуты глоснешь напрочь. И мёртвого лейтенанта тянешь в нашу сторону и тянешь. Даже зная, что через некоторое время нарвёшься на наши заградотряды. Так вот: из правого нагрудного кармана его чёрного, промасленного, обтёртого, похожего на собачью шкуру, измочаленного, подпалённого, дымящегося, но не завшивевшего — танкисты и лётчики, про остальных не знаю, никогда не вшивеют — комбинезона достаёшь все документы и прячешь куда-нибудь подальше, в надёжное место. По-другому никак. Иначе как докажешь особисту или прокурору НКВД, каким-таким образом сумел выжить в горящем танке, когда весь экипаж погиб? А командирские ордена-медали свинчиваешь, отстёгиваешь и что есть силы разбрасываешь во все стороны. Чтобы врагу не достались...

К слову, энем: моих тоже не осталось, ни одного. Орденов-медалей. Один-единственный

крест уцелел — серебряный фашистский орден. Подальше своих я его запрятал. От злых глаз. У него и номер был... погоди, сейчас скажу. По памяти. Тысяча восемьсот пятнадцатый. Тридцать девятого года выпуска. За взятие Польши, наверное. Пионер, мать его, из первого призыва, видать, захватчик-то наш, и награду в числе первых получил. А она теперь вот у меня. Во время стремительного и безоглядного наступления на Кёнигсберг это было, солдатик немецкий прямо навстречу мне выскочил. Танк-то он подбил, конечно. А его серебряный орден у меня теперь. На войне же как — или ты, или тебя. А мне ведь домой нужно вернуться. И вернуть отобранные комсюками часы с серебряными шестерёнками и двухкилограммовыми гирями, отлитыми из чистого золота, — правда, снаружи они больше на медные походили. Ага, вернул. Когда сам вернулся. Только было оттопырил в кармане галифе указательный палец, намекая на пистолет, а милиционер, подкарауливавший меня у ворот, возьми да и выстрели в упор. Я потом пулю ему вернул, может, думаю, пригодится, когда зубы будет вставлять. А однажды на рассвете в окошко, что выходит в палисадник, в котором, если помнишь, брадан, куст сирени растёт, осторожно постучали, умоляли револьвер отдать. А что мне это огнестрельное оружие? Мусор. Я своё уже отстрелял, досыта наигрался. Да. Мягко выражаясь. Раз уж просят. Они же тоже люди...

Что-то я слишком в сторону ушёл, да. Ну так вот, ложишься ты под брюхо техники. Один. Но нет же — дорогу, по которой тебе домой возвращаться, обстреливают и обстреливают. В голове лишь одна мысль: руки согреть возле родной жаркой печки. Про другое не говорю, ты и сам прекрасно знаешь, где самое тёплое место находится... Но тогда — когда танк твой «Тигром» подбит, самое надёжное и тёплое место — только под его брюхом. Мотор-то цел, работает. Жаба как поступает? Под камешек прячется и лежит под ним, и никакие заморозки ей не страшны. Главное, лишнего не квакать. Ни одного долгоносика она в засаде не упустит, всех языком подберёт. Под камень-то вода не попадает. Вот так же и в подбитый танк больше никто не стреляет. У них ведь боеприпасы

тоже считанные. А твой танк из одного списка в другой благополучно перекочевал.

Война, брадан, это тебе не какой-нибудь там калхуз-малхуз. Подбили тебя — главное теперь, чтобы было на что тубетейку надевать. Говорю же: ползком ли, на карачках ли заползаешь под танк и вспоминаешь, как те злейшие враги ночью увели на верёвке корову, мирно перекатывающую свою жвачку в тёплом сарае. Корова коровой, конечно, но немецкий снайпер, гад, поставлен подчищать оставшихся в живых танкистов. А мне погибать — то не хочется. Хрен знает где, на чужбине. Могилам только на родине почёт и уважение. Я не оборванец какой-нибудь в чужой земле лежать. И что теперь, валяться в обгорелом комбинезоне под танком и ждать, пока тебя снайпер пришлёт? Мне домой нужно вернуться — в деревню. Я к этому снайперу в долю влез, что ли? С чего ему убивать меня? Из подхваченного возле танка ППШ вслепую выкосил я окрестность, пока патроны не закончились, сверху вниз, слева направо. Как выкашивал на лугах траву девятым номером косы. В таком огне не выживешь. Когда сумерки сгустились, я вылез из-под танка и пошёл посмотреть: правое плечо прострелил и в лоб, аккуратно между бровей засандалил. Снайперу. За такое орден полагается. Мне и дали. Позже. Деваться — то им некуда. Так стрелял, что даже на себя патрон не оставил. Потом опомнился, аж сердце похолодело. Намотай на ус, заруби на носу: последний патрон всегда должен оставаться в винтовке. Так же, как иголку нельзя оставлять без нитки.

Не оставил патрона, я сказал? Да он и не нужен был. Я же домой — в деревню должен вернуться. Бешеной собаке семь вёрст — не круг, говорят, ну и добрых псов это тоже касается. А в кино нас не показывают. Пытаются не показывать. А мы ведь, татары, знаешь, какой народ, — мы на Жигулёвских горах чингизхановского Субедей-багатура разбили. В наполеоновский Париж первыми верхом въехали, на макушке гитлеровского Рейхстага знамя водружать помогали. Каких бы бомб ни придумывали, энем, татарскую трансмиссию и инжектор им не одолеть. Не веришь, пойдешь расспроси у брынковских, авдеевских, ново-

сельских, брюховских, починковских. Правда, нет их, деревень — то этих. Выселки это были, так, без особых переживаний — страданий, они и расселились по разным местам. А жалко. Вместе веселее было. На Сабантуе, например. Ради общения можно было друг у друга козлят прикупить. Выставив «мерзавчик» для веселухи. Или сигарку сообща посмолить, тоже хорошо. Сейчас на тех землях рожь, пшеница да ячмень колышутся. На ветру. Хотя Зюзино стоит ещё. В этом селе базар работает, такие сёла не умирают. Если к тому же мечеть построена или церковь.

У нас же на одного ненормального пять дураков приходится. Один из них — я. Орден Славы двух степеней. Орден Боевого Красного Знамени, орден Великой Отечественной войны второй степени. Медали за взятие Кёнигсберга, Берлина, Праги. Медаль «За отвагу»... ничего не осталось. Украли. Может, кто-то и носит их на День Победы. Ладно, пусть носит, не жалко. Земля, она, брадан, круглая. Эти ордена не только мои. Через меня их всем вручили. И тем, кто в танке моём сгорел... Пусть крадут. Эта страна — воров и бандитов. Чтобы в ад попасть, тоже постараться надо, не одну пакость нужно совершить. Что хочу сказать: может, это дело рук тех, кто грязными ладонями сгрёб из нашего чистого ларя в своё ржавое ведро последнюю ржаную муку? Таких вообще никуда не впускают — даже в ад. Мы этих бесштаных голодранцев простили в душе. Они ведь даже лапти для себя сплести не умели. Это не вина их, а беда. Нам до них дела не было. Простить — то мы их простили, конечно. Но оправдания своим поступкам они от нас не дождутся, пока белый свет не померкнет. Никогда. Все поумирили уже. Только моя душа ещё теплится в дряхлом теле. Кто хочет — берите. Если понадобится невзначай.

Но я свою душу за понюшку табаку не отдам. Вон из каких краёв сумел вернуться — в своём доме живу теперь. Один. Меня теперь с двадцати пяти соток картофельного огорода можно только на три могильных аршина переселить. Трёхаршинная могила крепче колыбели будет. Вот так сказал я, да. Чёрт с чёртом, шайтан с шайтаном без драки не проживут. Думаешь, тракторист беззаботно дрыхнет, позабыв про

время «Ч». Сознание есть же. Глубокое. Наверное, такие расклады тебе непонятны. Потому что у вас врагов-то нет. Делить нечего. Где люди, которые понимали бы, что жаба под полком в бане тоже живая душа? Сейчас только автомат Калашникова в ходу. Стреляет. Направо-налево, вдоль и поперёк. Как Россия. Забыли, что такое берёзовый сок, вкус его и негромкую сладость. Про то, чтобы черемши нарвать да скушать, я и не говорю. Сам знаешь. Ежели мужик, как переходящий вымпел, пять раз от одной жены к другой переходит, то он для меня — пустое место. На таких мы в атаке или во время штурма керосин экономили, не брали с собой, мол, чеши отсюда, пока не наваляли. Потому что они не на смерть бились. Они смерти больше жизни боялись. А жизнь — она сейчас есть, а завтра нету. Наперёд не узнаешь ведь...

У тебя, брадан, как я вижу, чутьё отменное на всякие там события. Поэтому никогда не забывай, зачем американцы вторглись в Афганистан да Ирак. Это не наша война. Американцы — не вояки. И китайцы. Вьетнамцы хороши. Понял? Думаю, что понял. Наёмники, берущиеся за оружие ради благополучия семьи, — это не воины. Это убийцы. Кто кого, как говорится. Тут — я уже недавно сказал, нужно опередить того, кто хочет убить тебя. Хоть ненамного. Домой же надо вернуться. И вообще, на войне человек не другого человека убивает, а сам себя. Кто — спереди, кто — в спину. Сзади тоже наши — заградотряд...

Ты подкладывай землицы-то, не жалей. Кладбищенская земля без химии. Так ведь? Если

не согласен — скажи... Война, энем, она после войны начинается. Там — за жизнь, здесь — за выживание. Если есть два человека — войне конца не будет. А у меня законные шесть гектаров земли отобрали. Земли, доставшейся мне от предков. Мне сейчас уже всё равно: зубы, которые удила перекусывали, теперь только ржаной мякиш могут рассасывать. Меня запрягли да охомутили, и телесно, и духовно...

Я всех этих людей вычёркиваю из своей памяти. Труссы с носками постирать не могут, а людьми командуют, грабят их и унижают. Нитку в иголку вдеть не в состоянии, не то что оторвавшуюся пуговицу пришить. Хуже немчуры. Речи их бестолковы. Они нас оккупировали. Безо всякой войны. Без сражений, без поражений, без побед. Вон на День Победы тюк соломы возле моих ворот выгрузили. Это накануне лета. Кому она нужна сейчас? Корова-то наша на вольных хлебах, со стадом на лугах сочной весенней травкой объедается. А моя земля — в моей душе. Её никуда не унесёшь...

Подсыпь-ка перегноя. Это хороший берёзовый саженец. Будет расти. Должен расти. Берёза украшает могилу...

Вославим, говоришь. Йа иллахи илаллахи Мухаммадуррасулулах. Мы своё пожилы. Умереть вот только пока не получается. А вот эту могилу с берёзкой у меня уже не отберут. В ней — моя жена. Три аршина земли — это тебе не орден на кителе и не деньги в матрасе. В охалку не сгребёшь, на горбе не унесёшь. На саван карманов не шьют... ■

*Перевод с татарского языка
Наиля Ишмухаметова*

* Энем (тат.) — обращение к младшему по возрасту мужчине.

Родился 25 марта 1936 года в деревне Новые Чечкабы Буинского района Татарстана. Окончил историко-филологический факультет Казанского государственного университета (1960). Татарский поэт, публицист, заслуженный деятель искусств РТ, лауреат литературной премии Г. Исхаки. Автор тринадцати поэтических сборников на татарском языке. Известен и как переводчик на татарский язык произведений классиков казахской и каракалпакской литературы Абая, Ажинияза, современных поэтов. Почётный гражданин Буинского муниципального района.

Ахмет Рашид

«ОТСТРОИТЬ РУИНЫ НА ЦЕЛОЙ ПЛАНЕТЕ...»

В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ

Равилю Файзуллин

Взором – простора степей не объять.
Нам, издалёка приехавшим людям,
Всею душою отрадно принять
Грусть вековую средь нынешних буден.

Странными кажутся сказочный вид
И тишина неземная, густая.
О сокровенном степи говорит
Время – устами Абая, Тукая.

Тихо, но сколько вопросов с мольбой
Смотрят в глаза нам и просят: «Ответьте!..»
Словно должны мы исправить с тобой
Все неполадки на целой планете.

Мы – как пророки. (Ещё у кого
Искренни речи от слова до слова?)
В прошлом – с сегодняшним ищем родство,
В нынешнем – сходство с чертами былого.

А над Чингизовой близкой горой
Знойного марева льётся сиянье:
Знак небеса подают нам с тобой –
Рада душа совершенному знанью.

К родичам прибыли, самым родным, –
Грустно и радостно, сладко и горько:
Древней судьбою под солнцем одним
Связаны – да не безоблачной только.

Тихо, но сколько вопросов с мольбой
Смотрят в глаза нам и просят: «Ответьте!..»
Словно должны мы отстроить с тобой
Все-то руины на целой планете.

Перевод Сергея Малышева

НАЧАЛО БИОГРАФИИ

Не помню, как отец мой стал солдатом.
Не помню слёз,
восхода иль заката,
ни снега белого,
ни жёлтого листа,
подола матери, горбатого моста,
шинели серой и ремня, –
всё пронеслось навывлет
сквозь меня.
Забор упал – вот это помню я,
промчавшегося в ужасе коня.
Зима и лето.
Лето и зима.
И три угла военного письма.
Потом – победы гром на небесах.
Вино в бутылки. Ночь в глазах...
Мне дали огненный глоток.
Я гвозди взял и молоток
и тихо оглянулся на простор –
пошёл чинить поваленный забор...

Перевод Рустема Кутуя

ПОЭТ

Шальная комета на Солнце падёт –
И тотчас – магнитная буря.
Вот так и поэт настоящий живёт,
Печалюсь и температура.

Ведь сердце поэта – такой же огонь,
И это сравненье – недаром:
Вселенскую душу поэта затронь –
Она отзовется пожаром.

А нервы поэта – его инструмент:
На струнах незримого саза
И вьюги тревог, и ветра перемен
Становятся песнями сразу.

Не тычьте акына презрительно в грудь
За промысел давний и дальний:
Под небом Тукая он держит свой путь
К героям легенд и преданий.

Его ремесло незаметно, как свет,
Поэзия – это догадка.
Сверкнувшему Слову поклялся поэт
И верен ему без остатка.

Он – эхо народа, и сам он – народ,
Его воспеватель и вестник.
Нет смерти. Однажды от нас он уйдёт,
А мы сохраним его песни.

Перевод Галины Булатовой

ИДЁМ

Идём...
Идём...
Идём...
Вперёд, а может, вспять.
Куда? Мы не поймём, –
Идём, чтоб не стоять.
Забрезжит ли во мгле
Огонь в конце концов?
Блуждаем по земле,
Как дети без отцов.
Распалась связь времён –
Про что ещё забыть?
Вопрос почти решён –
Нам быть... или не быть?
Без веры – к морю бед
Потомков приведем.
Ужель пророка нет
В отечестве моём?
Идём...
Но боль никак
Не стихнет, жжёт огнём.
Пока толпой бродяг
Бредём...
Идём...
Идём...

Перевод Сергея Малышева

МОЯ ЛЮБОВЬ

Люблю!
И у судьбы прошу отныне
Лишь об одном:
Любовь да не покинет
Меня вовек... Ведь от её дыханья
В любимой пробуждается богиня!..

Река времён струилась бы устало,
Когда б любовь её не волновала...
Но есть любовь!
И для всего живого –
Река времён в любви берёт начало!

Свою любовь,
Как дар тысячелетий,
Оберегая от обид и сплетен,
В грядущее несу я сокровенно
Как лучшее наследье от наследий...

И это чувство не грешно,
А свято!
Его порывы усмирять не надо!
Не серебром, не золотом,
А любовью
Жизнь человека на земле богата!

Любимая моя,
Просты законы
Любви великой – светлой, разделённой:
Судьба – к судьбе,
Желание – к желанью,
Влюбленная рука – к руке влюблённой...

Перевод Александра Руденко

Рифат Салах

Родился 8 июля 1987 года в с. Новые Чечкабы Буинского района Татарстана. После окончания средней школы в родном селе, окончил юридический факультет Казанского государственного университета (2009). В студенческие же годы занимался в литературно-творческом кружке КГУ «Эллуки» и даже руководил этим сообществом. С 2005 года публикуется в республиканских газетах и журналах. Автор сборников стихотворений и поэм «Күңел бөртекләре» («Зёрнышки души», 2005), «Яшел ай» («Зелёная луна», 2009), «Ташта үскән гөлләр» («Цветы, выросшие на камнях», 2012). Член Союза писателей Республики Татарстан. В 2007 году изучал арабский язык в университете Тишрин г. Латакия. В 2011 году изучал турецкий язык в университете Гази г. Анкара. В 2013 году на съезде тюркских писателей в городе Бишкек удостоен премии Союза писателей Турции имени Намыка Кемаля. Работал редактором отдела татарской редакции в журнале «Идель-Идель», редактором отдела газеты «Шәһри Казан», руководил газетой КФУ «Дарелфөнүн» («Университет»), был руководителем пресс-центра Союза писателей РТ. С 2016 года работает специалистом редакторского отдела Детско-юношеской редакции и редакции специальных проектов Татарского книжного издательства.

«Я ЗНАЮ, ВСЁ БЫЛО ДРУГИМ ДО МЕНЯ...»

НЕНАСЫТНОМУ

Если доверху камнями – душа,
Если давишься бессчётным куском,
Значит, ангелы, печально кружа,
Сговорились и покинули дом.

Если мысли промелькнут без стыда,
Веру предков, мол, не ставь ни во грош,
Поклоняйся истуканам тогда,
Если идолов достойных найдёшь.

Поклоняйся золотому тельцу,
Лихоимству и вину – так верней,
Разве что-то помешает дельцу
В бренном мире, что короче трёх дней...

Для тебя же невозможного нет,
Ибо жадность и казна – твой кумир.
Пожелаешь покорить белый свет –
Только выйдет покорить тёмный мир!

...Но послушай лучше совесть свою
И в советчиках оставь только честь.
Если хочешь оказаться в раю –
Обуздай свои желания здесь!

КОГДА Я РОДИЛСЯ

Когда я родился, в тот день соловьи
Серебряно пели в садах на реке.
Когда я родился, шумела вдаль
Кудрявая роща в зелёном платке.

Когда я родился, колосья в полях
Уже наливались тяжёлым зерном,
И пили из лужицы возле крыльца
Скворцы, щеголяя зелёным пером.

И солнце, когда я родился на свет,
Стояло в зените, как в красном углу,
И донник с душицей, сомлев от жары,
Густым ароматом манили пчелу.

Когда я родился, ручей лепетал,
Искрился, прохладой луга веселя,
И в новом наряде – от ягод лесных –
Как дева, стыдливо алела земля.

Я знаю, всё было другим до меня,
Иначе откуда бы в мире взялись –
Когда бы в моей не родились душе –
Сто тысяч вселенных по имени жизнь.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Лето моё прекрасное,
Что с тобой!
Косы твои пожухли, поникла стать.
Если припомню пышность зелёных кос,
Только ли в памяти надобно их искать?

Лето моё прекрасное,
Что с тобой?
Снегом припорошило твои виски.
Перья макая в белую пустоту,
Тратятся дни и горько молчат листки.

Лето моё прекрасное,
Я грущу!
Ах, от какого пламени искру взять?
Вот по земле шагает уже весна,
Значит, должно и ты наступить опять!

Лето моё прекрасное,
Вновь надень
Златом и жемчугом вышитую тафью!
Буду любить, как прежде, тебя, пока
Медленно входит осень
В судьбу мою.

ДО ТВОЕГО ПОЯВЛЕНИЯ

Такой красавицы, как ты,
Не мог найти, поскольку тщетно
Искал прекрасные черты
На лицах девушек рассветных.

Я в темноте бродить устал
И заблудился среди терний,
Твои черты не распознал
На лицах девушек вечерних.

Весны не видел я весной,
Мне лето летом не казалось
До той поры, как, ангел мой,
Ты в сердце мне не постучалась!

Не прячь лица, как солнце лик
Порой за облаком скрывает!
Саднит душа, но – каждый миг –
Твоей любовью заживает.

ТОСКУЕШЬ, ГОВОРЯТ...

Ты плачешь... Все ветра тебе родня.
Мне говорят, тоска твоя безмерна...
С тех пор, как потеряла ты меня,
Не знают солнца дни твои, наверно.

Уже давно луной не освещён
Твой небосвод, и свет зари неярк.
А я брожу по миру всё ещё,
Чтоб солнца луч прислать тебе в подарок.

Твоя душа печалью спасена,
А мой огонь давно куда-то сгинул.
Ох, слишком рано я любовь познал,
И слишком рано я тебя покинул.

Зачем же я сжигал себя в огне,
Когда любовь – цветок, и не иначе?
...Под жёлтой шалью этих грустных дней,
Подобно розе, ты росую плачешь.

Откинь же шаль, любимая моя,
Попробуй снова в прошлое вернуться...
Эх, душенька... Но держит колея,
И с настоящим нам не разминуться...

ТЮРКСКИМ СОБРАТЬЯМ

Земных кровей, объявляя простор,
Душа у нас к высокому стремится.
Собратья – мы. Сойдя с Алтайских гор,
Ведём свой род от матери-волчицы.

Пусть в разных лицах мы воплощены,
Но общим сердцем славим наше имя!
Вскочив в седло,
решимости полны,
Быстрее ветра в будущее мчимся.

Несём в душе от матери любовь,
С огнём отцов храбрее всех на свете.
Едва услышав наших скакунов,
Скорей в берлогу прячутся медведи.

И затихают недруги кругом,
Сейчас они осмелятся едва ли...
Но вот беда:
распался общий дом –
Друг друга мы из виду потеряли.

Лети, надежда, в небо высоко,
Кому ещё доверено так много?
И вновь седлают тюрки рысаков –
Зовёт к мечте их долгая дорога!

РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Я спешу за рассветом, ища красоты –
Лишь полынь, да репейника заросль.
Мои алые, лучшие в мире цветы
Отцвели и вдали потерялись.

Там, где ягоды зрели, дорога пылит,
А вокруг только тени и тени.
Потерявшее родину сердце болит
И не может найти утешенья.

Где лекарство сыскать, чтобы боль одолеть? –
Сколько снадобий в мире – увы, но
Ни одно не спасёт от тоски по земле,
Куда капала кровь пуповины.

Переводы Галины Булатовой

Ренат Харис

ПОБЕДИТЕЛЬ

Поэма

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром...
М.Ю. Лермонтов. Бородино

«Извещение №91 от 3 марта 1944 года.

Ваш сын – красноармеец Ахметзянов Мирзагабдулла Харисович – уроженец Буинского района деревни Чирки-Коцаково – в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 1 февраля 1944 года. Похоронен в деревне Кошкино Кингисеппского района Ленинградской обл.

Подполковник Дроздов».

— Поведай, дядя, как погиб; а мы в застолье, где печаль в улыбке мая, послушаем тебя... И речь живая взволнует вновь нам души и умы. Мы знаем всё! Но каждый сын и внук из уст твоих пускай про то услышит. Не скромничай... Ведь ты, считай, что свыше пришёл увидеть лиц родимый круг!

— Как я погиб?.. Ты слеп, что ль? Я – живой, роскошный торт, смотри-ка, потребляю... Гостинцы вот... Жена прислала к чаю. Сама же вся в заботах день-деньской... Ну, нет... пора пришла избавиться от них,

овец, коровы... Это же неволя!
Как тот боец – пример! – на грозном поле...
Чеку он выдернул, а отпустить на миг...
Судьба сельчанина, считай, судьба коня.
Повыбились из сил, вздохнёшь порою...
Сосед уехал в город, что-то строит...
Сказал: «Страдай, деревня, без меня!..»
Домой из лавки носит он еду...
А письма всё короче раз от раза...
А к нам асфальт ведут... И будем с газом.
Как видно, счастье наше – ждёт нас тут.

Моя же «смерть» легка была, считай...
Гоня врага огнём от Ленинграда,

сражён осколком я у края сада –
вот так и умер, будто невзначай...
Легли в могиле братским строем мы...
Эх, не успел я даже помолиться!
А похоронка с горестной страницей
дошла не сразу до заснеженной Казмы.
Отец к соседям заглянул, а мать
ведро с водой студёной поднимала...
Услышала... Ведро на дно упало,
а мать – без памяти на ледяную гладь...
Бумагу – вишь? – я плёнкой обернул, –
читать легко и нету ей износа...
Раз День Победы, то не вешай нося.
Ренат, сыграй, чтоб в пляс пустился стул!
А впрочем, пляс оставим на потом,
а лучше песни долгие затынем,
они светлы, но мы-то сердцем знаем,
что грусть их лёгоньким присыпала снежком.

Приходят и уходят времена,
а песням – светлая печаль верна.

А долго ли я телом стыл во тьме
без духа отлетевшего, не знаю...
Открыл глаза. Смотрю, не понимаю:
Я – мёртв?.. Я – жив?.. В своём ли я уме?..
Стоял февраль, холодный и сырой,
в тумане зыбком вязли, глохли звуки...
И кто-то взял, схватил меня за руки
и закричал кому-то: «Он живой!»
От боли взвыл я... А спаситель мой
вносил свою жаркой кровью плату:
осколок вмиг нанёс удар солдату,
но выжил он... А я – гляди! – живой.
Застряли два осколка вот во мне.
Теперь хожу, считай, в железном шлеме,
который не сниму в любое время.
Ну, что ж, и пусть... Металл давно в цене.
Обогащается железом крепко кровь...
А то, что самолётом не летаю...
Пищат магниты бдительные – знаю.
Ох, эта душу унижающая новь!
Подумаешь, что волен, смел, крылат,
но чудо-двери мигом опозорят:
придёт охрана с холодком во взоре,
разденет до гола... А я ж – солдат!
Так вот о том... Я не был погребён.
Очнулся я на госпитальной койке.
А через месяц память стала стойкой,

я вспомнил имя, понял, что спасён.
А похоронку поезда везли –
то в Вологду, то в глубину Сибири...
Гремело радио... Светлело в мире...
Светлело в сердце – там цветы цвели.
А госпиталь – театр... А то, считай,
театра настоящего похлеще:
артистов – море, и такие вещи
услышишь, хоть от смеха помирай.
Вон тот – по пояс в белый гипс одёт,
одна рука торчит кривой оглоблей,
другая занята искусной ловлей,
упорно ловит чудный звёздный свет,
а, может, и небесную звезду...
Её он не достал. Какие дали!..
Солдату дали орден да медали –
за переправу, «языков» и высоту.
А до того, как в гипс одеть его,
хирург извлёк немаленький осколок;
такой красивый; был бы милой дорог,
как брошь; но весь – в его крови живой!

Чуваш, мой друг, письмишко написал,
чтоб знали дорогие сердцу люди:
«Ваш сын Мирза живой... и скоро будет...»
Да только адрес мой не указал.

Дошло, дошло его известье до Казмы.
Конец апреля... Вечер... По соседям
Бежал отец... «Мирза живой... Приедет!..
А мы-то... сколько убивались мы!»
Казма – а в ней за сотенку домов –
десятки раз и день и рочь рыдала;
один другого утешал немало...
А кто Казму утешить был готов?
Ушли на фронт сто тридцать молодцов,
а многие ль вернулись с поля брани?..
Победа песнь свою сейчас затынет,
а много ль подпоют
в Казме ей голосов?
Всего лишь три... Да и домов теперь
десятков шесть; деревня – убывает.
Солдаты к братьям павшим отбывают,
и ветерок с полей захлопывает дверь...

...До этих смутных перетрясок, перестроек
успел я в Кингисеппе побывать
и у своей могилы постоять,
и постоять перед бывшим солдатским строем.

И на гранит, где имя есть моё,
 ложилась с плачем тень моя печально,
 и тут её окликнул голос дальний:
 «Скажи-ка, каково
 сейчас в стране житьё?
 В почёте ль вдовы?... Дети как живут?»
 Попробуй, не кривя душой, ответить...
 Унёс я тень свою на тёплый ветер,
 цветы ж мои остались зябнуть тут...

А как-то прибыл к нам учёный человек...
 Осколок дал ему листообразный,
 сказал, проверь-ка, брат, его, заразу,
 всё нипочём ему – ни ржа, ни долгий век!
 Металл ли благородный... Не пойму никак.
 Коль ценный он, сваргань мне брошку, что ли...
 И вот письмо... Я застонал от боли.
 Осколок-то – «родной» ведь мне, земляк!
 Жена влила силком мне в рот валокордин...
 Ах, Нурия!.. И громко мне сказала:
 «О войнах без ошибок не слыхала!
 А бомба знала, чей ты гражданин.
 Была б немецкой – разве б жить тебе?
 А наша – пожалела, дуралея...
 А так-то – я с тобой, тебя жалею...
 Пускай твоей завидуют судьбе».

И я сказал жене: «Поедем-ка туда...»
 «А как же овцы, стельная корова?..»
 Как видно, быть с хозяйством мне до гроба;
 летят да щёлкают на счётчике года...
 Вот-вот Победы нашей громкий юбилей;
 фронтовиков в Казме всего-то трое...
 Без телефонов... Это же герои!..
 Скажи, как разобраться с этим поскорей?
 Для счастья много надо ли? Чуть-чуть совсем:
 дорогу протянули до мечети;
 к родителям легко приедут дети;
 коль не обманут, то наступит в Казме рай!
 Живи себе, живи, как можешь долго...
 А может, захотим другого толка?
 Ещё, ещё нам благ побольше подавай.

...Не суждено, однако, было дяде стать
 главой застолья в яркий День Победы...
 Не устоял – не те уж были лета, –
 пришлось позиции в бою последнем сдать.
 А он-то чуял, чуял свой последний час,
 всех посетил родных и попрощался,
 В речах ещё героем он казался,
 но не было уже того сиянья глаз...
 Заторопился в Казму, мол, пора, пора,
 тоскую, мол, по овцам и корове...
 Душа зарницу – алее крови –
 июньским утром вознеслась к иным мирам.
 Осталось только серое перо, оно,
 прозрачно обёрнутое плёнкой,
 хранится в сундуке – старинном, звонком –
 там драгоценное хранить заведено...

Родился 13 августа 1960 г. в д. Большое Тябердино Кайбицкого района Татарской республики (50 км от Буинска). Отец – комбайнёр, мать – фельдшер. Родной язык – татарский. Окончил Ульяновское высшее военно-командное училище связи им. Г.К. Орджоникидзе (1981). Служил в ВС до 1997 г., майор. Работал на железной дороге связистом, был директором офиса консалтинговой компании. В настоящее время – инженер-конструктор. Автор небольшой книжечки «Посвящения», вышедшей в 2004 году под псевдонимом Т.Я. Бердинский и получившей одобрение видного казанского писателя и переводчика Рустема Кутуя. Публикуется впервые.

Юрий Смирнов

«ОСЕННИЙ ПАРК – ИНОЕ СУЩЕСТВО...»

Под зеленью отважных тополей,
В имперской части суетной Казани
Лежит прохлада осени, по ней
Снуют прохожие, машины. Ранний

День зарастает облачною тинной
В источнике чуть греющего света,
И в воздухе незримой паутиной
Висит прощанье с бабьим летом.

Базар порезан рельсами, живит
Его Восток, как пень – опята,
Кругом влиянье Запада лежит,
Похожее на Дрезден в сорок пятом.

Из фауны преобладают люди,
Но есть бомжи, собаки, богачи,
Присутствуют и кошки, и грачи –
Все варятся в витальном блюде...

Кто мы с тобой? На празднике убогих
Зачем ступаем Царскими полями?
Чтобы дарить, в отличие от многих,
Тепло души друг другу вечерами.

МЕДЛЕННЫЙ ГАВОТ

Как заката с облаками
Чуден медленный поток,
И настойчиво из камня
Прорастающий цветок,

Так и медленно, с годами
Приходящее ко мне
Исполнение гаданий
Из медлительности вне.

Из замедленности жеста,
Повторяющихся снов,
Возвращающих на место
Радость говоренья слов,

Радость долгих узнаваний,
Прелесть трепетной игры
Двух замедленных желаний,
Осторожных до поры.

Ожиданье бесконечных
Дней, что медленны, светлы,
Как растянутый навечно
Миг вхождения стрелы.

Осенний парк – иное существо.
Оно, свободное от буйства хлорофилла,
Вступает внутрь нас легко и мило,
Как мы в аллеях заходим естество.

Там, в глубине, в сплетении годов,
В спокойствии скамей исповедальных
Оно касается в души отрогах дальних
Затерянных людей и городов.

Когда ж по павшим шествуем листьям,
Оно ушедшего нашёптывает суть нам
И водит тишиной по нашим судьбам,
Как мы проводим взглядом по ветвям.

О, друг друидов! Мудростью веков
Воспитанный в спокойном созерцании,
Ты мог бы научить глядеть сердцами
И отрешить от будничных оков.

Но мы уйдём. И не заметим мы,
Что это старый парк на самом деле
Уходит прочь от нас в свои пределы,
Готовясь к встрече с таинством зимы.

Шараф Мударрис

Шараф Мударрис (Шараф Хасиятуллович Мударрисов, 1919–1963) – известный татарский поэт и переводчик. Родился 1 ноября 1919 года в деревне Нижняя Каракитя Дрожжановского района ТАССР (в 60-е годы прошлого века это был Буинский район). С 1935 по 1941 год учился в Казанском педагогическом институте, в 1956 году заочно окончил Литературный институт имени М. Горького в Москве. Участник Великой Отечественной войны. Награждён боевыми медалями. Автор многочисленных поэтических сборников: «Когда я рос» (1937), «Артиллерист Вагап» (1944), «Зелёная лента» (1952), «Красная Площадь» (1955), «Сила жизни» (1957), «Сердца друзей» (1963). Активно занимался переводом на татарский язык шедевров мировой литературы. Перевёл с чувашского поэму К.В. Иванова «Нарспи», с немецкого – стихи Г. Гейне, с английского – лирические сочинения Д.Г. Байрона и П.Б. Шелли. Переводил также произведения русских и украинских классиков (А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, Т.Г. Шевченко). Особая заслуга писателя заключается в том, что он впервые осуществил полный перевод на татарский язык сонетов У. Шекспира (с языка оригинала). О собственном его сонетном творчестве знают мало (даже в татарской среде не сразу вспомнят об этой грани его наследия). Представленные сонеты даны в переводах Рината Бекметова. Публикуются впервые.

«ЛИШЬ СТОИТ ОБ ЭТОМ ПОДУМАТЬ...»

Удар колокольный... и стукнуло мне тридцать пять.
О, где же ты, детство, заря моей жизни беспутной?
И много ль осталось? Ведь время не движется вспять.
Лишь стоит об этом подумать – и жить неуютно.

Как труден был путь мой и первый решительный шаг!
И лодка судьбы колыхалась, плывя по течению.
Покроется пылью мой труд, обернувшийся в прах,
Лишь стоит об этом подумать – и вновь сожаленье...

Я молотом сталь не ковал, не работал серпом,
Я пел как поэт – неумело, быть может, небрежно.
И надо ли песней гордиться – поплёкшим венцом?
Лишь стоит об этом подумать – и всё безнадежно...

О брэнном помыслив, от грусти напрасно бегу,
Себя от неё отвратить я никак не могу.

День тёплый на редкость. Для нас он ещё и особый!
Из загса мы вместе под руку неспешно идём...
Как трудно нам выразить чувства! Они бесподобны:
Смеемся и шутим, грустим и хохочем вдвоём.

Ты – сердце моё. На земле без тебя невозможно!
Сегодня возникла семья как начало начал.
Кто знает, велит ли теперь нам обычай несложный
Посуду позвонче поставить и бросить бокал?

Любимая, чувствую я, что в такую минуту
Тепло очага сохранить, уберечься от смуты
Поможет ребёнок, которого мы обретём.

Венком мы сплели, о красавица, общие узы,
Простую судьбу заложив этим солнечным днём:
До ста десяти дотянуть без душевного груза!

Переводы Рината Бекметова

Родился в Казани 16 апреля 1975 года. Окончил Казанский университет (факультет филологии). Доктор филологических наук, доцент КФУ. Автор более 150 публикаций, посвящённых преимущественно русской поэзии XVIII–XXI веков. Лауреат литературных премий «Эврика» (2008), «Антология» (2011), «Белла» (2016), «Книга года» (2017). Публиковался в изданиях «Октябрь», «Арион», «Новый мир», «Вопросы литературы». Автор книги стихов «Пока/Ещё» (М.: ОГИ, 2017). Живёт в Казани.

Артём Скворцов

«ЖИЗНЬ УДАЛАСЬ, А МЫ, ПОХОЖЕ, НЕТ»

ДЕРЕВО НА КРЫШЕ

Вполне свежо. Не более чем ждёшь.
 Прошёл сквозь чернозём последний дождь.
 С ветвей пооблетела позолота.
 Броженья нет у пригородных касс.
 Клин «мигов» потянулся на Кавказ.
 Народ переженился по залёту.

Жизнь удалась, а мы, похоже, нет.
 Ну надо же, какой большой секрет!
 И много там у вас ещё такого?
 Отметим, сердце намертво скрепя, –
 так мало тех, кто не изжил себя,
 и заживо в былое не закован.

Взгляни в окно: на крыше – чёрный ствол.
 Один как перст, беспочвен, прям и гол,
 он собственной уже худее тени.
 И дом на слом, и дерево в щепу –
 ан нет: стоит. И длит свою тщету.
 И в смерти выше будущих рождений.

СТАРЫЙ СУНДУК

Старый сундук в парадном подъезде
 старого дома – весь в чешуе
 облупившейся краски, слой из-под слоя
 глядит, и замок заржавелый открыт.

Старый сундук, он давно всеобщ,
 прежде жильцы в нём держали утварь,
 вещи, впитавшие дух нафталина,
 в трудные годы морковь с картошкой.

Старый сундук, он был местом свиданий
 мышей, грызущих запасы, кошек,
 ловающих мышей, и бесприютных
 пар, оглашающих стенами ночь.

Старый сундук, в нём однажды благим
 матом орал на весь дом подкидыш,
 позже там ложе устроил бомж,
 тот, что по смерти пах, как и в жизни.

Старый сундук, он был пуст, пока
 я не вложил в него стопку учебников,
 взятых со свалки, по языку
 и литературе – кто знает, а вдруг...

На последнем пустом этаже
 новейшего торгового центра
 под сводом прозрачного купола
 порхает малыш-воробей.

Не растерян и не встревожен,
 чирикает старую песенку
 над постоянным течением
 густого людского потока.

Корм его – крошки сэндвичей,
 питьё – из фонтана – с хлором.

В этом месте злачном вечно
 усреднённая температура,
 нет ни собак, ни кошек,
 ни конкурентов-собратьев.

Он не помнит, сколько он тут,
 однажды его найдёт сторож
 на зеркально гладком полу
 среди бела дня ночи.

НАБИЕВ Рустам Фанисович – доктор исторических наук, профессор кафедры Государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД РФ;

МИФТАХОВ Ильдар Зуфарович – помощник начальника Казанского юридического института МВД РФ по международному сотрудничеству.

БОРЬБА ИДЕОЛОГИЙ В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ

Древние представляли, что над полем боя воюют духи — души предков, валькирии, полубоги. Примерно так же над любой войной сплетаются и противоборствуют идеи и религиозные учения. Пропагандисты обеих сторон стремились разрушить моральные устои и мифы противника.

На начальном этапе Сталинградской битвы (июль-август 1942 г.) противостояния пропагандистских систем практически не было. Немецкие войска стремительно наступали, обгоняя отходящие советские части. Закалённый в боях солдат Вермахта давно прошёл «порог чувствительности», характерный для нормального человека, верил в «гений фюрера», превосходство германской расы и армии по отношению к недочеловекам. Бытовые условия солдат Вермахта были весьма неплохие (лучше, чем у советского младшего офицера).

Немецкий солдат был невосприимчив к нашему стилю пропаганды и совершенно равнодушен к идеям классовой борьбы, пролетарского интернационализма. К тому же основная масса солдат обладала профессионально деформированной психикой и мировоззрением. Сотрудники советских похоронных команд сообщали, что почти у всех убитых немецких солдат в карманах были фотографии с убийствами и издевательствами над людьми. Статус «сверхчеловека» поддерживался на всей территории Рейха, и молодёжь давно привыкла к тому, что встречный еврей стягивал шляпу за 100 метров, увидев немецкого солдата.

В августе 42-го передовыми немецкими танковыми частями был достигнут желаемый рубеж (Волга), и в это же время газета «Фель-

кишер беобахтер» («Völkischer Beobachter») разместила футуристическую статью о жизни немецкого помещика, бывшего солдата, который в 50-х годах отдыхает в своём фольварке на берегу Волги, попивая кофе в лучах заката и вспоминая былые подвиги.

Советские воины не раз отмечали пьяные атаки немцев, которые бесстрашно шли даже в штыковую (дело в том, что русская штыковая атака при равных условиях обычно заканчивалась трагически для противника). Отгадку смелости немцев раскрыли уже в наше время: при порицании употребления спиртного, фронтовиков активно снабжали наркотиками типа первитин.

Главными аргументами советской пропаганды для немецких солдат и офицеров стали исторические примеры и очевидные обстоятельства: все военные авторитеты Германии (Бисмарк, Клаузевиц и др.) высказывались против войны с Россией; на Восточном фронте высока вероятность погибнуть, и невозможно избежать ранения или контузии; приближение зимы; открытие союзниками «второго фронта».

Если в июле-августе 42-го войска продвигались до 40 км в день, то в сентябре-октябре в самом городе продвижение на 100 метров считалось большой удачей. Ожесточение боёв нарастало, солдаты противника взаимно уничтожались вместе с домами, которые они защищали. Город превращался в многослойное кладбище. Росли потери Вермахта, а вместе с ними и уважение к противнику.

Именно здесь, на передовой, когда уже нечего бояться, солдат признавался себе, действитель-

но ли он готов умереть за политический триумф Шикльгрубера или богатства Шахта и Круппа. Статистику потерь видел воочию каждый солдат, и на это была направлена наша пропаганда: «Ты будешь убит или станешь инвалидом, а твоя жена гуляет в тылу со снабженцами или офицерами СС». На фоне известной половой свободы немецких женщин и особых законов по сохранению чистоты расы этот посыл был действенен.

В связи с культом фюрера в Германии одним из основных объектов для идеологических атак был Адольф Гитлер. Отношение к нему среди солдат порой напоминало почитание национального святого. Для разрушения внешнего образа привлекались лучшие силы: карикатуры группы художников «Жукрыниксы» обладали большой действенностью.

Оказывало влияние на психику и фанатическое упорство «русских» в боях. Ночью для немецких частей начинался кошмар: в небе царил советская «малая авиация», штурмовые и диверсионные группы армии Чуйкова в разных местах атаковали опорные пункты, отбивая позиции, потерянные днём. Немецкие солдаты, ранее воевавшие по распорядку, теперь не могли расслабиться ни на час. Глубокий невроз солдат и офицеров стал типичным явлением на передовой.

В первой половине ноября 1942 г. было предпринято последнее мощное наступление, 17 ноября Гитлер ещё нацеливает войска на последний рывок в районе заводов, а 19 ноября уже многие поняли, что победы не будет, и, скорее всего, придётся отступить по морозу в летней форме.

Изменилось коренным образом и звуковое сопровождение. С первых дней войны авиация была единственным родом войск, в котором немцы обладали неоспоримым преимуществом. В значительной мере именно она и обеспечивала Вермахту победы на земле. После 19 ноября 1942 г. в небе над городом самолёты с крестами летать перестали. Для наземных войск тихое небо стало сильным деморализующим фактором.

Пленные признавались, что самое тяжёлое воздействие на них оказывала фраза, которая

повторялась круглосуточно многие недели. На фоне наступившей тишины громкоговорители спокойно и мрачно твердили: «Stalingrad — Massengrab» («Сталинград — братская могила»). По свидетельству пленных, в сочетании со стуком метронома и упоминанием гибели немца каждые 7 секунд, эта фраза, как китайская пытка водой, сводила с ума. Рифма ранее обыгрывалась немецкой пропагандой: «Stalingrad er tatt» («Сталинград плачет»). Теперь она играла уже в обратную сторону.

В речи по поводу 10-й годовщины прихода к власти нацистов, произнесённой им 30 января 1943 года, Геббельс стал восхвалять «великие жертвы героев», принесённые солдатами под Сталинградом. На самом деле, устойчивость обороны на восточном фланге кольца (на территории города) была обусловлена в основном страхом. Это не только боязнь возмездия, но и боязнь СС. После окружения эсэсовцы стреляли в немецких солдат, пытавшихся сдаться в плен.

Обращение маршала Г. Жукова к окружённым, которое он подписал лично, гарантируя достойное отношение, произвело на них большое впечатление. Также Жуков подписал инструкцию для своих войск, в которой обязал их действовать в соответствии с Женевской конвенцией об обращении с военнопленными. Реакция была довольно быстрой — поток пленных возрос. Для тех, кто смог выжить и дойти до стационарных концлагерей, стало шоком добросовестное отношение к ним персонала. Идеино воспитанный, обслуживающий персонал лагерей шёл на реальные жертвы и риски для излечения и перевоспитания бывших врагов. При этом медсёстры, помогая больным, нередко сами заражались и умирали (например, в Елабуге). Военнопленные, оказавшиеся способными оценить подобное отношение, впоследствии стали гражданской опорой демократическим преобразованиям новой Германии.

Сегодня тема Сталинградской битвы остаётся важнейшим аргументом в политических дискурсах с немцами. Многие там осознают, что завершение войны в 1943 году спасло бы жизни многих миллионов людей по обе стороны фронта, а Германию — от разрушения и унижений. ■

**Миясат
Муслимова**

Миясат Шейховна Муслимова (псевдоним – Марьян Шейхова) родилась 31 декабря 1960 года в селении Убра Лакского района. В 1982-м окончила филологический факультет, в 1999-м – юридический факультет ДГУ. Профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Дагестанского государственного университета. Заслуженный учитель Республики Дагестан, Почётный работник высшего профессионального образования РФ. Действительный государственный советник Республики Дагестан I класса. Поэт, переводчик, литературный критик. Член Союза журналистов РФ, номинант Всероссийского конкурса имени А. Сахарова «За журналистику как поступок». Лауреат премии Союза журналистов РД «Золотой орёл» в номинации «Защита прав человека». Лауреат премии «Золотое перо России».

Член Союза российских писателей. Председатель Дагестанского отделения Союза российских писателей. Лауреат литературной премии имени Расула Гамзатова. Лауреат литературных премий им. М. Волошина в номинации журнала «День и ночь», всероссийской премии «Поэт года-2013», дипломант международного литературного конкурса «Русский стиль» (Германия, 2013). Автор сборника публицистики «Испытание свободой» и поэтических сборников «Диалоги с Данте», «Ангелы во крови», «Ангел на кончике кисти», «Наедине с морем», «Камни моей родины», «За словом, за дыханьем, за любовью», «Мамины сны». Автор книги переводов лакского эпоса «Парту-Патима» на русский язык (серия «Величие души»).

ЭТО ТВОЁ МАКОНДО

В ГОЦАТЛЕ

Где водой называют виденья ветвей
Над утопленным вскриком садов Ирганая,
Опалил мои думы седой суховей,
Табуны облаков между гор погоняя.

Где землёй называют сплетенье корней
Под скалистой твердыней от края до края,
Я споткнулась в Гоцатле о сорок камней,
Чревоземную глину в ладонь собирая.

Там, где право на жизнь для её сыновей
Надо вырвать у скал, смерть рождением карая,
Я к семи родникам неостывших кровей
Поднимала ладони отцовского рая.

Проступали на них не мои письма,
Три имама молчали под гнётом плотины...
Унцукуль и Гоцатль...

Цепенеет вина,
Укрываясь от гор в рукотворных руинах.

В ПЕРЕДЕЛКИНО

И буду я жить в заповедном лесу,
Где кроны деревьев хмелеют от неба,
Где обморок листьев краюшкой хлеба
Полночные ветры хранят на весу,
Где косо летят за окном дерева,
Где листья ладоней гонимы дождями,
Где россыпью песни слагает листва,
И влажное эхо скорбит под ногами...

И буду я жить в заповедном лесу,
Где дом деревянный молчит, словно скрипка,
и ворохом дней чёрно-белые снимки
проводят под жизнью свою полосу,
где рамы темнеют в крестах у окна
и рёбра заборов источены днями,
где щедрость ладоней земле отдана,
чтоб росы цветов захлебнулись дождями...

И буду я жить в заповедном лесу,
И, стоном берёз утопая в багровом,
Качаясь под ветром, молить Его снова
Вернуть унесённое памятью Слово
И пить его горечь, как солнце – росу...

ПОЙДЁМ СО МНОЙ

Пойдём со мной за керосином с бидоном, мятым от забот,
Где день в обличье страусином блуждает в стойбище дремот,
И где старьёвщик бессловесный везёт на кляче чудеса,
Где у сестры по пояс хищно скользит тяжёлая коса.

Пойдём со мной за хлебом в лавку, где в щели падает пятак,
Где подгорелых крошек тайну смахнуть легко за просто так,
И где колодезные краны в тени акаций льют восторг
И ночь, хмельная от рассветов, ведёт со сном привычный торг.

Пойдём со мной за молоком к фургонам жёлтым за углом,
Где крайний лучше, чем последний, где прямо лучше, чем кругом,
И где от мам и от старушек перепадёт опять тепло,
Где время струйкой пересудов в бидон молочный утекло.

Там копать лампы по стене тенями вечером метнётся,
И брат драчливый горемычно во сне калачиком свернётся,
И под роскошеством лоскутным цветных заплаток одеяла
Я погружаюсь в междустрочье наивных красок идеала.

Пойдём со мной за горизонт, огня добавляют в ночь закаты,
Войдём в поля, чтобы в ладонях хранить всё то, чем мы богаты,
Чтоб млечный путь под грудью неба хранить над спящим малышом,
Чтоб каждый вечностью, как прошлым, был безвозвратно обожжён.

НЕ МОЛИТВА

Сначала я отдала мир, в котором нет меня,
и осталась у моря, чтобы ловить брызги снов.
Когда солёные капли ночевали в моих глазах,
они думали, что я им снуюсь.

Потом я отдала любовь, пока её не забрали,
и назвала твоим именем море, чтобы слушать его.
Когда волны выбросили меня на берег,
они думали, что у меня нет крыльев.

Потом я отдала им море, чтобы вспоминать о нём,
а соль притаилась в трещинах памяти,
чтобы я забыла о жажде.
И я написала стихотворение

Теперь мне его некуда спрятать.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Теснины скал и пропасти ущелий
В воронку небо втягивают. Дым
Плывёт над цепью горных ожерелий,
Их укрывая саваном седым.

Какая тишина – как перед взрывом...
Нет ни души... Покинутый Кавказ?
В смятении травы, в ярости обрывы –
И в гневе камни, словно ждут приказ.

Так посыпают пеплом злую участь,
Но что тому причиной, отчий дом?
Твоей тоской и горечью измучась,
В плену воспоминаний о былом,

О дне сегодняшнем, – я поняла не сразу,
В чём тишины израненной ответ:
Ни в городах, ни в сёлах на Кавказе –
Нигде нет горцев и кавказцев нет.

Где юноши, рождённые для славы?
Где львиный дух? Где гордые сердца,
Рождённые природой величавой
И замыслом великого Творца?

Где верность духу предков и отцов?
Где рыцарство, хранимое Кавказом?
Где дух огня и разум мудрецов,
Где сыновья, куда исчезли разом?

...Что вечности ответить? Не понять,
Как рвут сегодня цепь тысячелетий.
Кавказ ушёл в Аравию менять
Свою свободу на чужие сети.

Он отказался от своих корней,
Породу рыцарей меняя на гаремы:
То ли араб изнеженных кровей,
То ли безродный сын и раб измены.

Намеренья благие в ад ведут –
Создатель спросит: «Создал вас иными»
И горы ждут, предчувствуя беду, –
Мы живы до тех пор, пока мы с ними.

ПРИМИ МЕНЯ

Прими меня – опять в последний раз,
Прости за возвращенье и за робость.
Себя леплю из подаянья фраз,
Боясь в тебя сорваться, словно в пропасть.

Перед тобой чиста или пуста,
Я с ужасом рожденья вновь смиряюсь.
Какое счастье – с чистого листа
Писать стихи, пусть даже повторяясь.

Что прячет ночь сегодня от меня,
Когда зовёт на исповедь к бумаге?
И я, свою беспомощность кляня,
Опять впадаю в обморок отваги.

Прости за дерзость, но не отлучай, –
Я зрячесть обретаю перед словом,
Когда оно с упорством палача
Признаний ждёт и судит их сурово.

Ты знаешь всё, пусть даже я смолчу,
Мой чистый лист, – и старь моя, и новь.
Твоей неотвратимостью плачу
За невозможность высказать любовь.

Дай отстояться слову, как воде,
Дай помолчать, уйти и раствориться.
Что нужды помнить о чужой беде,
Когда своя под рёбрами таится?
Перемолоть её немую плоть,
И одолеть недуг, как вязкость ила,
И искус слова вновь перебороть,
Его надеждам вспарывая жилы...

Так глубоко слова уйдут на дно,
И спрячут от меня мои напасти,
Но если им родиться суждено,
Никто над их явлением не властен,
Что ж... Размыкаю круг своей беды,
И выжившее слово возвращаю.
Морская соль, травинка лебеды –
И снова жизнь наградой ощущаю.

ЭТО ТВОЁ МАКОНДО

Не пашет раб землю, за плугом не ходит, не сеет,
По воловьим следам тоскует в полях чернозём.
Бурый день, как отшельник, по оврагам дымится и тлеет,
И ущелья с тоскою глядятся в небесный проём.

На крыше мама в кувшине
День с молоком взбивала,
Жёлтое масло в лощины
Густо стекало.

В спину толкает ветер, тминной обидой веет,
На подошвах крестьянских ног уносим останки земли,
Станут ладони мягче и души чуть-чуть слабее,
Чтобы не слышать, как в поле ищут зерно ковыли.

Мама в хлеву пахучем
Корову травой кормила –
Чабрец на зелёной круче
Не знает ила.

Старый Сурхай за оградой землю костями греет.
Кладкой речного камня сакля глядится в Койсу.
Это твоё Макондо в чреве у времени зреет,
Чтобы кормить тобою времени пыль и тоску.

Посохом были тропы
И колыбелью горы,
Ты не услышишь ропот,
Камни укроют поле.

НЕ БОЙСЯ СИМВОЛОВ РОДСТВА

Случайный гость Замоскворечья, не бойся символов родства.
Без лучших лет судьба увечна, безлика, горестна, мертва.
Ощупай череп – твой ли выступ? Чей сын и чья ладонь в руке?
Всё повторится, словно приступ, как капля пота на виске.

Оглохнут липы под ударом, качнётся ствол от топора,
Огонь дымит грошовым даром, за дымом прячется гора.
Кирпичной пылью Арарата зовёт вчерашняя беда
Туда, где спящий профиль брата крошится в камне, как слюда,
Где одинаково прекрасны на дне гробов и в дни труда
И над родством земли не властны людские, в смуглом, черепа.

Мансур Тиязов

Родился в Казани 29 января 1961 года в семье известного татарского писателя Аяза Гилязова. Окончил Казанский инженерно-строительный институт (1983). Писатель, драматург, сценарист. Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан. Член Союза писателей, Союза театральных деятелей Российской Федерации.

БЕЛЫЙ-БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ

*Оригинальный киносценарий в
одной части*

Все события разворачиваются в 1942 году

НАТУРА. ПОДВОРЬЕ МЕЧЕТИ. ДЕНЬ

Весна. Маленькая татарская деревня. На центральной площади деревянная мечеть с одним минаретом. Над одной из дворовых построек мечети выстроена приличной высоты голубятня. На ней сейчас НУРИСЛАМ (18 лет), наш главный персонаж. Нурислам худенький, одет крайне просто. Он выгуливает белых голубей, следит за их полётом с большим восхищением. Голуби опускаются, кружатся вокруг голубятни, садятся Нурисламу на голову, на плечи. Снизу, со двора мечети, за голубями наблюдают ИМАМ и МУЭДЗИН мечети. Оба старенькие, сторбленные, седые, типичные татарские старики.

МУЭДЗИН. Что будем делать с голубями?

ИМАМ. Разве что-то не так?

МУЭДЗИН. Народ от голоду пухнет, а мы здесь голубей разводим.

ИМАМ. Эти голуби появились здесь вместе с этой мечетью. Их первый имам сюда привёз. Посмотри, как летают.

МУЭДЗИН. В деревне разные слухи ходят. Злится народ.

ИМАМ. В нашем районе не осталось ни одной мечети. Может, этим голубям мы должны быть благодарны за наше благоденствие.

МУЭДЗИН. Люди совсем перестали в мечеть ходить. Коммунизм оказался сильнее нас.

ИМАМ. Молиться надо и веру в Бога хранить. Аллах не бросит нас в своей благодати.

Голуби взмывают высоко в небо.

НАТУРА. ИНТЕРЬЕР. ПОДВОРЬЕ. ДОМ ГАУХАР. ДЕНЬ

Нурислам заходит в ворота дома. Проходит по двору, несколько кур шарахаются от него. Покосившийся деревянный дом с соломенной крышей. Нурислам через сени заходит в дом. В доме за столом сидят ГАУХАР (17 лет) и её мама НАФИСА (40 лет). Они пьют пустой чай.

НУРИСЛАМ. Как вы живы - здоровы?

НАФИСА. Здравствуй, Нурислам.

Гаухар молчит, даже не смотрит в сторону Ну-рислама, стесняется.

НУРИСЛАМ. Какая -нибудь работа есть?

НАФИСА. Работа, она всегда есть сынок. Ты же понимаешь, трудно жить без мужских рук. Ладно ещё ты есть, помогаешь нам... Навоз надо раскидать по картофельному полю. Коровы у нас больше нет, а навоз остался... Гаухар, ты тоже иди, поможешь Нурисламу...

Гаухар допивает чай, быстро встаёт, идёт к выходу. Нурислам следует за ней.

НАФИСА. Если останутся силы, нужно будет дров напилить!..

НАТУРА. КАРТОФЕЛЬНОЕ ПОЛЕ

Сразу за хлебом начинается большое картофельное поле. За стеной хлева куча навоза. Гаухар и Нурислам деревянными лопатами разбрасывают навоз по полю. Гаухар улыбается.

Работают без остановки, в то же время безостановочно болтают.

ГАУХАР. Я тебя ждала.

НУРИСЛАМ. Я бы раньше пришёл, в мечети работы было много. Там же одни старики, особо работать не могут.

ГАУХАР. Ты сильный, хороший работник.

НУРИСЛАМ. Ты тоже.

ГАУХАР. Не смейся надо мной, Нурислам!

НУРИСЛАМ. От отца вестей нет?

ГАУХАР. Очень ждём.

НУРИСЛАМ. От брата тоже ничего?

ГАУХАР. От брата тоже никаких вестей.

НУРИСЛАМ. От второго брата?

ГАУХАР. Ни от кого вестей нет! Ни от отца, ни от пятерых братьев!

НУРИСЛАМ. Значит, живы!

ГАУХАР. Иншалла!

Продолжают без лени работать, обмениваются весёлыми репликами, смеются.

НАТУРА. ИНТЕРЬЕР. ПОДВОРЬЕ И ЗДАНИЕ МЕЧЕТИ. ДЕНЬ

Перед воротами мечети стоит запряжённая лошадью телега. На телеге сидит ИСМАГИЛ (18 лет). Быстрой походкой подходит Нурислам. Они с Исмагилом здороваются за руку.

ИСМАГИЛ. Иди, там тебя ждут.

Нурислам спешно заходит в ворота, идёт к зданию мечети. Заходит внутрь. Там стоят Председатель колхоза, Имам и Муэдзин. У Председателя нет одной руки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ты где болтаешься, мальчишка? Мы тебя заждались!

НУРИСЛАМ. Я помогал Нафисе апе!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не Нафисе апе ты помогал, а дочь её хотел за попу ущипнуть! Иди, собирайся!

НУРИСЛАМ. Куда собираться?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На фронт, куда еще?!

Нурислам вопросительно смотрит на Имама.

ИМАМ. Как же мы без него здесь справимся? Мы же старики. В любой мечети должны шакирды быть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не будет скоро вашей мечети! Прикроем вас! Туманите народу мозги своим Аллахом!

ИМАМ. Твой отец верующим человеком был!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Поговорите у меня ещё! Я своего сына на фронт отправляю! Вашего шакирда должен пожалеть? (Нурисламу.) Иди, собирайся!

Нурислам спешно уходит в свою комнатёнку, собирает вещи. Председатель, ругаясь, выходит на улицу.

Нурислам с небольшой котомкой в руках выбегает во двор, бросает котомку на траву, взбирается на голубятню. Из мечети выходят Имам и Муэдзин.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ты что там делаешь, сопляк?

Нурислам прощается со своими голубями. Один из голубей садится ему на плечо. Нурислам берёт его в руки и прячет за пазуху. Спускается вниз, поднимает свою котомку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Давай скорее! Торопись!

Нурислам подходит к Иمامу, прощается с ним. Затем обнимается с Муэдзином.

ИМАМ. Береги себя, сынок!..

Нурислам выходит в ворота, садится на телегу рядом с Исмагилом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Всё, поехали!

Председатель садится на телегу. Нурислам всё время смотрит в сторону дома Гаухар. Неожиданно он спрыгивает с телеги и бежит в эту сторону. Навстречу ему бежит Гаухар.

Она сильно возбуждена.

ГАУХАР. Мы так не договаривались! Я тебя не отпущу! Какой ты солдат? Ты даже стрелять не умеешь!

НУРИСЛАМ. Мне повестка пришла!

ГАУХАР. Иди в сарай! Отруби себе палец! Выколи один глаз! Я слышала, многие так делают! Они же твоих родителей расстреляли, а ты собираешься воевать за них!

Гаухар рыдает, прижавшись к Нурисламу. Издалека ругается Председатель, изрыгая проклятия.

НУРИСЛАМ. Я вернусь, Гаухар! Смотри, кто у меня есть! (Показывает голубя за пазухой.) Война скоро кончится, я слышал! Я вернусь!

ГАУХАР (немного успокаивается). Я буду ждать тебя, Нурислам... Буду ждать!..

НУРИСЛАМ. Голубей береги! Я вернусь, слышишь!

Нурислам бежит в сторону телеги, садится на неё. Телега трогается. Гаухар, плача, остаётся стоять на месте.

Возле ворот, держась друг за друга, стоят Имам и Муэдзин. Высоко в небе стая белых голубей провожает уезжающую телегу.

НАТУРА. ПЕРЕДОВАЯ ЛИНИЯ ФРОНТА. ДЕНЬ

Проходит несколько месяцев. Идёт ожесточенное сражение между советской и германской

армиями. Участвуют все рода войск. Танковые, артиллерия, авиация и пехота. В окопе в форме рядового прячется от пуль Нурислам. Рядом с ним множество солдат с винтовками в руках. ЛЕЙТЕНАНТ пытается поднять молодняк в атаку. Но только они поднимаются, сразу же сражённые, мёртвые и раненые падают обратно в окоп. Через несколько секунд рядом падает бомба и засыпает окоп землёй. Высоко в небе, скрываясь от пуль и снарядов, летает белый голубь.

НАТУРА. ПОДВОРЬЕ ДЕРЕВЕНСКОЙ МЕЧЕТИ. НОЧЬ

Под покровом темноты возле ворот мечети появляются Председатель и ещё две женщины.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит тихо). Не шумите! Давайте быстро!..

Они открывают ворота и проходят через двор к голубятне. Женщины с палками и мешками в руках поднимаются на голубятню. Председатель остаётся ждать внизу. Женщины открывают голубятню. Там на жёрдочках, прижавшись друг к другу, спят белые голуби. Женщины начинают колошматить спящих голубей палками и складывают их в большие мешки.

Из мечети выходят заспанные Имам и Муэдзин.

ИМАМ. Эй, кто там?..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Замолчи, гадина!

Председатель начинает одной рукой бить то Имама, то Муэдзина. Они падают на землю, Председатель пинает их ногами. Женщины спускаются с голубятни, вместе с Председателем покидают подворье.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Всех перебили?

ОДНА ИЗ ЖЕНЩИН. Ни одного не осталось!

Председатель и женщины уходят от подворья мечети. Имам и Муэдзин лежат на земле, корчатся от боли.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА: Начиная с 1942 года руководство нацистской Германии начинает создавать татарские легионы в составе вермахта. Эти легионы с оружием в руках должны были воевать против советских войск. Но немцы были обречены на провал, поскольку, как только татары получали оружие, они сразу переходили на сторону советских войск. Главное, что для пленных татар это было реальной возможностью остаться в живых. **ЛЕГИОНЕРЫ НЕ СЧИТАЮТСЯ ПРЕДАТЕЛЯМИ РОДИНЫ. ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА МУСА ДЖАЛИЛЬ ПОЛОЖИЛ СВОЮ ЖИЗНЬ, ЧТОБЫ ДОКАЗАТЬ ЭТО.**

НАТУРА. ФИЛЬТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ. ДЕНЬ

Огромное поле, огороженное колючей проволокой. По углам сторожевые вышки с пулемётами. Вдоль проволоки снаружи немецкие солдаты с автоматами, собаки. Внутри множество пленных солдат и офицеров. Раненые, грязные, голодные. Они собираются группами, стараются держаться друг за друга. Над лагерем летает одинокий белый голубь. По лагерю среди военнопленных ходит специальная Комиссия восточного министерства Германии. Среди них несколько человек в гражданской одежде, несколько в военной форме. Солдаты с лающими собаками. Комиссия подходит к группе пленных. Пленные встают на ноги. Среди них Нурислам и Исмагил. Члены комиссии внимательно осматривают каждого военнопленного. Человек в гражданской одежде говорит на татарском языке. Комиссия подходит к пожилому ТАТАРИНУ.

ГРАЖДАНСКИЙ. Ты татарин?

ТАТАРИН. Слава Аллаху...

ГРАЖДАНСКИЙ. Покажи...

Татарин спускает штаны...

ГРАЖДАНСКИЙ. Иди, становись в тот ряд!

Татарин выходит из строя, уходит в другую группу.

Комиссия подходит к другому военнопленному, КУДРЯВОМУ юноше.

ГРАЖДАНСКИЙ. Ты татарин?

КУДРЯВЫЙ. Да.

ГРАЖДАНСКИЙ. Спускай штаны.

Кудрявый приспускает штаны.

ГРАЖДАНСКИЙ. Скажи что-нибудь по-татарски.

Кудрявый молчит.

ГРАЖДАНСКИЙ. Бисмила... Продолжи.

Кудрявый молчит.

ГРАЖДАНСКИЙ (немецкому офицеру). Это еврей!..

Немецкий офицер поднимает пистолет и выстреливает в лоб кудрявому юноше. Кудрявый падает. Нурислам закрывает лицо руками, съживается от страха. Голубь витает прямо над этим местом, вздрагивает от выстрела, улетает в сторону.

НАТУРА. НЕБО НАД ЛАГЕРЕМ. ДЕНЬ

Белый голубь кругами летает над лагерем. Неожиданно в небе появляется крупный ястреб. Ястреб замечает одинокого голубя, устремляется в его сторону, готовится атаковать. Голубь успевает уклониться от ястреба, выбирает другое направление полёта. Ястреб продолжает преследование голубя, быстро настигает его. Голубь снова успевает уклониться. Погоня продолжается несколько минут. Голубь теряет силы, начинает снижаться. Летит совсем низко. Ястреб — за ним. Голубь летит в сторону густой лесной посадки и скрывается среди деревьев. Ястреб вынужден прекратить преследование.

НАТУРА. ПЕРРОН НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ. ПОЛЬША. ДЕНЬ

К перрону подгоняется состав с товарными вагонами. На перроне толпы военнопленных. Суэта. Кричат немецкие офицеры, лают собаки, гудит локомотив. Нурислам, Исмагил, Татарин среди этой толпы.

ИСМАГИЛ. Сейчас нас увезут.

ТАТАРИН. Я не буду стрелять в своих, я не буду стрелять в своих, я не буду стрелять в своих...

ИСМАГИЛ (тихо). Да прекрати ты! Тебе же объяснили! Только получим оружие, сразу рванём к своим!

Нурислам всё время смотрит на небо, высматривает своего голубя. Наконец он видит высоко в небе порхающую белую точку.

НУРИСЛАМ (Исмагилу). Исмагил! Ты говорил, у тебя есть карандаш! Давай быстрее!

Исмагил вынимает карандаш, протягивает его Нурисламу. Нурислам находит за пазухой небольшой лист бумаги.

НУРИСЛАМ. Нет, пиши сам!

Нурислам нагибает спину, Исмагил собирается писать.

ИСМАГИЛ. Что писать?

НУРИСЛАМ. Мы живы... Скоро вернёмся домой... Нурислам Хасанов... Исмагил Гаязов...

Исмагил пишет текст мелким арабским шрифтом.

ТАТАРИН. Чего вы там пишете?

ИСМАГИЛ. Письмо домой пишем!

ТАТАРИН. Меня тоже впишите!..

НУРИСЛАМ. Голубь полетит только к нам в деревню!

ТАТАРИН. Ну и что? Пиши меня тоже!

НУРИСЛАМ. Он знает дорогу только к себе домой! Никуда больше он не полетит!

ТАТАРИН. Пиши, твою мать! Меня зовут Хасан Гадельшин! Меня все знают! В Сарманово я живу! Пиши, тебе говорят!

Исмагил продолжает писать. В толпе появляется оживление.

ГОЛОСА. И меня тоже пишите! Я Вахит! Из Заинска! Я Нуртдин! Казань! Уфа! Оренбург!

Исмагил пишет и пишет, почерк становится всё мельче. Нурислам с опущенной головой издаёт странный звук. Голубь опускается всё ниже, кружит над железнодорожной станцией.

НАТУРА. НЕБО. НОЧЬ

Белый голубь летит на средней высоте. Впереди всполохи огня, разрывы снарядов. Голубь поднимается выше и выше. Вскоре оказывается над линией фронта. Стрельба усиливается. Голубь летит совсем высоко. На лапке у голубя кусочком тряпки привязан обрезок гусиного пера. Внутри обрезка свернутая бумажка. Впереди видна пылающая огнём территория.

НАТУРА. ДЕРЕВЕНСКАЯ ПЛОЩАДЬ. ДЕНЬ

Осень. Земля покрыта первым снегом. Вечерет. По площади медленно идёт Гаухар. Она тянет деревянные сани с хворостом. Она в зимней одежде. Гаухар останавливается возле мечети. Никаких следов перед воротами. Двери и окна мечети заколочены. На минарете видны следы разрушений. Неожиданно над разобранной голубятней она видит белого голубя. Лицо её озаряется светом, она устремляется к воротам. По лестнице Гаухар взбирается наверх к голубятне, поднимает руки. На её руки садится белый голубь. Гаухар обнимает его, целует, по её лицу текут слёзы.

ИНТЕРЬЕР. ДОМ ГАУХАР

На улице темно. Гаухар и её мать Нафиса сидят за столом. Горит лучина. В руках у Нафисы обрезок гусиного пера. Она медленно вынимает из него свёрнутую бумажку, разворачивает. Гаухар с нетерпением ждет. Нафиса начинает читать.

НАФИСА. Мы живы... Скоро вернёмся домой... Нурислам... Исмагил... Сын председателя...

ГАУХАР. Что ты замолчала?.. Что там ещё написано?.. Читай же, мама!

НАФИСА. Там ещё двадцать пять человек...

ГАУХАР. Что это за люди? Кто они, мама?..

НАФИСА. Каждого надо будет найти... Здесь Сарманово, Заинск, Казань, Уфа, много адресов... Каждого надо найти доченька... Каждого дома ждут... И к председателю надо зайти... Он тоже человек...

НАТУРА. ПОДВОРЬЕ ГАУХАР. УЛИЦА

Утро следующего дня. Гаухар и Нафиса выходят из дома. Гаухар одета совсем тепло. Завёрнута в тёплую шаль. Лицо намазано углем, чтобы не привлекать внимания. Нафиса провожает дочь в дальнюю дорогу. Выходят за ворота. Обнимаются. Гаухар уходит по улице. Проходит мимо мечети. Над голубятней порхает пара белых голубей. Перед воротами на снегу видны свежие следы. Гаухар решительным шагом идёт вперёд. Ворота мечети открываются, на улицу медленно выходит Председатель... ■

КОНЕЦ

Илгиз Ахметов

ПУТЬ К ИСТИНЕ

Роман (Продолжение. Начало в №№ 2, 3, 4)

Не зря говорят, что зимой дороги удлиняются. Нет, законы физики тут не причём. Просто зимой увеличиваются опасности на дорогах, сокращается световой день. И как результат — скорость падает. Глаза устают от снежной белизны, бураны и снегопад притупляют внимание. Водитель устаёт. Тянет ко сну.

Я тоже на третьи сутки без сна и отдыха попал в такую ситуацию. Заснул на середине пути между Челябинском и Уфой. Всё тело свинцом наливаётся, глаза тяжелеют. Пытаюсь нажать на тормоз, изо всех сил стараюсь — поворачиваю ключ и выключаю зажигание. Машину начинает заносить. Проснуться нет сил. Боже всемилостивый, помоги...

Развернувшись, машина прижимается правым бортом к сугробу...

Я засыпаю. С каждой минутой сон становится всё крепче...

Холод постепенно становится смертным...

Сон такой сладкий, музыка играет приятная... Нынешним своим сознанием понимаю — то были ангелы. Музыка небес, мелодия вечности...

Вдруг кто-то стучится. Хочу проснуться, но не могу. Обессилевшее, остывающее тело мне не подчиняется. Стучатся сильнее. Потом ещё сильнее. Потом начинают стучать чем-то железным.

— Ты нам дверь открой, мы тебе на помощь пришли. Кнопку только подними...

Я старался изо всех сил, но мёрзлые пальцы не слушались. Наконец получилось! Меня вытащили из машины, стали разгонять застывающую кровь — чуть ли не утренняя гимнастика! Оказалось, меня спасли милиционеры... Ещё и на бензин дали...

Уральские горы — только с виду такие спокойные и безобидные. Горы — какие бы они не были и где, везде таят неожиданности. За их красотой прячется такая сила, что неподготовленный человек не заметит опасности, а если и заметит, может оказаться уже слишком поздно.

Выныривая с очередного поворота, нажимаю тормоза — впереди мигает «аварийка». Неуклюже припаркованная многотонная фура почти перегородила проезжую часть. Принимаю максимально влево, смотрю — проехать, в принципе, можно. Попробую...

Впереди стоят несколько человек, смотрят через сломанные столбики ограждения, туда, где далеко внизу лежат дымящиеся остатки «москвича».

— Вот он! Живой, шевелится! — кто-то крикнул нечеловеческим голосом.

Внизу, примерно в сорока метрах от нас торчит каменный выступ, похожий на зуб. На нём висят куски искорёженного металла. А правее и чуть пониже — человек на дереве!

Подъехала машина ДПС, вышли двое: лейтенант и старший лейтенант.

— Не спасём, похоже, обречён...

— Вы что, ребята, он ведь жив! Надо попытаться!

— Сам видишь — какая глубина! Да и кто рискнёт? Тут профессионалу — и то страшно...

Тут что-то во мне переключило. Ведь столько народу, каждый хоть что-то может. Если правильно организовать, можно успеха добиться! Если старлей боится ответственности, значит, надо его замом назначить! А народ погоням подчинится... Выходит, надо идти в лобовую...

Я вышел немного вперёд, оглядел всех и командным голосом произнёс:

— Я — капитан спецназа Ахметов! С этого момента командование по спасению принимаю на себя. Помощником и заместителем назначаю старшего лейтенанта ДПС... Все будете подчиняться непосредственно ему!

Люди впали в необъяснимое смятение.

— Давай, старлей, создай штаб, соберите все тросы, канаты, верёвки. Отдельно — все аптечки, — мои распоряжения сыпались как из рога изобилия. — Есть кто-нибудь из медиков? Скорее! Дорога каждая секунда!

Подошла пожилая женщина.

— Но я не смогу спуститься...

— Спустишь — я! А вы отсюда будете мне помогать!

— Но как?

— Все «как» — отставить в сторону! Лекарствами будете обеспечивать! Готовьте нашатырку, йод, бинты, острый нож, лучше бы, конечно, скальпель. Ещё водку надо — вместо спирта! Одну — мне с собой, другую — для стерильности!

Пока ребята затаривали пакет, я наспех соорудил себе из подручных средств альпинистское

снаряжение. Гаишники изо всех сил мне помогали. Вроде всё, кажется, готов. Но в условиях гор «кажется» — не применимо. Либо готов, либо — нет. Подогнали вплотную ЗИЛ-131, вездеход армейского образца, с механической лебёдкой спереди. Вот отлично! Теперь точно готов!

— Ну, ребята, с богом... Все кто умеет, читайте молитвы во имя спасения... Неважно на каком языке...

Тут женщина какая-то заревела.

— Цыц! Хватит сырость разводить! Не умирать иду — спасать! И его мы спасём! Только верьте!

Ну, как говорится, поехали.

Загудел редуктор, я плавно стал спускаться вниз. Страховочный канат из буксировочных верёвок мужики держали верно — я удачно обходил все препятствия. Расстояние сокращалось.

— Я здесь!

— Вижу! Молчи, силы береги! Сейчас буду!

— Вытащите меня, пожалуйста...

Вот и последний выступ обошёл — тот самый «зуб».

— Вправо — 3 метра, вниз через 5 — стоп! Закрепляюсь!

Боже! Всё, как в учебке! Тазовая кость раздроблена, кишки выступают наружу... Только тогда муляж был, а тут — живой человек! И он смотрит мне в глаза. Во мне — вся его надежда...

— Только не бросай меня здесь... Ох, как жить хочу... Я впервые богу молился... И он прислал тебя...

— Тихо говори, береги силы. Я тебя вытащу. Только ты... не отключайся!

Вытащил свой последний резерв... Последняя ампула промедола... НЗ для себя, на крайний случай берёг, но ему сейчас важнее. Лишь бы спасти...

Глядя вверх, я крикнул:

— Полиэтилен на полтора квадрата! И скотч!

Наверху забегали, а я продолжал осмотр... Основные кровеносные сосуды не пострадали, главное — артерии целы, кровопотеря не критическая. Уже хорошо.

Нащупал на уровне почек неушибленное место. Вскрыл ножом одежду. Обильно плеснул водку... Бутылку протянул ему.

— На, выпей! Легче станет! Сейчас укол сделаю, водка ускорит его действие.

Через пару минут ему действительно стало намного легче. К тому времени и свёрток с полиэтиленом был близок.

Первым делом из стропы сделал нагрудный замок. Как жаль, что карабинов нет! Размечтался! Ещё про спасательный пятиточечник вспомни!

Какая молодчина эта бабушка! Полиэтилен протёрла водкой! Старая гвардия! Есть молодым с кого пример брать!

— Ты давай, рассказывай... Семья у тебя есть? Дети? Ты говори, а я слушать буду и тебя перевязывать...

Он говорил, говорил... Только я почти не слушал — важно было, чтоб он отвлекся, не сосредотачивался на боли. И мне это удалось.

Я уже оборачивал плёнкой его раздробленный таз...

— Доски нужны! По полтора метра! Две штуки!

Наверху снова забегали. Ну где возьмёшь доски в горах? Это тебе не деревня — здесь одни камни.

— Гладильные — подойдут?

— Да!

Оказывается, кто-то вёз на продажу гладильные доски... Как кстати!

К концу второго часа всё было готово к подъёму. Началось самое трудное. Я не могу судить о себе сам, но по реакции толпы... это было страшно.

Иногда из-под ног срывались камни и уходили в бездну. А я, потеряв опору, болтался на тросе, изо всех сил стараясь уберечь пострадавшего от ударов об скальную породу... Очередной раз сумев смягчить удар, принимая его на себя, я издавал сдавленный стон, но скрипя зубами, продолжал это бесконечное восхождение.

Впереди последние десять метров. Но они — самые тяжёлые. Отвесный участок скалы выглядит устрашающе. Остаётся полагаться только на тех, кто наверху... Не подведите, ребята...

Только оторвались ноги от твёрдого камня, трос стал раскручиваться с чудовищным ускорением... Накопившееся напряжение металла,

которое мы никак не могли учесть, чуть было не погубило обоих...

— Тяните за страховку! — прозвучал запоздалый приказ старлей. А уже эта самая страховка, намотавшись на нас обоих, давила и душила. Мой подопечный стал терять сознание, а я — полностью скованный, ничего не мог сделать.

— Вниз! — прохрипел я, но никто не слышал.

— Быстрее! — скомандовал старлей и ЗИЛ дал полный газ...

Через минуту нас схватили сильные руки и вытащили на проезжую часть. Подвыпивший врач, подъехавший в карете скорой помощи, важно похаживал и выкрикивал никому не нужные ценные указания.

— Делом займись, придурок! Принимай раненого!

— Ты кого придурком назвал? Да я тебя...

Между нами выросла живая стена мужчин, но, судя по сломанному носу этого горе-доктора, я всё же успел ударить...

— Если его не вытянешь, я тебя захороню. Здесь и сейчас. В этой самой пропасти. Всё понял? За работу!

Скидывая с себя последние верёвки снаряжения, я, шатаясь, побрёл в сторону своей машины... и... отключился. Мне казалось, а может, приснилось, как я открываю дверь, сажусь за руль...

— Сынок! Что с тобой? очнись!

От едкого запаха нашатырки мир вернулся в прежнее русло. Мою голову поддерживала та самая бабушка-медсестра.

До машины я не прошёл и половины пути...

— Как ты нас напугал... Хорошо, что ты жив... Ты ведь чудо сотворил — человека спас! Не просто из пропасти — с того света вытащил. Такие, как ты, долго жить должны. Радость и счастье людям дарить...

— Кто же и мне поможет — уж сколько я сына ищущего... Второй год...

— Не отключайся! На меня смотри! Говори, рассказывай — всё что угодно.

Тут мелькнул тот же доктор. Видно, пользуясь моей беспомощностью, захотел свести счёты. Уже теряя сознание, я видел, как вовремя подоспевший старлей надевал на него наручники.

Когда я вновь открыл глаза, часть машин разъехались, народу стало меньше. Только бабушка не отходила, нежно обтирая сгустки крови у меня на руках, на лице...

— А здесь что у тебя? Спину зацепил?

Это она нащупала мокрое пятно справа от поясницы. Ту самую рваную рану... Оказалось, когда ударился, разошлись швы. По новой зашивать в полевых условиях — дело, конечно, рискованное, но, похоже, по-другому и не получится.

В аптечке моей машины были иголка и нитки в специальной баночке, нашлись и тампоны у кого-то, со «скорой» подошла медсестра.

— Я восхищаюсь вашим терпением... С этим ранением — в такую пропасть!

— Скажите лучше, как он?

— Спит. Что вы ему вкололи?

— Промедол...

— Я так и подумала. Но откуда? Даже нам его не выдают!

— Я ведь спортсмен, хоть и в прошлом... Спецназ прошёл...

Глаза мои стали закрываться.

— Не отключайся! На меня смотри! Говори, только не засыпай... А что это за рана? Не колючая, не резаная и вообще непонятная... Как будто откусил кто... Не медведь же...

— Враг не дремлет... Шучу. Упал нехорошо.

— Не хочешь — не говори. Больше никаких ранений?

— Пулевая. Повыше, на уровне сердца. В сантиметре от позвоночника.

— Только не говори, что и пулю при падении поймал.

— Нет. Это общество у нас упало. «Застой» у нас... Глюкозу мне вколешь? Похоже, истощение... Подъём слишком много отнял...

— Ну, пожалуй, всё. Потом твою пулевую смотреть будем... Эх, корсет бы тебе надеть...

— Послеродовый бандаж...

— А ты разбираешься! Ты не гинеколог ещё вдобавок ко всему?

— Не-а... Только военно-полевая хирургия...

— А может, с нами пойдёшь? Вместо моего доктора? Сколько народу мы бы с тобой спасли! Терапию знаешь, хирург ты, я смотрю, неплохой. Главное, себя не щадишь! Ради жизни, конечно...

— Мне сына искать... Уж второй год ищу... Спасти бы его одного только...

Осенний день в горах — ещё короче... Вот уже и сумерки. Я не заметил, когда уехала скорая. Оказывается, старлей распорядился, чтобы медсестра мне помогала, а сам вызвал из Магнитогорска навстречу реанимационную... Да, досталось ему сегодня!

— Вот это, что ли? — медсестра нажала пальцем в самую точку...

— Ай!

— Неужто больно? Она зажила уже давно!

— Там имплантат... Стимулятор заживляющий...

— Тут ножевых я много насчитала. Что, действительно так серьёзно?

— Как-то само собой получается. Или я, как магнит, проблемы притягиваю...

— Ну, хватит о грустном. Давай, живи дальше. Радость другим дари. Сейчас я тебе противостолбнячную сыворотку сделаю — на всякий случай. А то рана-то грязная... Хоть и почистила, надо подстраховаться.

Я встал, оделся. На прощанье обнял старлея.

— С богом, сынок! — бабушка до сих пор не уехала. Не смогла от меня отойти...

— Ты уж, старлей, имени моего не упоминай, хотя я и не называл...

— И вправду... А как зовут-то хоть?

— Да, сынок! За кого молиться-то?

— Илгиз меня зовут...

Поехал домой. Какое это приятное слово — дом. Одна только мысль о нём согревает. Я не знал, что меньше чем через год всё изменится, что мой дом станет чужим, а близкие — предателями. Предала жена, причём давно, а я просто не знал об этом... Ведь когда любишь, многого не замечаешь. Когда я узнал, мир перевернулся. Но уже ничего исправить было нельзя. Ох, как тяжело уходить, когда любишь! Невыносимо... Оторвал, как кусок из сердца вырвал. Боже, дай мне силы стерпеть всё это...

... А пулевое в спину взялось вот откуда.

С левой стороны на трассу выскочила тонированная машина. Засыпана снегом, включённые дворники тщетно ёрзают по обледеневшей лобовухе. Откуда этот джип? По карте здесь

на десятки километров ни одного населённого пункта. Разве что заброшенный военный городок. Город-призрак.

Думай, думай, моя голова... Стёкла не оттаяли — значит, машину только что завели. Не прогревали — значит, торопились очень.

Останавливаюсь. А вот и место — отсюда выехали. Достают чулки, я их специально покупал — целую пачку. Безразмерные, самые большие. Натягиваю на ноги поверх ботинок, брюк, до самого колена. Всё — готов к путешествиям по снегу. В лес, по следам джипа.

Темно, хоть глаз выколи. Надеваю очки, активую — совсем другое дело! Всё видно до мельчайших подробностей. Вон под деревом мышь копошится. Тепло тела, улавливаемое оптикой, преобразуется на полупроводниковой матрице, усиливается и подаётся на жидкокристаллический экран, выполненный в виде линз очков. Внешне очки ничем не выделяются — выглядят как обычные солнечные. Разве что корпусные элементы покрупнее. Связь с блокнотом-компьютером беспроводная, наподобие современного вайфай. Про такие малогабаритные компьютеры в те годы ещё мало кто слышал...

Впереди виднеется ореол — будто дым из трубы кочегарки. Приближаюсь — и правда труба! Дым пахнет хвойным деревом, каменным углем, мазутом... Значит, брикетом топят... Наверное, НЗ из военных складов — когда часть снимали, объект консервировали, а внутренняя инфраструктура осталась: склады с брикетом, подземные бочки заправок, полные солярки и бензина, трансформаторные подстанции, только рубильники подними... Ощущение такое, будто хозяин уехал в отпуск и вот-вот вернётся.

А тут новые постояльцы объявились. Рубильники подняли, замки вскрыли, склады распечатали. Возомнили себя хозяевами, пользуются народным добром, как своим. Но это — государственное, значит, неприкосновенное. Любой, кто посягнул — преступил закон.

Следы джипа идут через осиротевшие ворота КПП и заканчиваются возле дверей длинного корпуса. Раньше, видимо, там была казарма. В одном окошке горит свет, в остальных — тем-

но. Заглянул — на топчане дрыхнет облезлый мужик. На столе — несколько пустых бутылок, на полу — почти полный ящик водки...

Иду вдоль здания, нашёл в конце незапертую дверь. Открываю — темно. Прохожу по коридорам мимо служебных помещений и попадаю в большой зал. Странно, это не казарма. Присматриваюсь: вдоль всего зала стоит конвейер. Водку разливают! Значит, я попал в имение подпольного водочного магната! На таком предприятии невольники работать не могут. От них вреда больше, чем отдачи. Зря только забрёл — уходите надо.

В окне промелькнули две тени — заметили, получается. Идут по моим следам. Открываю окно — я на улице. В три прыжка скрываюсь в пустом оконном проёме недостроенного здания. Осмотрелся, побежал, справа — дверь на улицу. Западня — бегут сюда! Назад! Обратно в окно! Поздно! Влетели двое, щёлкнули затворы. Я оказался под шквальным огнём. Успел скрыться за выступом стены. Секунды тянутся до бесконечности. Даже пистолет не вытащить. Пули рикошетом хороводят, фейерверк по всей стройке.

— А-а-а-а-а...

Жгучая тупая боль в спине... Зацепила шальная. Это конец.

Вдруг — тишина. Затворы захлебнулись, выплюнув последние капли смерти. Шанс! Единственный! Дай бог, не последний. Надо же — одновременно!

Выскакиваю из-за спасительного выступа, на ходу вытаскиваю вальтер, ору во всю глотку:

— Стоять! На месте порешу! Стволы на землю! Я дурак — я убью!

Пара выстрелов для профилактики. Ещё один — прицельно: шапку сбил демонстративно...

Сдались, как миленькие. Да что с них взять — совсем юнцы... Автоматы забрал, раскидал... Бойки в окно выкинул.

Тут возглас с улицы:

— Что за пальбу устроили?

Появляется фигура. Сашку я узнал сразу.

— Вот и встретились. Я ж сказал, не попадайся мне. Кто ты теперь?

Он молчал. Стечкин в его дрожащих руках был явно лишним в этом сюжете.

— Оружие — на землю! Так, юнец, неси сюда! — я дулом показал одному из ребят. Он послушно принёс пистолет и встал на место.

— Ты здесь кто?

— Начальник охраны... — Сашка стыдливо смотрел вниз.

— Парни, этот человек — предатель Родины. Он пытался ограбить секретный военный склад. Хотел убить меня — своего командира.

...Было тогда задание: установить дополнительную систему сигнализации в подземной сети складов НЗ. Работу мы закончили. Испытали, всё хорошо, пошли на выход. Смотрю — Сашки рядом нет. Вдруг шорох еле заметный в глубине зала. Жутко подозрительно, пошёл обратно. Смотрю — щит наш, который только что опечатали, вскрыт и оставлен полуоткрытым. Подошёл, открыл дверцу — оттуда упали перемычки. И только машинально нагнулся за ними — поверх головы очередь прошла. Нам тогда экспериментальные пистолеты-пулемёты давали, скорострельность просто фантастическая. За несколько секунд Сашкин затвор захлебнулся последней опустошённой гильзой.

— Стоять!!! Стреляю без предупреждения!!!

Дрожание Сашкины руки медленно поднимались. Он же не знал, что я так и не снял с предохранителя... Не успел просто.

— Ствол на землю! Порешу! Ты что, секретный склад грабануть вздумал? Это — предательство Родины!

— Не убивай... Отпусти... Пожалуйста...

— Разделся быстро до трусов! Повторять не буду! Фору дам до ворот. Исчезнешь — выживешь. Когда-нибудь встретимся — пеняй на себя, убью!

Вот и встретились. Слово дал — надо держать!

Я передёрнул затвор трофейного Сашкиного «стечкина». Вытащил магазин. Единственный патрон остался в казённом.

— Это твой последний шанс, чтоб к стенке не встать. Самоубийство никто расследовать не станет. Без позора хоть умрёшь.

Сашку я держал на мушке. До последнего не доверял. Он плакал, умолял простить.

— Поздно, Сань, слишком поздно. Через десять секунд я нажму курок. Лучше ты уж сам...

Успей...

— А-а-а-а-а-а... Прости меня, господи...

Прогремел выстрел.

Поблудневшие мальчишки со страхом смотрели на меня.

До машины добрался без приключений, хотя ощущение чужого присутствия меня не покидало. Когда сел, ощутил боль раны всерьёз... Ездить ещё куда-то бессмысленно. Надо возвращаться. Хотя бы до Владимира дотянуть... Пулю вытащить...

Проехал около двадцати километров, смотрю — на обочине стоит мужик моих лет. Весь инеем покрылся, голосует. Включаю поворотник, торможу.

— Ой, спасибо! Уж два часа стою... Никто не останавливается. Боятся, что ли...

— А сам-то не боишься? Место пустынное...

— Отбоюсь я своё. Мира хочу...

— Я тоже. Да не получается. Вот залижу раны — и снова в бой...

Проехали ещё около полста километров. Датчик уровня топлива стремительно приближается к нулевой отметке. А вот и заправка — как вовремя! Останавливаюсь возле колонки, открываю дверь, пытаюсь выйти. Кружится голова, в глазах всё двоится и трясется.

— Так ты и вправду ранен! Держись!

Крепкие руки не дали мне упасть. Аккуратно положив меня на заднее сиденье, мужик заправил полный бак.

— Как и чем зацепило? Ты кровь теряешь. Отъедем — осмотрю...

— Не надо, сколько бог дал...

— Поговори ещё у меня...

Я не знал что ответить, просто резко ослаб... Уже теряя сознание, я услышал:

— Друг у меня хирург. К нему поедем, это недалеко. Ты только держись...

Едкий запах нашатырки вернул меня в реальность. Вокруг толпились люди.

— Верь мне, я тебя вытащу. Я был военным хирургом в Афгане.

— И я там был в 87-м... Всего сутки, и то хватило — под трибунал, за то, что самолёт вытащил. С Завитинска летали...

– Потом расскажешь. Погоди! 87-й! Завитинский аэропорт! Транспортники! 196 тяжело раненых! И я был в том самолёте – с раздробленной ногой! Ты – Кулибин?

– Физик...

– Точно!

– Всё! Разговоры – потом, как пулю вытаскиваем...

Мне вложили в руки гранёный «малиновый» стакан. С характерным бульканьем стакан медленно наполнялся 45-градусной «сибирской».

– Постарайся выпить залпом. Это – самая лучшая анестезия. Здесь рассол – запей.

По жилам побежал огонёк. Тело становилось ватным. Мне помогли встать. Недалеко стояла машина «Победа». ГАЗ-20. Такой полукруглый капот – прекрасный операционный стол! Капот накрыли одеялом. В это время кто-то уже обрабатывал рану на спине.

– Не бойся. Ты ж и сам хирург. Ты станешь даже лучше, чем был. Я тебе заживляющий имплантат поставлю. Настоящее китайское качество с расчётом на десять лет. Своего рода биологический активатор. Заживёт, как на собаке.

Я зажал зубами деревянную рукоятку какого-то инструмента...

Через несколько минут всё закончилось. Я даже слышал, как с шуршанием вытаскивали этот маленький смертоносный кусок железа. Потом он с грохотом упал на крышку стерилизатора. Ребята, которые держали меня за руки и за ноги, вдруг расслабились. И я вздохнул, стало легко, будто ничего и не было.

– Положите его. Пусть поспит. Силёнок накопит.

Когда проснулся, увидел на столе свою пулю. Исцарапанный, почти бесформенный кусок смертоносного металла...

Сегодня 21 июля. Ровно два года, как сын исчез...

Столько всего произошло за эти два года. Расскажешь – не поверят... Скажут, выдумал. Может, мои ранения – тоже выдумка? Переломы, защемление сердечного клапана, дистония?

Солнце садится. Его последние лучи угасают... Вместе с ними умирает ещё одна капля надежды...

Через две недели почтальонка принесла конверт. Печать казённая... Из РОВД! Голова закружилась... Может, нашёлся сыночек мой? Жив ли? Невольно хватаюсь за забор...

– Что с вами? Вам плохо?

Конверт падает, я дрожащими руками расстёгиваю воротник. Сползаю по забору и невольно сажусь на землю.

– Открой... Пожадуйста... Что там? Жив он?

– Здесь повестка. Завтра, к 10 часам...

Как я стерплю до завтра? Разве возможно?

Уже через несколько минут я нёсся по разбитой дороге на предельной скорости кротчайшим путём в райцентр. Со скрипом тормозов останавливаюсь перед проходной, пролетаю через турникет, мчусь на второй этаж...

– У нас есть все основания полагать, что это вы убили своего сына...

Самодовольный полупьяный мент издевательски улыбается...

Второй, тоже пьяный, выдвинул ногой стул, вызываясь положить на него ноги.

Будто помоями облили...

Выходит, они и вправду никогда его не искали... При резком развороте срываю ногой стул этого алкоголика-профессионала, и он, потеряв равновесие, утыкается носом в пол...

Вконец потеряв контроль над собой, вылетаю из кабинета. По перилам пролетаю до первого этажа.

– Куда! Стоять! Задержать его!

Но было уже поздно. Я перепрыгнул через вертушку.

– Подонки! Нету на вас управы божьей!

Я не видел, как преследователи садились в машину – мчался в сторону выезда из райцентра – к объездной дороге. На въезде стояли ДПСники. Значит, в другую сторону, налево. Давлю на газ, обгоняю одну машину за другой. Впереди светофор. Отлично! Красный вот-вот сменится! На той стороне уже жёлтый. По встрече выскакиваю на перекрёсток, круто поворачиваюсь и еду на выезд. Боковым зрением заметил мигалку. Скорее! Предчувствие не обмануло. Это за мной. Нащупываю под сиденьем рукавицу, набитую ёжиками.

– Вот так надо хвосты отрубать! – выбрасываю через крышу горсть колючего металла. Всё,

мигалка отстала. Еду дальше, скорость под сто. Вдруг вижу — вдалеке опять она промелькнула. Может, показалось? Вытаскиваю из спинки сиденья пистолет, выдёргиваю узел верёвки под панелью. Грузно падает пакетик, я успеваю его схватить. Это — граната Ф-1. Помирать — так громко. И не в одиночку, чтоб скучно не было. Если догонят, выйдут на обгон, как сравниваются, прострелю окно, кину в салон гранату. Не я это затеял. Пеняйте на себя!

Давлю на газ. Стрелка спидометра стремительно уходит вправо. Сто двадцать... Сто тридцать... Местами колёса земли не касаются...

Через три километра уже соседняя республика. Вряд ли они успеют согласоваться, чтоб там на меня засаду организовать...

Проскочил мимо стелы границы. Впереди крутой поворот налево, не доезжая его, справа за деревьями — круглое озеро. Там есть удобный съезд и не видная с дороги площадка. Совсем недавно я там останавливался: дочку возил в Челны — документы сдавать в институт. На зеркальной глади этого озера красовались кувшинки. Ей очень захотелось их потрогать. Ну как я откажу? Достал я ей тогда цветок этот чудный... И съезд запомнил.

Через мгновение я уже был надёжно укрыт за густыми ветками деревьев. Живым я вам не сдамся! Не на того напоролись! Засунул две гранаты в карман, из-под панели вытащил удлинённые магазины. Нырнул в кусты и замаскировался.

Долго ждал, секунды тянулись как вечность. И вот белая милицейская «пятёрка» с мигалками проехала по трассе, не сбавляя скорости. Значит, не заметили, не догадались.

Так у них ведь догадаться-то нечем. Всего две извилины — одна от фуражки, а другая уходит в прямую кишку...

Успокоился. Знаю, что впереди перекрёсток с заправкой. А мужик, что там работает, ментов всю ненавидит. Тут тоже своя история — история его сына... Так что мы в чём-то и солидарны.

Минут двадцать тянулись как вечность. Дождался — еду обратно, причём небыстро. Значит, успокоились. Не меня скорости, проехали мимо меня. Хорошо!

Подъезжаю к заправке. У того мужика действительно спрашивали, и он сказал, что за последние полчаса ни одна легковушка не проезжала. Но он врал — передо мной две машины проехали. Ох, как он обрадовался, когда узнал, что насолить удалось! Принципы — великая сила!

— Ну, а теперь куда?

— Даже не знаю. Чем дальше — тем безопаснее...

— А давай я тебя заправлю! Хоть этим помогу. Неучтённый есть немного.

— Неудобно как-то...

— Не отказывайся. Я вечно должен перед своим своим... Не уберёг... Считаю, что просто долг отдаю... Может, в небесах сочтётся... А может, хоть ты сыночка своего найдёшь...

Тяжёлый взгляд, полный слёз. Мы крепко обнялись. Я уже садился в машину, вдруг слышу: «Погоди!». Прибежал со свёртком в руках.

— Будет чем защищаться... Правда, патронов мало...

— У меня есть «вальтер». Но лучше бы не понадобился...

— Береги тебя Бог...

Что может быть крепче мужской дружбы? Тем более, скреплённой общим горем... В тот момент мне вдруг представилось, появись мои преследователи, мы вдвоём положили бы целый взвод. Настолько полны были мы ненависти к этой ментовской породе...

Дорога ровная, встречных мало. Надо отвлечься, иначе не успокоюсь. Механически считаю птиц в летящей стае, обращаю внимание на номера встречных машин, складываю цифры, перемножаю друг на друга. Тяжёлые мысли не отступают...

Мужская дружба... Сколько песен об этом сложено, сколько рассказов написано, фильмов снято! Похоже, вся история человечества опирается на настоящую мужскую дружбу. А про женскую — ни слова. И вообще — есть ли она в природе?

Впереди перекрёсток, трасса М7. Куда же ехать? Налево — в Челны, дальше Казань, а может, во Владимир? Остановился метров за сто, задумался. Решение пришло само. Тронулась фура, стоявшая на обочине, я отчётливо

увидел машину ДПС. Открыл капот, незаметно осматриваюсь. Останавливаю машину, свернувшую с другой, правой стороны трассы.

– Братан, конечно, извини... Менты там не стоят? А то перепили вчера, свежаком от меня не тянет?

– Да нет там никого! Зря трясешься, запаха я не чувствую, не бойсь, езжай! С самых Дюртилей едем – никого!

Мне того и надо. Вот она, мужская дружба! Как он сказал – из Дюртилей? Хорошая фора! Там мост – через Бураево к брату поеду. Надеюсь, за Белой о моих приключениях никто не слышал.

На остановке взял до Дюртилей пассажиров – семью из четырёх человек: отца, мать, сына и дочь. Глава семейства сел вперёд. Разговорчивый оказался, даже сумел поднять настроение. Дорогу оплатил щедро, довёз я их до самого дома.

Теперь решать надо: то ли ехать через понтонный мост перед самым Бирском, то ли в объезд – через мост на Белой в Дюртилях, через Бураево. Так оно, конечно, дальше, зато дорога пустая. Поеду – ка я всё-таки в объезд. «Дорога дальняя короче оказывается...» Это слова из сказки про Соловья-Разбойника...

Километры один за другим остаются позади. Дорога ровная, асфальт свежий, поднажму – ка я малость! И тут на тебе – палочка полосатая. Указывает, куда остановиться.

Притормаживаю... Равняюсь...

Нет уж! Не быть по-вашему!

Рванул на полный газ. Стрелка спидометра стремительно пошла вправо. Сто шестьдесят... Сто семьдесят... Вот уже стрелка дрожит, коснувшись ограничительного штифта! Небольшой поворот может оказаться роковым...

Впереди действительно поворот направо! Стоп! Тормоз! За поворотом – справа лес, а вот и съезд туда... Дело к вечеру, отдохнуть тоже надо... Вмиг я скрылся за зелёным массивом. «Скоты! Придётся – уложу! Всё равно больше терять нечего!». С такими мыслями я вытащил автомат из сумки в багажнике и передёрнул затвор. Только тогда по дороге пронеслась синеглазка... «Черепahi! И вам государство доверило покой своих граждан?» Это что со мной? Мания величия? Болезнь неуязвимости?

Через полчаса машина медленно проехала обратно с выключенной мигалкой. Успокоились, выходит. Как бы лес прочёсывать не стали. Нет, вот уже опять развернулись. Езжайте – ка вы домой, ребята! Я вам только померещился, забудьте. И мне отдохнуть не помешало бы.

Достал из бардачка маячок, включил и повесил на толстый дуб на опушке. Второй – метров через пятьдесят по просеке. Активировал картограф. Поехал вглубь леса, нашёл небольшую поляну на склоне – внизу речка. Вот и отлично. На костре на скорую руку чай вскипятит, тушёнку разогрел. Сытое брюхо – к проблемам глухо. Уснул так хорошо и сладко, будто за истекший день ничего и не было: ни страшного выдуманного обвинения, ни погони, ни гаишников этих безмозглых. Был только лес. Шептались листья, вполголоса рассказывая друг другу секреты; кузнечики пели, птицы перекликались разными голосами...

Проснулся на рассвете от стука. Жилистый мужик предпенсионного возраста в брезентовом плаще и с охотничьим ружьём смотрел на меня в окно.

– Что, сбежала подружка?

– Сам сбежал. Думал, отосплюсь на природе. И тут покоя нет. Чем обязан?

– Да лесник я здешний! Вчера выпили малость, уснул. А эти идиоты бросили меня, спящего, в лесу... Ты ж всё равно в город поедешь, я замёрз как собака... Да и башка трещит, терпеть мочи нет... А ты сам кто будешь?

Недолго думая, показал удостоверение и на миг продемонстрировал свою физиономию на нём. Само собой, прочесть он ничего не успел, кстате, в его состоянии это было невозможно, тем более мелкий шрифт внизу: «Не является документом. Театральный реквизит». Из корочки следовало, что я являюсь старшим сержантом милиции в Самаре.

– А ты что, не узнаёшь меня, Михея старого?

– Узнаешь спросонья тебя, лешего. Сам же спать не дал. Давай хоть чай сварганим что ли...

– Мне бы покрепче...

Полбутылки «посольской» он прямо из горла высосал, смотрю – уже дрыхнет в обнимку со своим ружьём и недопитой бутылкой в руках...

Жалко его стало, взял одеяло с заднего сиденья и укрыл...

Вот и город впереди...

– Ну, здравствуй, брат. Не ждал так рано утром?

– Неожиданно...

После завтрака я раскрыл карты. То есть про обвинение. Про погоню, конечно, умолчал.

– Ты что, и вправду убил Ильнура?

– Неужели даже ты в этот бред поверил?

– Ладно, нам на работу пора. Вечером поговорим... Ты оставайся, отдыхай. На улице лучше не выходи...

М-да, ситуация... Брат сомневается, жена его, похоже, тоже. Вдруг сдадут? Нет, брат всё-таки. Но меры надо предпринять.

Как только ушли, первым делом всунул пистолет во внутренний карман. Прошёлся туда-сюда. Снял рубашку, поверх тельняшки надел оружейную жилетку. Кармашки наполнил боеприпасами. Десять полных магазинов к моему «вальтеру», шесть из них увеличенные, две гранаты Ф-1. На спине три метательных ножа типа «оса», только собственной конструкции. Вещь кстати, грозная – запросто пробивает берёзовую доску толщиной 45 миллиметров с пятнадцати метров.

Надел рубашку, отрегулировал перед зеркалом полноту шнурками-подвязками по бокам. Поверх рубашки надел оперативку и подтянул ремешки. Всунул на место пистолет. И последний штрих – сверху натянул ветровку. Ну, чем я от других отличаюсь, в смысле, от простых граждан?

Теперь надо спрятать машину. Возле калитки оставил маяк, включив в режим датчика движения. Обошёл всю улицу, вышел на соседнюю, смотрю – автосервис.

– Ребята, работы много?

– У нас вперёд записываются. Что у вас?

Идея сама клюнула.

– Амортизаторы бы поменять... К вечеру сможем?

– Машин много, может, завтра к обеду...

– А у вас машину оставить...

– Да пожалуйста! Лучше за воротами, там и собака...

Посмотрел – место хорошее, с улицы не видно. При необходимости легко можно выехать. Сразу же и пригнал машину, пока никто это

место не занял. Вернулся, подошёл к калитке и вздрогнул – сработал датчик движения! О, да это ведь прибор меня самого засёк! Молодец, мой охранник. Так держать!

Зашёл, уселся на кресло, задумался. На всякий случай надо наметить пути отхода. Проверил окно на кухне – надёжный путь. Через двор соседа можно на соседнюю улицу выскочить, почти к этой мастерской. Успокоился, уселся обратно. Так успокоился, что вздремнул.

Проснулся от бипера, соскочил и к окну. Слава тебе, господи! Брат с женой, оказывается, пришли на обед. Разговор не клеится.

– А где машина твоя?

– На ремонт отогнал – амортизаторы поменять.

Лучший способ обмануть – сказать правду, только не всю.

Тут со школы племянники мои вернулись. Мальчик и девочка. Невольно представил, что меня отсюда забирать будут. Страшная картина во всех вариантах. Вариант первый: я отбиваюсь, выстрелы, взрывы, кровь рекой, гора трупов... Стоит того моя судьба? Вариант второй: сдаюсь добровольно. Попадая по ту сторону решётки, автоматически становишься преступником. Никому не интересно, совершил ты это или нет. Жизнь перечёркнута.

Что это я только о страшном думаю? Можно же не дожидаться такого исхода. Надо действовать на опережение, только не здесь – в Уфе. Да, прийти к генеральному прокурору, объяснить. Если не получится, всегда успею гранату достать... Лучше, если дело до этого не дойдёт.

Вечером об этом и поговорили. Правда, про гранату и суицид я умолчал...

Рано утром, пока все спали, я быстро оделся и вышел. Так спокойно кругом, как будто нет никакой беды. Нацарапав на скорую руку на клочке бумаги, на дверях оставил записку.

Всё, пора в путь. Оружие подальше, телефон – в карман. Дорога пустая, можно и поднажать. Ну, прибуду я, а кто меня туда пустит? Не силой же пробиваться. Там скорее всего досмотр. Так что придётся совсем без оружия. Стоп! Телефон – серьёзное оружие, если правильно использовать. Тем более, если позвонит генерал! Но это резервный вариант. Попробую наобум.

Только вошёл в парадные двери, охранник с металлодетектором преградил путь:

– Предметы запрещённые есть?

– Табельный в отделе сдал, — сказал я, вытаскивая из нагрудного кармана спутниковый телефон. — Прямой, московский.

– Проходите!

Быстро и уверенно я приблизился к турникету, вильнул рукой с телефоном дежурному:

– Генеральный у себя?

– Совещание у него!

– Бог мой, опоздал!

И почти бегом стал подниматься по лестнице. Когда охранник проводил по мне своим прибором, я разглядел на плане эвакуации в случае пожара местонахождение приёмной. Будучи почти на месте, услышал, как с криками «стой!» за мной вдогонку побежали охранники. Но я проскочил в дверь, секретарь не успела меня остановить... Я запер за собой дверь, почти сразу же стали барабанить дверь мои преследователи.

– Это ещё что такое?!

– Пожалуйста, выслушайте! А то в окно выброшусь! Только вы меня спасти можете! Пожалуйста! — сам того не осознавая, упал на колени. Кто-то усмехнулся, мол, окна здесь бронированные... В этот момент распахнулась дверь и ворвались мои преследователи. «Всё кончено!» — подумал я, но вдруг услышал:

– Оставьте его. Что случилось? Только вкратце. Раз уж прервали совещание, говорите, у вас две минуты.

Захлёбываясь слезами, я стал рассказывать. Путался, сбивался, опять начинал...

– Ясно, да не всё ясно. Успокойтесь. Дайте ему воду. А вы, ребята, свободны, в приёмную выходите.

Немного успокоившись, я всё вкратце рассказал ещё раз.

– Теперь слушайте меня внимательно. Ваше дело я беру под свой контроль. Пока труп не найден, никто не вправе вас обвинять. Тем более заключать под стражу. Справку возьмёте у секретаря. Вы свободны.

– Правда? — глаза наполнились слезами, голова закружилась. Я стал падать, кто-то успел меня схватить. Пришёл в себя от едкого запаха нашатырки. Я — стыдно, конечно, говорить — рыдал, как ребёнок, безудержно, никак не мог успокоиться. Пришёл доктор, после укола стало лучше.

– Вот вам справка, а это — её ксерокопия. Оригинал никому не отдавайте, только показывайте. Будут спрашивать — дайте копию. И ещё... вы уж меня извините, я ведь тоже мать... С сыном - то что? Надежда есть хоть какая-нибудь?

– Если б я знал... ■

Окончание следует

В ЧЕМ СИЛА КОЛЛЕКТИВА?

В Буинске уверены: сила – в профсоюзах. Потому, что профсоюз сегодня – это единственная, реально действенная, организация, которая защищает права труженников и добивается исполнения социальных гарантий.

В последнее время все чаще можно услышать вопрос: «А нужен ли нам сегодня профсоюз?»

«Ответ, на мой взгляд, возможен только один – нужен! И не просто он должен быть, а должен идти в ногу со временем, радоваться нашим успехам, процветать! Это закон жизни: будем успешны мы – будет успешен наш союз, альянс труда и вдохновения».

Так обычно отвечает на неудобный вопрос председатель Буинского РК профсоюза работников образования Ильхамия Сабирзянова. Она знает, о чем говорит.

В Буинском районе сегодня сложилась прочная система социального партнерства между всеми ветвями власти и профсоюзными выборными органами.

«Эффективная система социального партнерства позволила в течение последних лет создать устойчивое отношение к коллективным договорам как основному документу образовательной организации. Теперь мы успешно реализуем и развиваем социальные программы, которые направлены на социальную защиту работников системы образования», – подчеркивает Сабирзянова.

Для повышения престижа профессии учителя Татарская республиканская организация Общероссийского профсоюза образования провела интернет-акцию «Лучшая педагогическая (трудова) династия».

В акции приняли участие 40 педагогических династий Татарстана. Буинский район вполне достойно был представлен четырьмя династиями педагогов.

«Это поистине люди большого сердца, огромного трудолюбия, это педагоги с большой буквы, преданные своему делу, любящие детей. Это – учителя от Бога», – восхищается коллегами Ильхамия Рифкатовна.

И как не восхищаться?! Например, общий педстаж династии Бикмуллиных-Загидуллиных – 654 года, династии Терентьевых-Никитиных – 249 лет, семья Нагимуллиных «сеет разумное, доброе, вечное» уже 230

лет. И самая молодая династия Фахрутдиновых-Сайфутдиновых занимается педагогикой «всею» 84 года.

«Очень приятно, что среди победителей есть династия нашего района. А в номинации “Сердце, отданное детям” победителями стали наши – династия Фахрутдиновых-Сайфутдиновых. Остальные наши династии стали лауреатами».

В Буинском районе создают все условия молодым педагогам для профессиональной реализации. «Наша молодежь является драйвером в современной школе. Она лучше понимает запросы новой общественной системы. У нас в районе успешно работает Ассоциация молодых педагогов. Ее члены являются активными участниками ежегодной сессии Республиканской педагогической школы профсоюза. По их утверждениям, РПШ – уникальная возможность перенять опыт коллег из соседних муниципалитетов», – рассказывает подробности глава профсоюзов системы образования Буинского района.

Ильхамия Сабирзянова также отметила, что местная профсоюзная организация принимает активное участие и в реализации социальных проектов, организованных Рескомом профсоюза. Это, в первую очередь, такие, как «За здоровьем в Крым», «Мы рядом – мы вместе» (путевки «Мать и дитя»), теплоходные круизы для победителей профессиональных конкурсов.

«Впереди у нас еще много совместной работы. Хочу сказать одно: мне бы очень хотелось, чтобы все работники образования с гордостью говорили: “Да, я член профсоюза, он защищает меня, и я ему верен!”. С уверенностью могу сказать, что профсоюз сегодня является действенным и влиятельным органом на всех уровнях. Нас слышат, с нами считаются, поэтому стало возможным осуществление многих планов и идей. Вместе мы преодолеем трудности нашей жизни и останемся верны своему профессиональному долгу. Ведь мы вместе – сила!»

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на нас в социальных сетях!

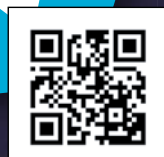

ВЛИЯЙТЕ
на контент журнала!

УЧАСТВУЙТЕ
в конкурсах!

ВЫИГРЫВАЙТЕ
призы!

НА СВЯЗИ!

Татмедиа

ОФОРМИ ПОДПИСКУ И ВЫИГРАЙ! ТЕЛЕВИЗОР, БЫТОВУЮ ТЕХНИКУ, МНОГО ДРУГИХ ПОДАРКОВ

РОЗЫГРЫШ ПРИЗОВ
16 АВГУСТА 2019

1 ВЫПИШИ

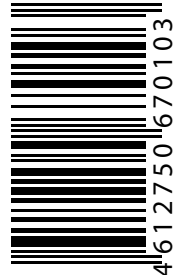
не менее трёх изданий АО «ТАТМЕДИА»
до 30 июня 2019 г. (ознакомиться с изданиями
по акции на сайте tatmedia.ru)

2 ПРИШЛИ

копии подписных квитанций с пометкой «Акция»
(обязательно укажи телефон!)
Адрес: 420066, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2
или podpiska@tatmedia.ru

3 ВЫИГРАЙ

телевизор, мультиварку, мясорубку, блендер,
шерстяное одеяло и другие призы

Подробности и сроки акции, призы, порядок их получения – на сайте tatmedia.ru
Сроки акции с 22.04.2019 по 20.09.2019. Приём заявок до 20.07.2019. Организатор – АО «ТАТМЕДИА»

Электронная версия журнала «Идеи» предназначена исключительно для индивидуального пользования. Любое тиражирование, копирование, передача третьим лицам электронной версии издания без согласия редакции «Идеи» запрещено. О нарушениях авторских прав (раздел VII ГК РФ) и Пользовательского соглашения сообщайте в редакцию.

Реклама 16+

